

Институт археологии Крыма РАН
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

XII Международный Византийский семинар

ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС

Севастополь – Балаклава
25 – 29 мая 2020 г.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Симферополь

2020

УДК 93/94(3)
ББК 63.3(0)4
ХЗ9

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь: Колорит, 2020. – 311 с.

*Рекомендовано к изданию Ученым Советом ФГБУН
«Институт археологии Крыма РАН»*

Редакционная коллегия:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь) – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ;

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) – ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ;

МАЙКО ВАДИМ ВЛАДИСЛАВОВИЧ, доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь);

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института всеобщей истории РАН (Москва);

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes médiévales (Paris IV – Sorbonne), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН (Симферополь) – СЕКРЕТАРЬ–КООРДИНАТОР

ISBN 978-5-6044196-3-2

УДК 93
ББК 63.3(0)4
ХЗ9

© Коллектив авторов (2020)
© Алексеенко Н.А., составление, оформление (2020)
© Институт археологии Крыма РАН (2020)

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАТОРЫ И ОРГКОМИТЕТ	15
УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ	17
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ	23
АЙБАБИН А.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Город на плато Эски-Кермен в XIV в.	25
АЛЕКСЕЕНКО Н.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Несколько новых крымских сфрагистических находок	31
АНТИПЕНКО А.В. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Элементный состав средневековых изделий из цветных металлов	37
АРЖАНОВ А.Ю. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Пространственная организация средневековых поселений Гераклеийского полуострова	47
АФИНОГЕНОВ Д.Е. (ИВИ РАН, Москва) Письмо Иоанникия Великого патриарху Мефодию: славянский перевод	53
АФИНОГЕНОВА О.Н. (ЦНЦ ПЭ, Москва) Терминологические различия в наименовании ликов святости в Византии и на Руси	57
БАЙБУРТСКИЙ А.М. (ИАКр РАН, Симферополь) «Цаты» – армяно-ромей в средневековом Крыму (к историографии вопроса)	59

BULGURLU V. (İstanbul, Türkiye) A Selection of Seals from the Private Collection of Adnan Aci of Samsun	65
БУТЫРСКИЙ М.Н. (ГМВ, Москва) Византийская нумизматическая иконография: степень востребованности и адаптация в монетном деле иных стран (X–XII вв.)	67
ВИНОГРАДОВ А.Ю. (НИУ ВШЭ, Москва) ЧХАИДЗЕ В.Н. (ИА РАН, Москва) «Спаси великого Евмафия из рода достославного»: к прочтению легенды одной группы византийских печатей	71
ГАНЦЕВ В.К. (ТА КрФУ, Симферополь) Виноградные ножи в средневековом Крыму: опыт классификации	77
ДОБРОВОЛЬСКАЯ М.В., МАСТЫКОВА А.В. (ИА РАН, Москва) О датировке византийского храма в Горзувитах с помощью методов естественных наук	85
ДУШЕНКО А.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Нумизматический комплекс Мангупского княжеского дворца: статистический обзор (раскопки 2006–2018 гг.)	91
ЕВДОКИМОВА А.А. (ИЯз РАН, Москва) Формулы в византийских погребальных надписях Сирии	99
ЕВДОКИМОВА А.А. (ИЯз РАН, Москва) ТОЛМАЧЕВА Е.Г. (ЦПЭИ, Москва) К вопросу о надписях на позднеантичном- раннеисламском текстиле: от реконструкции изделия к тексту (предварительные замечания)	105
ЗАВАДСКАЯ И.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) КУЛЬКОВА М.А. (РГПУ, Санкт-Петербург) СМЕКАЛОВА Т.Н. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Предварительные результаты петрографического исследования средневековой черепицы из Эски-Кермена и Ильки-2	113

ИВАНОВ А.В. (ИАКр РАН, Симферополь) Фотоматериалы середины XIX – первой половины XX в. как исторический источник для реконструкции ансамбля крепости Чембало: опыт составления свода	117
ИВАНОВ С.А. (НИУ ВШЭ, Москва) Византийский поцелуй	131
ИОЖИЦА Д.В. (ИАКр РАН, Симферополь) Византийская базилика и ее архитектурные компоненты. Некоторые проблемы современной историографии	137
КАЗАНСКИЙ М.М. (SNRS, UMR 8167, Paris, France) Элементы декора конской сбруи из Алтынказгана на Мангышлаке и их ранневизантийские параллели	143
КАЛИНИНА Т.М. (ИВИ РАН, Москва) Арабский географ Ибн Хаукал о море ар-Рума	151
КИРИЛКО В.П. (ИАКр РАН, Симферополь) Архитектурные споллии из раскопок средневековой Алушты	159
КУЗЕНКОВ П.В. (МГУ, Москва) Рога византийских сановников по данным хрисовула 1074 г.	165
МАЙКО В.В., ТЕСЛЕНКО И.Б. (ИАКр РАН, Симферополь) Византийская красноглиняная поливная керамика XII – первой половины XIII вв. средневековой Сугдеи	169
МАЙКО В.В., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Византийские пряжки из Сугдеи	177
МАКАРОВА А-М.Л. (НИУ ВШЭ, Москва) Евгений Трапезундский и закавказские святые в росписях Тимотесубани (около 1206–1215 гг.)	183
МАЛАХОВ С.Н. (ИИА РСО-Алания, Владикавказ) Аланы в Византии в X–XIV вв.	187

ОШАРИНА О.В. (ГЭ, Санкт-Петербург) О льве, который «верующих спасает и врагов попирает»	193
ПАНЧЕНКО В.В., СТУПКО М.В. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Клад монет ранневизантийского времени из района села Оборонное	199
РОМЕНСКИЙ А.А. (ГМЗ ХТ, Севастополь) «Крещение мертвых» в летописной статье 6552 года: византийский, скандинавский и славянский языческий контекст	211
СЕДИКОВА Л.В., ДОН И.Е. (ГМЗ ХТ, Севастополь) Металлические изделия из торговой лавки XIII в. византийского Херсона	215
СЕЙДАЛИЕВ Э.И. (ИАКр РАН, КИПУ, Симферополь) Сельские памятники округа золотоордынского Солхата: материалы к археологической карте юго-восточного Крыма	219
СИДОРЕНКО В.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Мангупская строительная надпись гекатонтарха Τζιτ[ζικίου] и хан Токтамыш	227
СТЕПАНЕНКО В.П. (УрФУ, Екатеринбург) Г. Шлюмберже, Н.П. Лихачев, В.С. Шандровская. История одной печати	245
ТЕСЛЕНКО И.Б. (ИАКр РАН, Симферополь) Керамика Эски-Кермена эпохи «посткатастрофы» (по материалам исследований в центральной части городища)	249
ТЕСЛЕНКО И.Б. (ИАКр РАН, Симферополь) АЛЕКСАНДРОВА И.А. (АИКМ, Алушта) Эгейская поливная посуда городища Партениты (из коллекции Алуштинского историко-краеведческого музея)	255
ТОЛМАЧЕВА Е.Г. (ЦПЭИ, Москва) Погребальный обряд позднеантичного Египта по данным археологии: христианство, язычество, двоеверие?	263

ТУРОВА Н.П. (ИАКр РАН, Симферополь) Некрополь храмового комплекса Кильсе-Бурун	267
ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь) Византийский амулет с изображением Хнубиса из Юго-Западного Крыма	271
ХРАПУНОВ Н.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Принц де Линь в Крыму, или как заменить Византию сказками 1001 ночи	277
ЧХАИДЗЕ В.Н. (ИА РАН, Москва) О фальсификации византийских и древнерусских печатей: <i>страторы</i> Херхона, коган Роскі и прочие безграмотные фантазии XXI века	282
ШРАЙНЕР П. (Köln) Византийцы и Черное море	291
ЭТИНГОФ О.Е. (НИИ ТИИИ РАХ, РГГУ, Москва) Образ города в мозаиках базилики Рождества Христова в Вифлееме и аниконическое искусство Византии	293
ЮРОЧКИН В.Ю. (ИАКр РАН, Симферополь) «Славянский Крым». Об истоках идеи	293
ГИНЬКУТ Н.В. (ГМЗ ХТ, Севастополь) О византийских поливных сосудах XIV в. с монограммами из раскопок крепости Чембало и их возможном назначении	303

CONTENTS

CONFERENCE ORGANIZERS	15
LIST OF PARTICIPANTS	17
ABSTRACTS OF PRESENTATIONS	23
AIBABIN A.I., KHAIREДИNOVA E.A. (Simferopol) The Town on the Plateau of Eski-Kermen in the Fourteenth Century	25
ALEKSEIENKO N.A. (Simferopol) Several New Sigillographic Finds in the Crimea	31
ANTIPENKO A.V., KHAIREДИNOVA E.A. (Simferopol) The Ultimate Composition of Mediaeval Artefacts of Nonferrous Metals	37
ARZHANOV A.Yu. (Sevastopol) The Spatial Organization of Mediaeval Settlements in the Gerakleiskii Peninsula	47
AFINOGENOV D.E. (Moscow) An Epistle from Ioannikios the Great to Patriarch Methodios: Its Slavic Translation	53
AFINOGENOVA O.N. (Moscow) Terminological Differences in the Naming of Categories of Saints in Byzantium and Rus'	57

BAIBURTSKII A.M. (Simferopol) The “Tzatoi,” or the Armenian Romaioi in Mediaeval Crimea (To the Historiography of the Question)	59
BULGURLU V. (İstanbul) A Selection of Seals from the Private Collection of Adnan Aci of Samsun	65
BUTYRSKII M.N. (Moscow) Byzantine Numismatic Iconography: The Degree of Its Relevance and Adaptation in Coinage of Other Countries (Tenth to Twelfth Centuries)	67
VINOGRADOV A.Yu., CHKHAIDZE V.N. (Moscow) “Save Great Eumathios of the Glorious Family”: Towards the Reading of the Legend of a Group of Byzantine Seals	71
GANTSEV V.K. (Simferopol) Winegrower’s Knives in Mediaeval Crimea: An Essay on the Classification	77
DOBROVOLSKAIA M.V., MASTYKOVA A.V. (Moscow) On the Chronology of the Byzantine Church in Gorzubitai by Natural Scientific Methods	85
DUSHENKO A.A. (Simferopol) The Numismatic Assemblage of the Prince’s Palace at Mangup (2006–2018 Excavations): Its Statistical Review	91
EVDOKIMOVA A.A. (Moscow) The Formulas in Byzantine Funeral Inscriptions from Syria	99
EVDOKIMOVA A.A., TOLMACHEVA E.G. (Moscow) For the Question of Inscriptions on Late Antique and Early Islamic Textiles: From the Artefact Reconstruction to the Text (Preliminary Notes)	105

ZAVADSKAIA I.A. (Simferopol), KULKOVA M.A. (St. Petersburg), SMEKALOVA T.N. (Simferopol) Preliminary Results of Petrographic Tests of Mediaeval Roof Tiles from Eski-Kermen and Il'ka-2	113
IVANOV A.V. (Simferopol) Photo Materials from the Mid-Nineteenth to the First Half of the Twentieth Century as a Historical Source for the Reconstruction of Chembalo Fortress Ensemble: An Essay on the Code Making	117
IVANOV S.A. (Moscow) The Byzantine Kiss	131
IOZHITSA D.V. (Simferopol) Byzantine Basilica and Its Architectural Components: Some Aspects of Modern Scholarship	137
KAZANSKI M.M. (Paris) Decorative Elements of Horse Trappings from Altynkazgan at the Mangyshlak and Their Early Byzantine Parallels	143
KALININA T.M. (Moscow) The Sea of Rum on the Maps by Tenth-Century Arabic Cartographers	151
KIRILKO V.P. (Simferopol) Architectural Spolia Excavated in Mediaeval Alushta	159
KUZENKOV P.V. (Moscow) Byzantine Officials' Roga according to the 1074 Chrysoboullon	165
MAIKO V.V., TESLENKO I.B. (Simferopol) Byzantine Glazed Red Clay Pottery from the Twelfth and the First Half of the Thirteenth Century at Mediaeval Sougdaia	169

MAIKO V.V., KHAIREДИNOVA E.A. (Simferopol) Byzantine Buckles from Sougdaia	177
MAKAROVA A-M.L. (Moscow) Eugenios of Trebizond and Saint of the Transcaucasia in the Paintings of Timotesubani (ca. 1206–1215)	183
MALAKHOV S.N. (Vladikavkaz) The Alans in Byzantium from the Tenth to Fourteenth Centuries	187
OSHARINA O.V. (St. Petersburg) On the Lion “Saving them that Believe, but Treading down the Adversary”	193
PANCHENKO V.V., STUPKO M.V. (Sevastopol) A Hoard of Early Byzantine Coins from the Vicinity of Oboronnoe Village	199
ROMENSKII A.A. (Sevastopol) The “Baptism of the Dead” in the Chronicle s.a. 6552: Byzantine, Scandinavian, and Pagan Slavic Context	211
SEDIKOVA L.V., DON I.E. (Sevastopol) The Metal Ware from a Thirteenth-Century Shop in Byzantine Cherson	215
SEIDALIEV E.I. (Simferopol) The Rural Sites in the Vicinity of Solkhat in the Golden Horde Period: The Materials for the Archaeological Map of the South-Eastern Crimea	219
SIDORENKO V.A. (Simferopol) The Building Inscription of Hekatontarches Τζττ[ζίκτος] and Khan Tokhtamysh from Mangup	227

STEPANENKO V.P. (Yekaterinburg) G. Schlumberger, N.P. Likhachev, V.S. Shandrovskaja: The History of a Seal	245
TESLENKO I.B. (Simferopol), The Ceramic Pottery from the “Post-Catastrophe” Period of Eski-Kermen: According to the Materials of Researches in the Central Area of the Ancient Town	249
TESLENKO I.B. (Simferopol), ALEKSANDROVA I.A. (Alushta) The Aegean Glazed Ware from the Ancient Town of Parthenites (In the Collection of the Alushta Historical and Regional Museum)	255
TOLMACHEVA E.G. (Moscow) Funeral Rite in the Late Antique Egypt according to Archaeological Data: Christianity, Paganism, Dual Faith?	263
TUROVA N.P. (Simferopol) The Cemetery at the Church Complex of Kil’se-Burun	267
KHAIREDINOVA E.A. (Simferopol) A Byzantine Amulet Featuring Chnoubis from the South-Western Crimea	271
KHRAPUNOV N.I. (Simferopol) Prince de Ligne in the Crimea, or How to Replace Byzantium with the Tales of 1001 Nights	277
CHKHAIDZE V.N. (Moscow) On the Counterfeit Byzantine and Rus’ian Seals: Stratores of Kherhon, Kogan Roski, and Other Illiterate Fantasies in the Twenty-First Century	282
SCHREINER P. (Köln) The Byzantines and the Black Sea	291

ETINHOF O.E. (Moscow)
The Image of Town in the Mosaics
of the Basilica of the Nativity
in Bethlehem and Byzantine Aniconic Art 293

YUROCHKIN V. Yu. (Simferopol)
The “Slavic Crimea”: On the Sources of the Concept 299

GINKUT N.V.
On the Byzantine Glazed Vessels Featuring Monograms
from the Fourteenth Century Excavated
in Chembalo Fortress and Their Possible Function..... 303

ОРГАНИЗАТОРЫ

**Институт археологии Крыма Российской Академии Наук
(Симферополь)**

**Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)**

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь);

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Центра истории Византии и восточно-христианской культуры Института Всеобщей истории РАН (Москва);

СЕДИКОВА ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь);

КООРДИНАТОР:

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes Médiévalles (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь);

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института Всеобщей истории РАН (Москва);

ЙОРДАНОВ ИВАН,

профессор, доктор исторических наук, директор на Научен център по византистика Шуменски университет «Епископ Константин Преславски» (Шумен, България);

КАЗАНСКИЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

docteur habilité, directeur de Recherches de Centre national de la recherche scientifique (SNRS) – UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Caen, France) et Centre d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France (Paris, France);

МАЙКО ВАДИМ ВЛАДИСЛАВОВИЧ,

доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН (Симферополь);

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ,

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург);

ЧХАИДЗЕ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва).

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

АЙБАБИН Александр Ильич, д.и.н., проф.

НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

АЛЕКСАНДРОВА Инна Алексеевна

Алуштинский историко-краеведческий музей
Центрального музея Тарвиды (Алушта)
E-mail: petrova_23@mail.ru

АЛЕКСЕЕНКО Николай Александрович,

dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), к.и.н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

АНТИПЕНКО Анна Витальевна

НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: an.antipenko@yandex.ru

АРЖАНОВ Алексей Юрьевич

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
E-mail: aleksar71@gmail.com

АФИНОГЕНОВ Дмитрий Евгеньевич, д.фил.н., к.и.н., проф.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
E-mail: logotheta@mail.ru

АФИНОГЕНОВА Ольга Николаевна, к.и.н.

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» (Москва)

E-mail: helgaharen@mail.ru

БАЙБУРТСКИЙ Аркадий Михайлович

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: surbhachark@rambler.ru

BULGURLU Vera, Ph.D.

Independent Researcher (İstanbul, Türkiye)

E-mail: vera@bulgurlu.com

БУТЫРСКИЙ Михаил Николаевич

Государственный музей Востока (Москва)

E-mail: chalkites@mail.ru

ВИНОГРАДОВ Андрей Юрьевич, к.и.н., доц.

Научно-исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: ampelios@gmail.com

ГАНЦЕВ Валентин Константинович

Таврическая академия

Крымского Федерального университета

им. В.И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: valentin.gancev@mail.ru

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Мария Всеволодовна, д.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)

E-mail: mk_pa@mail.ru

ДОН Ирина Евгеньевна

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: idon-2@yandex.ru

ДУШЕНКО Антон Анатольевич, к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского

Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: tnu.dushenko@mail.ru

ЕВДОКИМОВА Александра Андреевна, к.и.н.

Институт языкознания РАН (Москва)

E-mail: arochka@gmail.com

ЗАВАДСКАЯ Ирина Анатольевна, к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма

Крымского Федерального университета

им. В.И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

ИВАНОВ Алексей Валерьевич, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: ivav@yandex.ru

ИВАНОВ Сергей Аркадьевич, д.и.н., проф.

Научно-исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: s.ark.ivanov@gmail.com

ИОЖИЦА Дарья Васильевна

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: arhi-ari@mail.ru

КАЗАНСКИЙ Михаил Михайлович, dr habilité, prof.

Le Centre national de la recherche scientifique (SNRS),

UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

КАЛИНИНА Татьяна Михайловна, к.и.н.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

E-mail: tmka@yandex.ru

КИРИЛКО Владимир Петрович, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

КУЗЕНКОВ Павел Владимирович,

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова (Москва)

E-mail: pk407@mail.ru

КУЛЬКОВА Марианна Алексеевна, к.г.-м.н.

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

E-mail: kulkova@mail.ru

МАЙКО Вадим Владиславович, д.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: vadimmaiko@ukr.net

МАКАРОВА Анна-Мария Львовна,

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: mashico@inbox.ru

МАЛАХОВ Сергей Николаевич, к.и.н.

Институт истории и археологии

Республики Северная Осетия-Алания (Владикавказ)

E-mail: malakhoffserg@mail.ru

МАСТЫКОВА Анна Владимировна, д.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)

E-mail: amastykova@mail.ru

ОШАРИНА Ольга Владимировна, кандидат искусствоведения

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

E-mail: oosharina@yandex.ru

ПАНЧЕНКО Вадим Владимирович

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: vad_panchenko@mail.ru

РОМЕНСКИЙ Александр Александрович, к.и.н.

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: pergamen-romen@mail.ru

СЕДИКОВА Лариса Васильевна, к.и.н.

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: sedikova7@yahoo.com

СЕЙДАЛИЕВ Эмиль Исаевич, к.и.н.

Крымский инженерно-педагогический университет,

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: codexcummanicus@gmail.com

СИДОРЕНКО Валерий Анатольевич, к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма

Крымского Федерального университета

им. В.И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: crimeastor@rambler.ru

СМЕКАЛОВА Татьяна Николаевна, д.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма

Крымского Федерального университета

им. В.И. Вернадского (Симферополь)

E-mail: tnsmek@mail.ru

СТЕПАНЕНКО Валерий Павлович, д.и.н., проф.

Уральский Федеральный университет

им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

E-mail: v.stepanenko49@mail.ru

СТУПКО Михаил Валерьевич

Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

E-mail: tombdefensor@mail.ru

ТЕСЛЕНКО Ирина Борисовна, к.и.н.

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: i_teslenko@mail.ru

ТОЛМАЧЁВА Елена Геннадиевна, к.и.н.

Центр палеоэтнологических исследований (Москва)

E-mail: etolma@mail.ru

ТУРОВА Наталия Петровна

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

E-mail: turova.n@gmail.com

ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна, к.и.н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: khairedinovaz@rambler.ru

ХРАПУНОВ Никита Игоревич, к.и.н.
НИЦ истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета
им. В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: khrapunovn@gmail.com

ЧХАИДЗЕ Виктор Николаевич, к.и.н.
Институт археологии РАН (Москва)
E-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

SCHREINER Peter, prof, dr. hab.
Universität zu Köln (Köln, Deutschland)
E-mail: Peter.Schreiner@uni-koeln.de

ЭТИНГОФ Ольга Евгеньевна, доктор искусствоведения
НИИ теории и истории изобразительных искусств
Российской Академии художеств; Российский
Государственный гуманитарный университет (Москва)
E-mail: etinhof@mail.ru

ЮРОЧКИН Владислав Юрьевич, к.и.н.
Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

ГИНЬКУТ Наталия Витальевна
Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
E-mail: n-ginkut@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ докладов и сообщений

А.И. АЙБАБИН

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ГОРОДИЩЕ ЭСКИ-КЕРМЕН В XIV ВЕКЕ¹

В 1928–1934, 1936–1937 гг. в процессе широкомасштабных раскопок Эски-Керменской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Государственного исторического музея (в 1928–1930 гг. руководитель Ф.И. Шмит, в 1931–1937 гг. – Н.И. Репников; в 1933 г. работы велись совместно с музеем Филадельфийского университета) на плато открыты оборонительные сооружения, главная трехнефная базилика (Рис. 1,А), два жилых квартала около восточного края плато и отдельные участки некрополя на юго-восточном склоне плато [Шмит 1932; Репников 1932; Материалы 1935]. На склоне южного края плато зачищена вырубленная в скале дорога, ведущая к главным воротам и несколько пещерных храмов. В 1979–1981 гг. Эски-Керменским отрядом Южнокрымской экспедиции Института археологии АН УССР исследовался участок, прилегающий к северной стене базилики (Рис. 1,Б) [Паршина 1988]. В ходе этих работ была полностью раскопана открытая в 1930 г. часовня, а также открыты примыкающие к северной стене главной базилики участки некрополя и городской застройки. В 2003–2008 и 2013–2019 гг. нами исследовались два квартала, расположенные на Главной улице в 160 м к югу от главной базилики.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму» №18-09-00314.

Судя по сохранившимся на поверхности плато Эски-Кермен строительным остаткам, в поздний период его большая часть была плотно застроена. Все раскопанные на плато усадьбы погибли в результате пожара. Зачищенные остатки усадеб и культовых сооружений, равно как раскрытые участки главной и поперечных улиц были перекрыты слоем разрушения, насыщенного камнями от рухнувших стен, золой и углями. Полученные в ходе археологических работ материалы позволили утверждать, что город был уничтожен в 1299 г. Ногаем [Айбабин 2014; Айбабин 2014а; Айбабин, Хайрединова 2011].

В 2018–2019 гг. в центральной части городища нами проводились археологические исследования с целью поиска административного центра города с общественными постройками. На участке перед базиликой 1930 г., на месте предполагаемой площади и примыкающих к ней кварталов раскопан участок общей площадью около 100 м² (Рис. 1,В). В результате удалось прояснить планировку центральной части средневекового города на плато Эски-Кермен.

Перед открытой в 1930 г. главной трёхнефной базиликой расчищена небольшая площадь шириной около 5 м (Рис. 1). В последний период существования города площадь с западной стороны ограничивалась парапетом из мощных известняковых блоков. За парапетом располагались жилые кварталы с двухэтажными усадьбами, крытыми черепицей. По планировке усадьбы центральной части города не отличались от жилых построек в других городских кварталах. Раскопанное в 2018–2019 гг. помещение 1 первого этажа, как и во всех, исследованных ранее усадьбах на городище, было хозяйственным. Стены возведены на скале. Наружная и внутренняя кладки стен сложены на грязевом растворе из крупных камней со следами обработки, с соблюдением порядовки. Усадьба перед базиликой принадлежала семье с высоким имущественным и социальным статусом. Вместе с другими, исследованными ранее на плато постройками она погибла в мощном пожаре в конце XIII в. во время набега войск Ногай [Айбабин 2014].

В слой разрушения усадьбы конца XIII в. впущены три плитовые могилы, перерезавшие северную стену помещения 1 (Рис. 1,В). В одной из них впервые на территории плато Эски-Кермен найдены серебряная монета хана Узбека выпуска 1320–1341 гг., золотые серьги в виде знака вопроса XIV в. и гончарный кувшин XIV–XV вв. Все могилы датируются первой половиной XIV в. [Айбабин, Хайрединова 2019б].

Вновь выявленные факты дополняют наши представления о последнем периоде жизнедеятельности на плато Эски-Кермен. Вероятно,

уже после гибели большей части кварталов пережившие пожар горожане в начале XIV в. устроили на расчищенном участке у главной базилики храмовый некрополь [Айбабин, Хайрединова 2019; Айбабин, Хайрединова 2019а]. Очевидно, с этого кладбища происходит хранящаяся ныне в Эрмитаже высеченная из местного известняка надгробная модель крестовокупольного храма XIV в. (Рис. 2). Ее нашли в 1930-х гг. около главной базилики [Якобсон 1976, с. 30–33, рис. 1]. Модель воспроизводит крестовокупольный храм с одной пятигранной апсидой и куполом на барабане, без нартекса. По мнению А.Л. Якобсона, мастер, изготовлявший модель, копировал четырехстолпный храм, возможно, с хорами. Общие размеры модели 13,5×26,3 см; высота – 32,8 см.

После разрушения города в конце XIII в. Ногаем, на плато возродилась активная христианская жизнь. Скорее всего, в начале XIV в. к главной базилике пристроили часовню (Рис. 1,Б). Продолжили функционировать вырубленные в XIII в. пещерные храмы с фресками. Жилые постройки XIV в. на плато Эски-Кермен пока не найдены. Трудно сказать, до какого времени продолжалась жизнь на городище. В составленном Мартином Броневским в 1578 г. описании «пещерных городов», упомянут расположенный «недалеко» от Мангупа «древний город и крепость», имени которого уже в то время не знали ни турки, ни татары, ни даже сами греки [Броневский 2005, с. 344]. По словам Н.Л. Эрнста, свидетельство М. Броневского позволяет говорить о запустении Эски-Кермена в XV в. [Эрнст 1929, с. 41].

Библиография

- АЙБАБИН А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. – Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 215–227.
- АЙБАБИН А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. – Симферополь, 2014а. Вып. XIX. С. 240–277.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Симферополь, 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Исследования центральной части городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь, 2019. С. 25–32.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Исследования средневекового городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // ИАКР. – Симферополь, 2019а. Вып. 11. С. 21–28.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Симферополь, 2019б. Вып. XXIV. С. 250–276.
- БРОНЕВСКИЙ МАРТИН. Описание Крыма. Перевод М. Мачинской и А. Герцена, предисловие и комментарии А. Герцена // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. № 10.

МАТЕРИАЛЫ Эски-Керменской экспедиции 1931–1935 гг. // ИГАИМК. – М.; Л., 1935. Вып. 117.

ПАРШИНА Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Ред. С.Н. Бибиков. – Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.

РЕПНИКОВ Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // «Готский сборник» ИГАИМК. – М.; Л., 1932. Вып. XII, 1–8. С. 107–152.

ШМИТ Ф.И. Эски-Керменская базилика // «Готский сборник». ИГАИМК. – М.; Л., 1932. Вып. XII, 1–8. С. 213–254.

ЭРНСТ Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. – Симферополь, 1929. Вып. III.

ЯКОБСОН А.Л. Модель храма из раскопок Эски-Кермен в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // Зограф. – Београд, 1976. Кн. 7. С. 30–33.

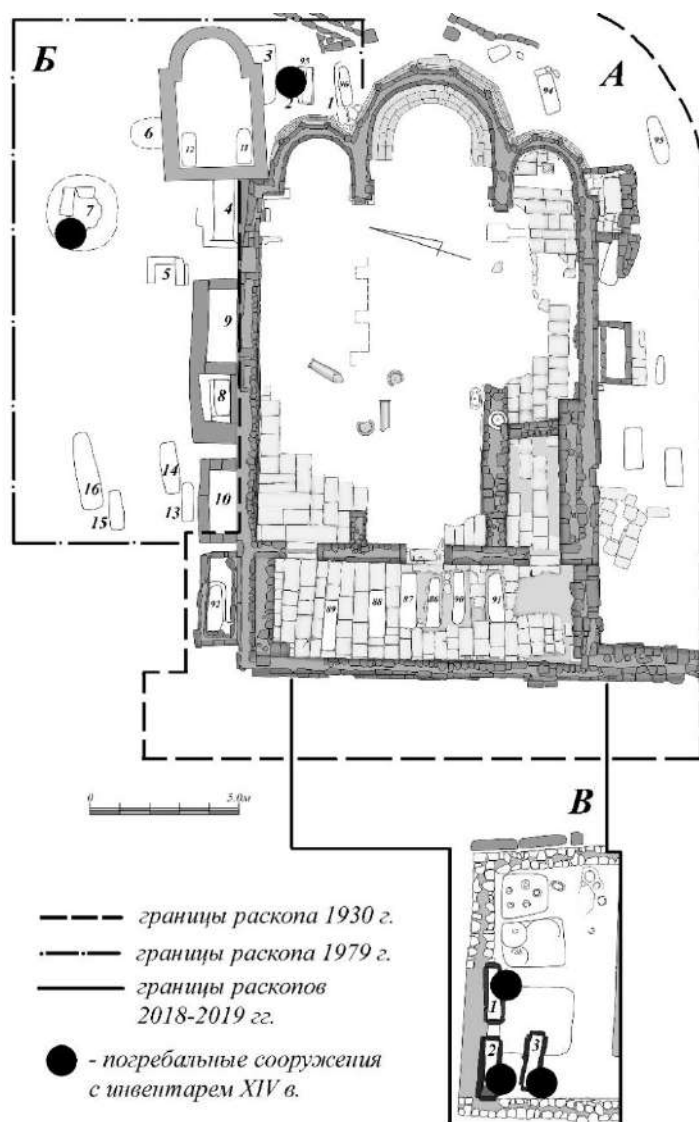

Рис. 1. Городище на плато Эски-Кермен.
Ситуационный план на участке около главной базилики.
Раскопы: А – 1930 г.; Б – 1979–1981 гг.; В – 2018–2019 гг.

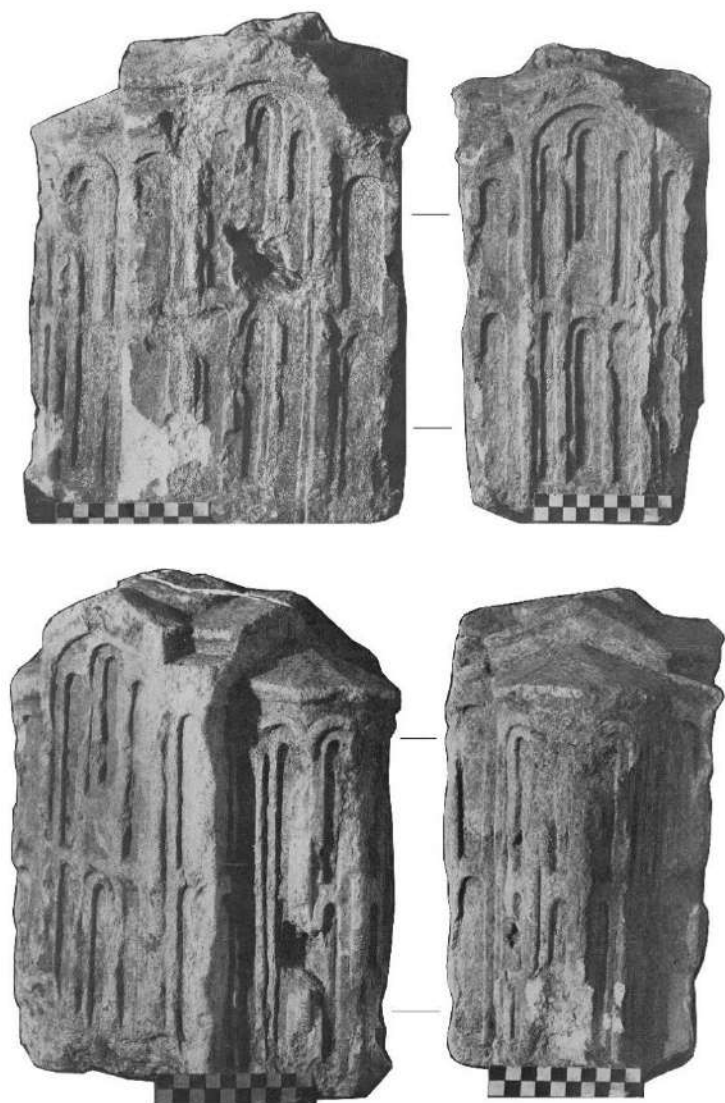

Рис. 2. Надгробие из известняка в виде модели крестовокупольного храма XIV в.; найдено в каменном завале верхнего слоя городища Эски-Кермен около главной базилики (по Якобсон 1976, рис. 1).

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ КРЫМСКИХ СФРАГИСТИЧЕСКИХ НАХОДОК

В последнее время на сфрагистической карте Крыма все чаще и чаще появляются новые адреса находок византийских печатей. При этом это не только традиционные места западного, южного и восточного побережий (округа Севастополя, Симеиз, Гурзуф, Демерджи, Судак, Керчь) и предгорий (Сюйрень, Бакла, Тепе-Кермен, Мангуп, Эски-Кермен и их окрестности), но и территории центральных районов полуострова.

Появление новых моливдовулов показывает, что крымская земля все еще богата на новые интересные, а порой и неожиданные находки.

Напомним, что из недавних находок происходят печати императора Андроника III Палеолога (1328–1341) из окрестностей села Мичуринское Белогорского района [Алексеенко 2019: 121–139] и главного коммеркиария Понта Косьмы первой половины IX в. из окрестностей поселка Коктебель [Алексеенко 2020: в печати].

Впервые еще одним местом находок византийских печатей стал Северо-Западный регион Таврики, всегда считавшийся оплотом крымской античности. Тем не менее из района между Евпаторией и Черноморским (Ак-Мечеть) происходит печать XI в. с изображением св. Георгия, владельцем которой был вестарх Петр (Рис. 1). Аналогичный по типу экземпляр известен в собрании музея искусств Фогга [McGeer 1995: 67, nr. 31; Wassilliou-Seibt 2011: 282, Nr. 609]. Печать примечательна тем, что она демонстрирует редкий тип декасилабической надписи в легенде (Δεσμεύω λόγους βεστάρχου Πέτρου).

Однако, по-прежнему, большинство находок моливдовулов происходит с территории Юго-Западного Крыма и, конечно, из Херсона и его округи. Из недавних находок в окрестностях Севастополя (район

села Вилино) происходит моливдовул апоэпарха Феофилакта VI–VII в. (Рис. 2), а из Херсона – печать с изображением Иоанна Златоуста (Хризостома) последней четверти XI – начала XII вв. с метрической легендой: Ἰωάννην φύλαττε σὸν δοῦλο(ν), Πάτερ (Рис. 3), аналогии которой нашлись в собраниях Dumbarton Oaks и IFEB [Laurent 1934: 287, nr. 632; Wassiliou-Seibt 2011: 451, nr. 1010]. Еще одна анонимная печать XI в. с метрической легендой – Οὗ σφραγίς εἰμι τὴν γραφ(ήν) βλέπων γνῶθ(ι) (Рис. 4), найдена в окрестностях села Счастливое Бахчисарайского района, ее многочисленные аналогии хорошо известны среди болгарских находок [Jordanov 2009: 760–765, nr. 2464–2484].

К сожалению, мы не располагаем точным местом находок целого ряда печатей. Известно лишь то, что они найдены в окрестностях Севастополя и, соответственно, происходят с округи византийского Херсона. Среди них как моливдовулы некоторых хорошо известных херсонских функционеров: архонта Константина первой половины IX в. (Рис. 5) – 24-й экземпляр в серии аналогичных печатей [см. тип: Алексеенко 2017: 221–227, I.1.11.1–23] и стратига Феодора конца X в. (Рис. 6) – 3-й экземпляр в серии [см. тип: Алексеенко 2017: 330–331, III.1.45.1–2], так и буллы логофетов геникона (Рис. 7,1-3): императорского протоспафария Феодора последней четверти IX – начала X вв., аналогии которой имеются и в херсонском архиве печатей [Алексеенко 2003: 180, 181, 202, №№ 15, 16, рис. 15, 16], и среди болгарских находок [Jordanov 2009: 283, nr. 770–776], а также неизвестного по имени чиновника рубежа IX/X вв. и императорского протоспафария Иоанна второй половины X в., для которых аналогий пока обнаружить не удалось.

Стали появляться находки моливдовулов и в Горном Крыму. Сегодня к находкам из окрестностей Мангупа можно присоединить еще две печати XI в.: севаста (?) Никиты с изображением св. Георгия (Рис. 8) и неизвестного чиновника с изображением архангела Михаила. К сожалению, неудовлетворительная сохранность легенды последнего экземпляра пока не позволяет его атрибутировать.

Как сообщалось ранее, из окрестностей городища Эски-Кермен происходит моливдовул херсонского архонта Григория 830-х – 840-х гг., аналогичный по типу хорошо известным херсонским, судакским и таманским находкам (Рис. 9) – и это уже 21-й экземпляр в данной серии печатей [см. тип: Алексеенко 2017: 243–248, № I.1.17.1–20].

Особый интерес вызывают новые находки со склонов Эски-Кермен. Первая – печать неизвестного чиновника второй половины X в. с изображением птицы (Рис. 10), к сожалению, неудовлетворительной сохранности легенды, которую пока не удалось реконструировать. Второй моливдовул имеет полную сохранность и представляет одного из

высокопоставленных церковных иерархов XI столетия – пресвитера и скевофилака Великой церкви с редким именем Агапет (Рис. 11).

Еще один экземпляр с изображением Богородицы (он также относится к XI в.) не атрибутирован, поскольку печать не только фрагментирована, но и имеет значительные повреждения легенды.

Появление этих находок вселяет надежду, что наряду с Херсоном и Мангупом, еще один центр юго-западной Таврики – Эски-Кермен со временем должен стать традиционным местом находок византийских моливдовулов, которые будут отражать его взаимоотношения с окружающим миром.

Новые экземпляры, безусловно, в очередной раз не только пополняют число печатей, обнаруженных как непосредственно на территории политико-административных центров региона, так и вне городских стен, но и вновь заостряют вопрос об адресантах корреспонденции и представителей византийской администрации в Юго-Западной Таврике, и местных фигурантов власти. Причем теперь речь должна идти уже не только о Херсоне, но, по-видимому, и о других, не менее важных, центрах византийского влияния на полуострове.

Таким образом, новые свидетельства памятников сфрагистики, происходящих не только с территории византийского Херсона, но и его дальней периферии, в очередной раз показывают, что этот таврический регион на далёких северных рубежах Византийского государства находился в зоне постоянного внимания не только бюрократического аппарата империи, но и аристократических кругов и церкви.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Печати главных логофетов из Херсонского архива // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 174–205.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. – Севастополь, 2017.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Византия и Крым в контексте имперских интересов в Северном Причерноморье. Новые находки императорских моливдовулов в Таврике // АДСВ. – Екатеринбург, 2019. Вып. 47. С. 121–139.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Перспективы исследований византийских печатей в Крыму // БИ. – Керчь, 2020. Вып. XL (в печати).
- JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. – Sofia, 2009. Vol. 3.
- LAURENT V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // ΕΛΛΕΝΙΚΑ. – Athens, 1934. T. VII. P. 63–71, 277–300.
- MCGEER E. Discordant Verses on Byzantine Metrical Seals // SBS. – Washington, 1995. Vol. 4. P. 63–69.
- WASSILIOU-SEIBT A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. – Wien, 2011. Teil. 1.

Рис. 1. Печать вестарха Петра. XI в.

Рис. 2. Печать апоэарха Теофилакта VI–VII в.

Рис. 3. Частная печать Иоанна с метрической легендой.
Последняя четверть XI – начало XII вв.

Рис. 4. Анонимная печать с метрической легендой
из окрестностей с. Счастлиное. XI в.

Рис. 5. Печать архонта Херсона Константина. Первая половина IX в.
(Коллекция П. Тарасенко. Фото автора).

Рис. 6. Печать стратига Херсона Феодора. Конец X в.
(Коллекция П. Тарасенко. Фото автора).

Рис. 7. Печати главных логофетов:
1 – императорский протоспафарий Феодор (конец IX – начало X вв.);
2 – неизвестный по имени чиновник (рубеж IX/X вв.);
3 – императорский протоспафарий Иоанн (вторая половина X в.).

Рис. 8. Печать севаста (?) Никиты. XI в.
(Коллекция П. Тарасенко. Фото автора).

Рис. 9. Печать архонта Херсона Григория из окрестностей Эски-Кермен.
830-х – 840-х гг.

Рис. 10. Печать неизвестного чиновника со склонов Эски-Кермен.
Вторая половина X в.

Рис. 11. Печать пресвитера и скевофилака Великой церкви Агапета. XI в.

А.В. АНТИПЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ¹

В ходе раскопок 2018–2019 гг. на плато Эски-Кермен выявлены многочисленные предметы из цветных металлов: украшения и аксессуары костюма, фрагменты металлических сосудов, монеты, а также оплавленные изделия, назначение которых установить невозможно. Они происходят из городских усадеб кварталов 1 и 3, погибших в пожаре конца XIII в., а также из плитовых могил XIV в., впущенных в слой пожара [Айбабин, Хайрединова 2019: 257].

В работе представлены результаты анализа 49 изделий из сплавов на медной основе. Предметы из драгоценных металлов и вещи, состоящие из основы и покрытия, не учитывались, так как требуется их дополнительное изучение. Элементный состав сплавов изделий определен неразрушающим методом рентгенофлуоресцентного анализа на спектрометре M1 MISTRAL (Bruker). Категории металла выделены по наличию легирующих компонентов. Для удобства проведения сравнительного анализа названия сплавов даны по составляющим их компонентам. В качестве порога легирования принято процентное содержание элемента >1% [Зайцева 2017: 97].

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму» №18-09-00314.

Статистический анализ показал, что 13 предметов изготовлены из «чистой» меди ($\text{Cu} > 97\%$) (Табл. 1,1,12,18,19-23,26,39,40,45,47), что составляет 27% от всех исследованных образцов. В основном, это детали металлических сосудов: ручка, крышка (Табл. 1,1,22) и фрагменты тонких пластинчатых стенок. Анализ состава сплава средневековых металлических сосудов из раскопок Великого Новгорода и Пскова показал, что части вещей, изготавливаемые ковкой, выполнялись из нелегированной меди [Олейников, Руденко 2017: 337]. Это обусловлено пластическими свойствами меди, которая хорошо поддается проковке, как в горячем, так и в холодном состоянии.

Из плитовых могил XIV в., расположенных около главной базилики, происходят полые сферические пуговицы, изготовленные из серебра и покрытые золотом в технике амальгамирования [Лобода и др. 2019: 282–284]. Исследования пуговиц, найденных в 2018–2019 гг., показало, что встречаются и медные изделия, как вскрытые позолотой, так и без нее (Табл. 1,18,47). Пуговицы этого типа распространены чрезвычайно широко. Процесс их изготовления хорошо иллюстрируют находки из новгородской мастерской на усадьбе А, функционировавшей с 1130 по 1190 гг., где обнаружены отходы производства и готовая продукция. Тиснением из листового металла формировали заготовки для производства полых сферических пуговиц и бубенчиков. Элементный анализ изделий показал, что они выполнены из загрязненной свинцом меди [Енисова, Митоян, Сингх 2017: 195, 196, рис. 5,2].

Кроме вещей, выполненных ковкой и тиснением, из «чистой» меди выполнены ручка сосуда, ложка и поясная накладка (Табл. 1,1,12,45), способ изготовления которых требует уточнения. Чеканенная в Константинополе монета Константина VII и Зои (913–919 гг.)² также выполнена из меди с небольшими присадками олова (Табл. 1,25). В XII–XIV вв. доля «чистой» меди увеличивается за счет широкого распространения рафинировки металла – очистки его от примесей свинца и железа [Коновалов и др. 2008: 145, 146]. Чистая медь без присадок использовалась для чеканки византийских фоллисов в некоторых провинциях Византийской империи [Енисова, Манукян 2017: 162]. Новгородские материалы демонстрируют, что доля «чистой» меди в выборке XII–XIII вв. возрастает и достигает 30% [Олейников, Руденко 2017: 337]. Этот факт не является свидетельством общих источников

² Монеты из раскопок городища 2018–2019 гг. на плато Эски-Кермен определены В.А. Сидоренко.

металла для двух удаленных друг от друга средневековых городов, но может отражать общую тенденцию в использовании именно этого металла в средневековье.

Единичными находками представлены изделия из двухкомпонентных свинцовых бронз (Cu+Pb) – 2,1% и латуни (Cu+Zn) – 2,1%. Из сплава, сильно легированного свинцом, отлита херсоновизантийская монета 920–944 гг. (времени правления Константина VII и Романа I) (Табл. 1,44). Из латуни выполнена пластинчатая стенка сосуда (Табл. 1,9). Более представительна выборка оловянистых бронз (Cu+Sn) – 8% (Табл. 1,3,5,11,42). Среднее содержание олова в сплаве около 20%. Большая часть изделий из этой категории металла представляет собой сильно оплавленные фрагменты, назначение которых установить невозможно. Из этого сплава также отлита заготовка подвески с непробитым отверстием (возможно, матрица для изготовления овального медальона).

Из трехкомпонентных оловянисто-свинцовых бронз (Cu+Sn+Pb) выполнено 14 образцов, что составляет треть выборки – 29% (Табл. 1,4,6,8,13,14,16,17,24,26,38,41,43,46,48), в числе которых 6 оплавленных фрагментов. Из этого сплава сделана неопределенная монета плохой сохранности (Табл. 1,26) и фрагмент литой монеты с греческой монограммой «Ρο» (Табл. 1,24). В составе сплава монеты с монограммой, предположительно изготовленной в Херсоне, концентрация свинца достигает 35%. Нужно отметить, что наименьшие номиналы денежных знаков довольно часто изготавливали из сплава с аномально высоким содержанием свинца, как в Херсоне, так и в других монетных дворах Византийской империи [Antipenko et al. 2020]. Фрагмент зеркала (Табл. 1,38) выполнен из бронзы, основным легирующим компонентом которой является олово. Зеркальные бронзы в норме должны содержать не менее 33% этого металла [Минасян 2014: 49]. Такая концентрация олова требуется для получения светлого цвета сплава, необходимого для этой категории вещей. Рамка пряжки и пуговица (Табл. 1,41,46), в целом, содержат небольшое количество олова и свинца, которые, возможно, являются рудными примесями и свидетельствуют о применении, наряду с рафинированной медью, и неочищенного материала.

Отдельный интерес представляют оплавленные фрагменты и стенка сосуда, в составе которых, наряду с основными компонентами сплава, присутствует никель (Ni) и сурьма (Sb) в значительных концентрациях – до 5% (Табл. 1,8,13,17,43). Известно, что восточно-альпийские рудные

месторождения, разрабатываемые в древности, средневековье и новое время, характеризуются наличием никеля, сурьмы и мышьяка в составе руды, которые частично переходят в готовый материал [Ениосова, Сингх, Степанов 2018: 71].

Из многокомпонентных цинкосодержащих сплавов выполнено 15 изделий – 31,3% (табл. 1,2,7,10,15,27-37). Обращает на себя внимание состав сплава проволочных колец. В отдельных случаях содержание цинка (Zn) достигает 40–50% (Табл. 1,29-30). Эти данные указывают на то, что металл не подвергался переплавкам, поскольку цинк – летучий металл и при многократных переплавках его содержание уменьшается. В то время как содержание цинка, в сравнении с другими компонентами, в образцах (Табл. 1,2,7,10) весьма незначительно и говорит о применении для их изготовления лома и совместной переработке металлического сырья разного качества и свойства.

Наличие в изучаемой выборке XIII–XIV вв. значительного числа многокомпонентных сплавов и сплавов, которые характеризуются значительной вариабельностью в концентрациях основных легирующих компонентов, является свидетельством активного использования лома и вторичного сырья при изготовлении металлических предметов обихода. Этот факт вполне укладывается в статистические данные по элементному составу для средневековых городов, расположенных на территориях, где собственные запасы руды полностью отсутствовали или еще не начали разрабатываться. Однако наличие в числе изучаемых образцов группы вещей, выполненных из «чистой» меди, латуни с высоким содержанием цинка, а также сплавов с высоким содержанием рудных элементов – никеля и сурьмы, говорит либо о поставках чистого сырья, либо об импорте готовых вещей из регионов с налаженной производственной базой.

Отметим, что выборка проанализированных изделий пока не слишком значительная. Безусловно, с расширением базы данных по составу сплавов средневековых изделий из пещерных городов Крыма, полученные выводы будут корректироваться.

Библиография

- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 250–276.
- ЕНИОСОВА Н.В., МАНУКЯН А.М. Актуальные проблемы атрибуции византийского художественного металла: крест из собрания музея Русской иконы // Труды ИИМК РАН. – СПб., 2017. Т. XLVIII: В камне и в бронзе. С. 161–172.

- ЕНИОСОВА Н.В., МИТОЯН Р.А., СИНГХ В.К. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. – М.; Псков, 2017. С. 187–203.
- ЕНИОСОВА Н.В., СИНГХ В.К., СТЕПАНОВ А.М. Сырьевые слитки новгородских ювелиров // «Нескончаемое лето» / Отв. ред. – сост. В.К. Сингх. – М.; Великий Новгород, 2018. С. 62–73.
- ЗАЙЦЕВА И.Е. Цветной металл средневековых поселений Крутик и Никольское V в Белозерье // РА. – М., 2017. № 1. С. 96–115.
- КОНОВАЛОВ А.А., ЕНИОСОВА Н.В., МИТОЯН Р.А., САРАЧАЕВА Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М., 2008.
- ЛОБОДА А.Ю., АНТИПЕНКО А.В., ПРЕСНЯКОВА Н.Н., РЕТИВОВ В.М., ВАЩЕНКОВА Е.С., ТЕРЕЩЕНКО Е.Ю., ЯЦИШИНА Е.Б. Особенности изготовления полых сферических пуговиц XIII – начала XIV в. (по находкам из могилы 1/2018 на плато Эски-Кермен) // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 277–287.
- МИНАСЯН Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. –СПб., 2014.
- ОЛЕЙНИКОВ О.М., РУДЕНКО К.А. Находки медных ковшей XII века в Великом Новгороде (к вопросу об источниках и составе сырья на новгородском рынке цветных металлов) // КСИА. – М., 2017. Вып. 247. С. 326–341.
- АНТИПЕНКО А.В., NAUHATSKY I.A., MAKSIMOVA E.M., SMEKALOVA T.N., NAUMENKO V.E. XRF analysis of elemental composition of archaeological coins from Mangup, Crimea // Minerals: Structure, Properties, Methods of Investigation. 10th Geoscience Conference for Young Scientists, Ekaterinburg, Russia, 2020 (в печати).

№		Изделие	Место находки	Элементный состав										
				Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	Ni	Sb			
1.	Ручка сосуда	Квартал 1. Усадьба 5. Помещение 2.	98,23	1,07					0,19				0,51	
2.	Ручка сосуда	Базилика. Квартал 2. Около могилы 1/2018.	58,80	30,92	6,76	2,42	1,10							
3.	Оплавленный фрагмент	Там же.	79,55	0,28	19,84		0,33							
4.	Оплавленный фрагмент	Там же.	77,44	3,86	18,58		0,12							
5.	Подвеска	Квартал 1. Усадьба 4. Помещение 4.	81,62	1,03	16,44		0,78			0,13				
6.	Накладка ременная	Там же.	70,14	21,98	6,64	0,47	0,60	0,17						
7.	Оплавленный фрагмент	Квартал 3 Помещение 1. Хранилище 1.	60,02	28,24	8,58	2,42	0,74							
8.	Оплавленный фрагмент	Там же.	60,28	23,40	7,66					3,64	5,02			
9.	Сосуда фрагмент	Там же.	81,61	0,86		17,16	0,37							
10.	Венчик сосуда	Там же.	68,78	18,15	8,25	4,21	0,62							

№	Изделие	Место находки	Элементный состав										Продолжение
			Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	Ni	Sb			
11.	Оплавленный фрагмент	Квартал 3. Квадрат 2. Развал камней.	73,33	0,55	25,19		0,92						
12.	Поясная накладка	Там же.	99,15	0,63			0,15	0,07					
13.	Оплавленный фрагмент	Квартал 3. Помещение 1. Хранилище 1.	64,91	20,13	7,48						3,07	4,41	
14.	Оплавленный фрагмент	Там же.	51,77	35,72	11,28							1,23	
15.	Наконечник ремня	Там же.	89,32	2,91	1,08	6,19	0,50						
16.	Оплавленный фрагмент	Квартал 3. Квадрат 2. Развал камней.	57,84	30,16	10,52	0,96							
17.	Оплавленный фрагмент	Квартал 3. Помещение 1.	64,69	21,17	7,13						2,85	4,16	
18.	Пуговица	Квартал 1. Усадьба 4. помещение 4.	98,56	0,86									0,58
19.	Стенка сосуда	Квартал 1. Усадьба 5. помещение 2.	99,69	0,21								0,10	

№		Изделие	Место находки	Элементный состав								Продолжение
				Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	Ni	Sb	
22.	Крышка сосуда	Квартал 1. Усадьба 4. Помещение 4.		99,10	0,69					0,08	0,13	
23.	Сосуда фрагмент	Там же.		93,35	2,38	0,51			3,76			
24.	Монеты фрагмент	Квартал 1. Усадьба 5. Помещение 2.		63,57	34,88	1,47			0,08			
25.	Монета Византия (913-919 гг.)	Квартал 3. Помещение 1. Хранилище 2.		98,16	1,33				0,30	0,21		
26.	Монета	Квартал 1. Главная улица.		81,91	14,92	1,23			1,63	0,30		
27.	Кольцо граненное	Квартал 3. Помещение 1. Хранилище 3.		57,94	36,31	3,93	1,26		0,57			
28.	Кольцо проволочное	Базилика. Могила 3/2019.		80,63	2,38		15,95		0,41	0,48	0,15	
29.	Кольцо проволочное	Базилика. Могила 2/2019.		42,52	5,84	0,66	49,01		0,64	1,08	0,26	
30.	Кольцо проволочное	Базилика. Могила 2/2019.		52,00	5,05	0,57	40,25		1,05	0,88	0,21	

№		Изделие	Место находки	Элементный состав									
				Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	Ni	Sb		
31.	Кольцо проволоочное	Базиллика. Могила 2/2019.	84,53	3,25		11,10	0,49	0,63					
32.	Кольцо проволоочное	Базиллика. Могила 2/2019.	82,61	4,43		11,88	0,56	0,53					
33.	Кольцо проволоочное	Базиллика. Могила 2/2019.	80,09	3,97		13,56	1,61	0,62	0,14				
34.	Кольцо проволоочное	Базиллика. Могила 2/2019.	76,17	5,10		15,65	2,21	0,70	0,17				
35.	Кольцо проволоочное	Базиллика. Могила 2/2019.	79,58	3,09		15,45	1,28	0,47	0,13				
36.	Кольцо проволоочное	Базиллика. Могила 2/2019.	80,93	3,13		14,22	1,13	0,46	0,13				
37.	Створка креста-энколпиона	Квартал 2. Храм. Могила 9/2019. Слой 2.	77,84	8,21	2,02	11,33	0,48	0,12					
38.	Зеркала фрагмент	Квартал 3. Помещение 1.	70,54	10,08	19,02		0,24	0,12					

Продолжение

№		Изделие	Место находки	Элементный состав								Окончание
				Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	Ni	Sb	
39.	Изделия фрагмент	Квартал 2. Р. 16. Кв. 2. Отвал/дерн.	97,77	2,05			0,07	0,10				
40.	Пластина	Квартал 2. Храм. Западная часть (у входа)	98,80	0,75			0,35	0,10				
41.	Рамка пряжки	Квартал 3 Помещение 1. Пол.	95,40	2,35	1,44		0,73	0,08				
42.	Оплавленный фрагмент	Там же.	79,71	0,24	19,84		0,21					
43.	Стенка сосуда	Там же.	74,06	15,82	5,13					1,79	3,29	
44.	Монета византийская	Квартал 2. Кв.6. Главная улица. Дерн.	34,81	64,27			0,69	0,22				
45.	Ложка	Квартал 2 Храм. Гробница 5/2019. Слой 3.	99,59	0,21			0,10	0,10				
46.	Пуговица	Храм. Гробница 6/2019.	95,73	1,78	2,04		0,31	0,13				
47.	Пуговица	Раскоп 16. Кв.1. Дерн.	98,66	0,18	0,97		0,08	0,11				
48.	Колокольчик	Квартал 3. Хранилище 3.	84,74	11,71	2,35		0,55	0,11				0,54

А.Ю. АРЖАНОВ

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Тема пространственной организации сельских поселений Гераклейского полуострова в средневековое время редко становилась предметом специальных исследований. Основной причиной этого является устоявшаяся парадигма археологических исследований ближней хоры Херсонеса, при которой основной акцент делался на изучении усадебных комплексов и длительности их существования. Раскопки вне усадеб, в основном, были направлены на изучение античной агротехники и организации пространства землевладений эллинистического и римского периодов.

В настоящее время результаты исследований позволяют, хотя бы в общих чертах, наметить основные признаки и отличительные черты средневековых поселений ближней хоры средневекового Херсона. В своём докладе мы будем опираться на результаты исследований Г.М. Николаенко и результаты собственных археологических разведок.

На северном крутом склоне Нижне-Юхариной балки, на территории древнего земельного участка № 268, разведками Г.М. Николаенко¹ 2017 г. (начальник отряда Аржанов А.Ю.), зафиксирован ряд средневековых сооружений, в том числе пещер, наземных построек, остатков скальных виноделен и межевой ограды, протянувшихся вдоль склона на расстоянии около 800 м. Оценочная площадь, на которой зафиксированы данные объекты, 15–18 га (Рис. 1). Топография поселения, изученная по результатам археологических разведок, лазерного сканирования рельефа,

¹ Выражаю самую искреннюю благодарность Г.М. Николаенко за возможность самостоятельной публикации результатов разведок.

геофизических исследований и анализа аэрофотосъемки периода Великой Отечественной Войны, выглядит следующим образом:

Поселение занимает часть плато водораздела балок, склоны и тальвег самой балки.

В центре поселения, в вершине излучины балки, обращенной к северу, находится жилое ядро поселения, имеющее размеры в 1 га.

Центром жилого ядра является комплекс построек, сложившийся вокруг Северной усадьбы участка № 268 [Николаенко 2001: 107], расположенной на плато над северным склоном балки. Размеры комплекса построек, включающие в себя визуально наблюдаемые выходы стен как эллинистической, так и средневековой кладок, оцениваются в 1500 м². От построек античного периода сохранилась башня размером 7,0x7,5 м, расположенная в восточной части участка. С трех сторон к башне примыкают стены помещений. В одном из помещений находится цистерна-колодец, в верхней части которой сделан специальный желоб для гончарной водопроводной трубы. В северной части видна бутовая кладка стен средневековой усадьбы, частично перекрывших сооружения античного периода. Непосредственно под этим комплексом, в начале склона балки, на протяжении 5 м зафиксирована стена эллинистической кладки, пристроенная непосредственно к скальному обрыву и нивелирующая его неровности.

Под комплексом усадьбы № 268 Северной, на верхней террасе склона, располагается ряд искусственных пещерных сооружений и наземных построек позднеантичного и средневекового периодов (Рис. 2). Наземное помещение 1 было пристроено к эллинистической стене, ранее являвшейся, по-видимому, оградой античной усадьбы. Само помещение, судя по найденному материалу, в числе которого преобладала кухонная и столовая керамика, функционировало в период IX–XI вв. Открытая часть наземного помещения 2 представляет собой сегмент круга, стены которого сложены из крупных камней с наклоном внутрь. На полу помещения, устроенного путём плотной глинистой трамбовки по скальной поверхности, был зафиксирован комплекс керамических изделий, состоящий из фрагментов амфор «причерноморского» типа и фляги-баклаги, с узором из прямых и волнистых линий, выполненных гребенчатым штампом на плоской стороне сосуда. Общая датировка керамического комплекса IX–X вв. В материале перемещённого грунта, окружающего помещение, преобладает материал позднеантичного времени. Аналогичную организацию пространства, состоящую из сооружений пещерного типа и наземных построек на склоне, мы наблюдаем на комплексе сооружений древнего участка № 347 и на всём протяжении северного склона балки Бермана.

К северо-западу от центрального ядра к усадьбе примыкают большое кольцевое сооружение диаметром 30 м и ряд сооружений неправильной формы. Все они, по нашему предположению, связаны с содержанием скота.

В пятнадцати метрах к юго-востоку от южного края кольцевого сооружения находится комплекс построек, занимающий площадь около 375 м². Сам комплекс представлен задернованными остатками стен, в плане напоминающими небольшое однокамерное помещение с одним двором. Назначение этого комплекса пока не ясно, но в его составе, в борту скальной террасы, к которому примыкает весь комплекс, зафиксирована тщательно обработанная ниша с арочным завершением, возможно, имеющая культовое назначение.

Далее, к северо-западу от этих сооружений, на плато, находится свободная от застройки территория, ограниченная с юго-запада, запада и северо-запада межевыми стенами, идущими по склону балки. Данная территория, обладающая небольшим почвенным слоем с травяным покровом, имеет площадь в 7,3 га и интерпретируется нами в качестве домашнего пастбища.

На северном склоне балки, справа и слева от центрального ядра, расположены две винодельни [Аржанов 2019: 40, 41, рис. 1,2-3]. Расчет их производительности показывает, что, скорее всего, они использовались для внутреннего потребления и могли удовлетворять годовую потребность в вине населения количеством около 110 человек. Площадь основного жилого ядра поселения достаточна для размещения такого количества жителей. Территория на северном склоне, лежащая в пределах межевых стен и свободная от застройки, предположительно, предназначалась для выращивания винограда. Ее площадь, измеренная геодезическими методами, составляет около 5 га. Такое же значение мы получили при расчёте необходимой площади виноградников, исходя из размеров и производительности виноделен.

К северо-востоку от Северной усадьбы, на расстоянии 150 м, находятся остатки ещё одной усадьбы, № 268 Восточной [Николаенко 2001: 107]. Её территория, представленная всхолмлением с выходами массивных стен, составляет 700 м². Под ней, в верхней террасе склона, находится искусственная пещера. В целом, этот участок находится также внутри ограды межевых стен, но, из-за меньших размеров, представляется вспомогательным по отношению к центральному ядру.

На расстоянии 70 м к юго-западу от усадьбы Восточной, на нижней террасе склона, находился родник, представляющий собой вырубленный

в скале канал и скальный резервуар под ним площадью около 8 м². При зачистке резервуара и в шурфе рядом с ним был выявлен средневековый керамический материал.

В целом, по предварительным оценкам, площадь данного поселения на 80–90% свободна от современных построек. Дальнейшее исследование этого памятника представляется весьма перспективным для изучения истории округа средневекового Херсона и необходимым для подтверждения или опровержения сделанных нами предварительных выводов.

При анализе полученных данных и сравнении их с другими памятниками можно предположить следующую организацию пространства сельских средневековых поселений Гераклейского полуострова:

1. Освоение территории, во многих случаях, начиналось от архитектурных остатков позднеантичных усадеб. Усадьбы эти, как правило, находятся на краю гребня балки, до начала собственно склона. По мере существования усадьбы, образованные вокруг первоначально эллинистических башен, прирастали дополнительными помещениями. В средневековое время под усадьбами появляются пещерные и скальные сооружения, заходящие на верхние и средние террасы склонов. По материалам раскопок на древнем земельном участке № 347 [Николаенко 2016: 18] мы можем предположить, что данная строительная традиция появилась на Гераклейском полуострове на рубеже VI–VII вв. Пещерные комплексы активно используются, перестраиваются, адаптируются, а, возможно, и дополняются новыми сооружениями на протяжении длительного времени. Наиболее активный период жизни описываемых поселений, если судить по преобладающему археологическому материалу раскопок и разведок, приходится на период IX–XI вв.

2. Общие черты организации пространства и некоторые строительные приёмы, выявленные на исследованных поселениях, отличаются от таковых в городской застройке. Из определяющих черт сельских средневековых поселений Гераклейского полуострова мы выделяем следующие: активную строительную деятельность на достаточно крутых склонах, использование естественных террас и искусственных сооружений предшествующего времени в качестве опорных стен и большое распространение неперевязанных и скруглённых углов помещений. Эти особенности характерны и для поселений дальней округи Херсона VIII–IX вв. [Якобсон 1970: 118; Сорочан 2016: 95].

3. Водоразделы балок, с их небольшими почвенными слоями и сильными ветрами, являлись, скорее всего, основными пастбищными зонами.

4. Все выявленные на сегодняшний день средневековые винодельни являются стационарными монолитными, с одной давилочной площадкой и следами использования рычажного давления. Расположены они, преимущественно на средних террасах склонов. На склонах балок, наиболее вероятно, и высаживались виноградники.

5. По нижним террасам склонов, местами переходя со склона на склон, были проложены дороги, с подсыпанным щебнем дорожным полотном и оформленные подпорными стенами. Местами эти дороги находились на местах дорожной сети эллинистического времени. Остатки такой дороги, содержащие в заполнении дорожного полотна материал VI–VII и IX–X вв., были выявлены разведками автора в среднем течении балки Бермана.

6. Тальвеги балок являлись местом с наиболее мощным почвенным слоем и наиболее защищённым от ветров и использовались, с большой долей вероятности, для земледелия.

Библиография

АРЖАНОВ А.Ю. Средневековые скальные винодельни Гераклейского полуострова // Материалы XI Международного Византийского семинара ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. – Симферополь, 2019. С. 39–46.

НИКОЛАЕНКО Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. – Севастополь, 2001.

НИКОЛАЕНКО Г.М. Отчет о раскопках укрепленного комплекса построек в балке Бермана на древнем земельном участке № 347 хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове в 2015 году // Научный архив ГИАМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 4478.

СОРОЧАН С.Б. К вопросу об облике городищ-полисов и «кастра племён» в окрестностях византийского Херсона во второй половине VII – первой половине IX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2016 г. Серия «Исторические науки». Том 2 (68). № 2. С. 91–100.

ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – М.; Л., 1970. № 168.

Рис. 1. Аэрофотография территории средневекового поселения на древнем земельном участке № 268. Фото автора.

Рис. 2. Общий вид склона под Северной усадьбой древнего земельного участка № 268. Фото автора.

Д.Е. АФИНОГЕНОВ

Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

**ПИСЬМО ИОАННИКИЯ ВЕЛИКОГО
ПАТРИАРХУ МЕФОДИЮ:
славянский перевод**

Рукопись Белокриницкого собрания № 2 (БАН, Санкт-Петербург), согласно информации, любезно предоставленной заведующей научно-исследовательским отделом БАН М.В. Корогодиной, написана в XVI в. в Болгарии и представляет собой Патерик с добавлениями. Публикуемое здесь послание начинается на л. 294^{об} и продолжается до конца следующего листа. Прерывается оно буквально на полуслове, поскольку с л. 296 идет уже совершенно другой фрагмент, отождествить который пока не удалось. На л. 297^{об} следует сочинение св. Филофея Коккина, патриарха Константинопольского в 1353–1354 и 1364–1376 гг. Греческий оригинал письма обнаруживается в Житии преп. Иоанникия Великого, написанном Саввой Монахом в 50-е гг. IX в. (ВНГ 935)¹. Вместе с тем, а priori нельзя сказать, что текст заимствован именно у Саввы, поскольку у того он явно представляет собой дословное воспроизведение отдельно существовавшего документа. Конечно, то, что поздний славянский переводчик имел доступ к этому документу напрямую, маловероятно, однако полностью исключить самостоятельного бытования послания на греческой почве тоже нельзя, тем более, что в славянском нет никакой отсылки к Житию.

¹ [Sabae Vita Ioannicii: 372–373]. Русский перевод см. в [Савва 2015: 642–644].

Л. 294^{об}.

Посланіе с<вя>т<а>го Іоаникія олимпьскаго къ с<вя>тѣишому патріархоу Костантинаграда кѣрь Меѳодію с<вя>тыхъ раді икон.

{372}² 47. Б<о>ж<е>ств<е>наго вес<ь> и ч<е>л<овѣ>ческаго испльнене разоума и рассажденіа с<вя>щенноначалниче о<т>че Меѳодіе, ради живѣщаго въ тебѣ пр<е>с<вя>т<а>го духа, дара же и бл<аго>д<а>ти съведыи мироу ратника и х<ристо>вы ц<е>ркви сжпостата иконоборца діавола, иже ѿт неж ѿтгнанаго и съ сжщіими съ нимъ, того сжца виновна раздоромъ, къ всѣхъ домоувл<а>д<ы>цѣ възираа Х<рист>оу, иже и самъ ѿт домашніихъ его еси ѿ иже на тебѣ досадахъ непрѣнемог ли, нж и радуися. ѿ д<оу>сѣ [295] б<о>жіи бѣсы сам изгнавыи, ѿ Велсеули тѣ изгнавъ ѿт нечестивѣишихъ облыганъ бывааше и лъстецъ нареч<е>н быс<тъ>. ядца же винопіица, дроуг мытаремъ и грѣшникомъ нарицаемъ бывааше, и домашніи же его ажоже и тѣ облѣгаими многыми, а не малѣишими досажденіи быши. съ нимиже и самъ себе въчтена вѣждь. и оубо о ѿтсѣкшихъ себе ѿт ц<е>ркве, яко о удохъ своихъ болѣзною и о прочіихъ раздорѣхъ, ѿ діаволѣ же небрѣси, ѿ трѣпѣливод<оу>шне. не своа бо добрѣ съвѣдь ищещи, нж многихъ по ап<о>с<то>лоу, да спасжтся и ѿт нечестія {373} въ бл<а>гочестіе въчтжтся и ѿт ц<е>рковнаго тѣлесе не ѿтринжтъ себе. нж вѣждь и се, ѿ прѣмждре, якоже и вѣси ѿ насъ множае, яко въ изволеніи бывають раздори, ибо некроткіи свѣрь гоубяи живот нашъ, въистинниа діаволь поср<е>дѣ еретикъ, съ ими цж шествуя въ погыбѣли, тѣмѣ томоу покарѣжшихся связоуетъ. въ православныхъ же свѣтлѣи ц<е>ркви мѣста не имыи, яко тѣмжъ сыи, обходитъ въселеннѣя якоже лъвъ, ищж ѿ гржбѣишихъ, кого поглытитъ иже истиннѣ врагъ, мждрости непщеваніемъ и правильнымъ испытаніемъ раздѣлѣеть оуды ѿ оудовъ нещжднѣ и безъязычныма ногама и неразоумнож истиннѣе рещи главожъ наскакаеть, яко да не побѣжденж бжджтъ: тжъ мыслными разоуменми ц<е>рковными и съвѣты и двисанми творить мятежж и мльвы и безчиніа инѣмъ на дроугыхъ ѿноситися творя. и сіа оубо тѣ. иконоборцемъ же и еписк<о>помъ іереѳомъ ѿ с<вя>щенничствѣ въистиннж вѣмѣщеніа ѿтмѣтаяи. великому бо патріархоу Тарасіоу въ с<вя>тыхъ с<вя>щенство ихъ единожъ въспріемше съмотри[295^{об}]телнѣ лъстнѣ писаніа съ клятвожъ и проклятіемъ написаша, не възвратитися въ тѣжде ересъ комоу, бывшоу же паки при Львѣ томоужде нечестіоу, иже своежъ тѣхъ ржкожъ по съхожденіоу писаннѣя поправшии и себе проклятіоу прѣдавше и своежъ

² В фигурныхъ скобкахъ страницы по изданію греческаго текста.

ржкож иконж х<ристо>вж низложиша, ѿпльваша ѿбезчестиша, иже ѿ сих ос<вя>щшеися како с<вя>щеннодѣиствѣици ѿ хр<и>стіан нарежтсѣ, иже с<вя>щеннодѣиствѣное ѿтрекшеися. иже бо ѿобразъ тѣла х<ристо>ва яко лъже и идолство непшоужше, и само тѣло, еже дается тѣмъ вмѣсто с<вя>щентсвіа яко вражіе оубо раздѣлѣжтъ враждебнѣ. тѣ<м>же кр<е>щеніе оубо ихъ за еже въ о<т>ца и с<ы>на и с<вя>т<а>го духа кр<е>щатися, да бждеть прижтно понжжди, с<вя>щенничество же ихъ по прьвому иконоборствоу діаволоу и иже съ нимъ, якоже ѿ н<е>б<е>сѣ на земля и ѿ земля под земля, послѣдніи иконоборци да ѿпаднжтъ, якоже и Кѣрилоу Александрьскому мнитсѣ, древняя сказоужшу и яже въ д<у>сѣ слоужбж исправлѣжщюу и г<лаго>лящюу въ братнѣа же разумѣніа и въ единообразнаа дръзнжтіе и въ единовиднаа исправленіа. сѣмъ оубо бждеть лѣпо и сих единомощнымъ приличіемъ подлежати сждомъ. и въ лѣпотж: иже бо ѿ иныхъ ересеи троицж исповѣдоужшу, съмотреніе же х<ристо>во хоуляще, въ ц<е>рковъ приходящее, ересь и своя ихъ ереси начялники ѿ с<вя>щенни правилъ и с<вя>тыхъ ѿ<те>ць прижтни быважтъ, и иже троица, не вѣмъ како рещи, исповѣдоужше не по истиннѣ, вѣсе х<ристо>во съмотреніе ѿтмѣтажтсѣ, егоже ради ѿт<е>ць намъ явися и д<оу>хъ, якоже самъ реч<е>: ѿ<т>че, явихъ имя³ [296] можетъ бытии и сѣмыслень, или въздрѣжажщися, то худѣе крѣпость наша ес<ть> и сѣмысль, да егда песь алчнъ сыи и гладоуя лютѣ, и емъ заеца готова ядь, и въ оустѣхъ своихъ дръжа не ясть, нж ѿжидаетъ г<осподи>на своего⁴, тѣмъже слышите, преслоушливіи, и оустыдитесь пєсіаго послушаніа и наоучите чрѣва...

Из особенностей перевода следует указать на то, что греч. τὸν διαβόλῳν μὴ μέλει σοι («а о клевете не заботься») передано как ѿ діаволѣ же небрѣси. Повелительное наклонение подсказывает, что переводчик читал μὴ μέλοι (как и в русском, независимо от славянского). Следующее место предполагает либо серьезное отличие исходного текста, либо редактуру:

Греческий текст

Славянский перевод

οἷα κύων ἔξωθεν λαθροδέκτης
περινοστῶν ὁ τῆς ἀγάλης ἐχθρός

ѿбходить вѣселеннжя якоже лъвъ,
ищж ѿт гржбѣиших, кого
поглтити иже истиннѣ врагъ

³ От слова «имя» в рукописи сохранилась лишь первая буква. Цитата из Ин. 17:6.

⁴ Возможная реконструкция оригинала: ἦνίκα ὁ κύων λεινὸς καὶ λιμώτων δεινῶς, καὶ ἐλὼν λαγῶν ἔτοιμον βρώσιν καὶ ἐν τῷ στόματι αὐτοῦ κρατῶν οὐκ ἐσθίει, ἀλλὰ παραμένει τὸν δεσπότην αὐτοῦ.

Русский перевод с греческого: «враг любви, словно исподтишка кусающий пес, ходит снаружи». По-славянски вместо «любви» стоит «истины», вместо «снаружи» — «вселенную», и вместо «пса» — «лев». Возможно, переводчик просто заменил необычный образ исподтишка кусающего пса общеизвестной цитатой из 1 Пет. 5:8, но там нет соответствия слову «грѣбѣших» (ἀγροικότερων? φαλοτέρων?). Таким образом, возможность отдельной традиции для Послания Иоанникия (в канонических сборниках?) остается открытой. Заслуживает упоминания и не вполне буквалистский подход славянского книжника к переводу: так, на протяжении сравнительно небольшого отрывка в одном случае наречие οἰκονομῶς передано как «сѣмотрителнѣ», а в другом — как «понѣжди» (если только в греческом оригинале было именно οἰκονομῶς, как у Саввы, а не, скажем, ἐξ ἀνάγκης).

Здесь приведено начало следующего текста в рукописи в надежде, что это поможет отождествить его благодаря нестандартной метафоре: как охотничья собака, будучи голодной, держит в зубах пойманного зайца, готовую еду, но не ест, а ждет хозяина, так и монах должен удерживать свое чрево от своевольного насыщения.

Библиография

- Sabae Vita Ioannicii / ed. J. van den Gheyn // Acta Sanctorum. Novembris. Vol. I. P. 332–384.
Савва. Житие преп. Иоанникия // Жития византийских святых эпохи иконоборчества. / Под ред. Т. А. Сениной (монахини Кассии). Предисловие, пер. с греч., примечания Д.Е. Афиногенова. – СПб., 2015. Т. 1. С. 595–656.
Bibliotheca Hagiographica Graeca (BHG) / ed. F. Halkin. – Bruxelles, 1957. 3 Vol. (Subsidia hagiographica, 8a).
Novum auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae / Ed. F. Halkin. – Bruxelles, 1984 (Subsidia hagiographica, 65).

О.Н. АФИНОГЕНОВА

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»
(Москва)

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ
В НАИМЕНОВАНИИ ЛИКОВ СВЯТОСТИ
В ВИЗАНТИИ И НА РУСИ**

Как верующим, так и всем, кто интересуется или профессионально занимается историей христианства, хорошо известно понятие «лик святости» или «чин святости» – то есть, категории, на которые разделяются святые при их канонизации и почитании. Число этих категорий варьируется. Это происходит из-за того, что иногда в отдельный лик святости выделяется эпитет, с которым почитается святой, например, «бессребреник» или «чудотворец». Мы будем выделять десять основных категорий: 1. Апостолы. 2. Равноапостольные. 3. Мученики. 4. Исповедники. 5. Преподобные. 6. Святители. 7. Праведные. 8. Юродивые. 9. Стратотерпцы. 10. Благоверные.

Темой нашего исследования является выявление терминологических различий между ликами святости в византийской и русской традициях. Первое, с чем сталкивается исследователь, это с отсутствием в греческой традиции столь же детального указания лика святости, с каким мы встречаемся в русской традиции. Например, в греческой агиографии нет чина «святитель», «стратотерпец» и «праведный», для этих категорий используется универсальное наименование «святой» (ἅγιος). Слово «праведный» (δίκαιος) в греческом языке, конечно же, есть, но в византийской традиции оно употребляется только по отношению к Ветхо- и Новозаветным персонажам, а именно: патриархам, пророкам, праотцам и др. (Авраам, Ной, Иоаким и Анна, родители Пресв. Богородицы, Иосиф Обручник, Марфа и Мария, Жены-Мироносицы). Святые-праведные в понимании русской традиции, то есть канонизированные благочестивые миряне и представители белого духовенства, скончавшиеся своей смертью (не монашествующие, не мученики, не стратотерпцы, не юродивые), будут в греческой традиции

обозначены просто как святые, иногда с указанием эпитета, например, святой Филарет Милостивый (в русской традиции – праведный). Однако при этом расхождении и в Византии, и на Руси праведные – самый немногочисленный лик святости.

Совпадают в обеих традициях обозначения апостолов, равноапостольных, юродивых, исповедников, мучеников. Последний лик святости требует оговорки, потому что, несмотря на тождественное употребление и совпадения всех подкатегорий (новомученики, преподобномученики, священномученики), в самом переводе этого термина есть серьезный нюанс: слово *μάρτυς* по-гречески означает «свидетель», то есть, акцент сделан на свидетельстве истинности веры, а в славянской традиции — на страданиях святого.

Свои особенности бытования в обеих традициях имеет термин «юродивый».

Наиболее интересная ситуация с термином «преподобный». И на Руси, и в Византии этот лик святости включает в себя канонизированных монахов. По-гречески такие святые обозначаются словом *ἅγιος*. Однако оно не является специфически христианским. Это слово широко употреблялось в античной литературе в значении «святой», «священный», по существу являясь синонимом слова *ἄγιος*. Семантического оттенка подобия или уподобления чему-то более высокому у данного греческого слова нет, но именно так оно переводится в славянских переводах житий монахов. Очевидно, что здесь имеет место не калькирование термина, а осмысление сути подвига этих святых.

При сравнении двух традиций наименования ликов святости можно сделать вывод, что на Руси не происходило автоматического заимствования этого подхода, а имело место усваивание системы на очень глубоком филологическом уровне. Это выразилось в самобытной передаче некоторых терминов («мученик», «преподобный»), а также – на богословском (агиологическом) уровне, в свою очередь выраженном в увеличении числа категорий святости (в русской традиции добавлены лики «святитель», «благоверный» «страстотерпец»).

Библиография

- ЖИВОВ В.М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. – М., 1994.
НИКУЛИНА Е.Н. Агиология (курс лекций). – М., 2008.

А.М. БАЙБУРТСКИЙ

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

«ЦАТЫ» – АРМЯНО-РОМЕИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КРЫМУ (к историографии вопроса)

О «цатах» (армяно-ромей, хай-хоромы) в средневековом Крыму писал в 1410 г. Мхитар Апаранци: «Некоторые называются армянами-цатами, которые по языку, письму, племени суть армяне, но по вероисповеданию и всем правилам – греки, во всем им подчинены, как свидетельствуют те, которые проживают в Ерзнке и в остальной стране ромеев, в Кафе, в Крыму и во многих других местах» [цит. по: Арутюнова-Фидаян 1994: 71].

В свое время Н.Я. Марр, который впервые ввел в научный оборот термин «армяне-халкидониты», считал, что в XI–XIII вв. «цаты у армян – религиозный термин, обозначающий христиан определенного, именно халкидонитского или греко-православного исповедания» [Марр 1906: 67; Арутюнова-Фидаян 1994: 71]. В.А. Арутюнова-Фидаян данный феномен определяет как «этно-конфессиональный и политико-культурный концепт с заданной полисемантической содержанием» [Арутюнова-Фидаян 2003: 18]. В.П. Степаненко полемизируя с вышеназванным автором, отмечает, что проблема армян-халкидонитов находится на стыке истории и этнографии и выработанный общепринятый понятийный аппарат по ней отсутствует [Степаненко 1999: 61]. С точки зрения З.А. Акопян, культура и искусство «цатов», в силу конфессиональных и культурных особенностей выделившись из рамок национальной традиции не позднее конца X в., выступает как самостоятельное явление. При этом одними из главных черт армяно-халкидонитских

памятников являлись ориентация на национальные и византийские культурные традиции, наличие двух и трехязычных надписей, подчеркивающих их конфессиональную принадлежность. Проблема армян-халкидонитов, помимо догматического аспекта, представляет собой явление трансформации в русле византийской культурной направленности, части армянского населения, как на территории исторической Армении, так и за ее пределами [Акопян 2009: 167–169].

А.Л. Якобсон начало армянской эмиграции в Крым связывал с сельджукским вторжением в Армению в 1060-х гг., отмечая, что вряд ли она была длительной и значительной [Якобсон 1956: 166–167]. Массовое заселение армянами Крыма, по данным исторических источников, проходило позднее, во второй половине XIII–XIV вв. Миграционные потоки направлялись в города Юго-Восточного Крыма, и, в значительно меньшей степени, в Херсон и в Юго-Западную Таврику. Большая часть армян переселялась в Крым морским путем через Трапезунд из Северо-Западной Армении – городов Баберд, Ерзынк, Карин; из регионов, где с VI в. существовали многочисленные армяно-халкидонитские общины. Ситуация с расселением «цатов» в начале XV в. отражена в выше приведенном сообщении Мхитара Апаранци, где указывается «Ерзнк» и «остальная страна ромеев» – территории Румского султаната, Кафа и Крым.

Деятельность общин армян-монофизитов и армяно-католиков («френков») в Крыму XIII–XV вв. неоднократно становилась объектом исторических исследований, имеющих в основе обширную источниковую базу. Сложнее ситуация с изучением «цатов», по причине скудности исторических свидетельств о них в регионе и отсутствия выработанных подходов в выделении армяно-халкидонитского элемента из армянского этнокультурного массива и византийско-православной среды. Историография вопроса насчитывает всего с десятков сюжетов по эпиграфике, иконографии, церковной литературе, архитектуре и археологии, в историко-географическом плане связанных с Херсоном, Эски-Керменом, Сугдеей, Каффой и Солхатом. В рамках рассмотрения проблемы армян-халкидонитов в средневековом Крыму напомним некоторые из этих сюжетов.

Херсон, армянские надписи из крестообразного храма. По мнению Н.М. Богдановой, сведения о пребывании армян на городище «слишком фрагментарны и не позволяют пока рассматривать вопрос об их религиозных убеждениях, т.е. были ли эти армянские поселенцы

халкидонитами или монофизитами» [Богданова 1991: 112]. Тем не менее, из халкидонитского крестообразного храма («загородный храм») происходят две армянские надписи – граффити, открытые при раскопках 1902 г., прочитанные и переведенные Н.Я. Марром. Первая надпись, датированная не позднее XIII в., трехстрочная, посвятительного характера, «нацарапана не искусной рукой» на штукатурке под фреской с греческой надписью, более ранней по времени исполнения. Граффити выполнено «с любопытным» использованием слов, данное обстоятельство исследователь объясняет применением диалекта, на котором говорил ее автор «Мехтар» (Мхитар). Вторая надпись, плохо читаемая и малоинформативная, процарапана на фрагменте мраморной базы колоны также под греческим текстом [Марр 1906: 106–108].

Эски-Кермен, фресковая роспись храма «Трех всадников». Из трех представленных на росписи XIV в. святых воинов однозначно определялось лишь имя среднего воина – св. Георгия Победоносца. По идентификации двух других воинов, предложенной Э.М. Корхмазян, первый всадник – святой Саргис с сыном Мартиросом, сидящим на крупе его лошади. Самое раннее изображение святого с сыном сохранилось в росписи VII в. церкви Кармравор в Аштараке, построенной при католикосах-халкидонитах. По заключению ученого, «данная иконография становится устойчивой и характерна для изображений этого святого ... позволяет определять не только имя изображенного ..., но в ряде случаев уточнять важные данные, касающиеся конфессиональной принадлежности памятника, особенно если таковой находится вне пределов Армении» [Корхмазян 2008: 44, 45]. Противоречивость такой точки зрения отмечает Н.В. Днепровский, пришедший к выводу, что «присутствие в храме «Трех Всадников» образа святого Саргиса представляется нам невероятным» [Днепровский 2013: 113, 114].

Третий анонимный святой воин на фреске, по Э.М. Корхмазян, может быть святым Феодором Трапезундским [Корхмазян 2008: 46], происходившим из византийского аристократического рода Гаврасов армянского происхождения [Бартикян 1988: 200], представители которого в XIV–XV вв. могли править княжеством Феодоро. В связи с чем В.П. Степаненко отметил, что «в настоящее время нет никаких фактов, свидетельствующих о принадлежности первого правителя Феодоро князя Алексея к роду Гаврасов» [Степаненко 2017: 373], о пребывании которых в Крыму какие-либо данные в источниках отсутствуют [Герцен 2017: 360].

Солхат, надгробие Аврамия. Памятник выявлен в 2016 г. на улице 12 апреля в городе Старый Крым, в северо-западном христианском секторе древнего городища, в районе локализации средневекового армянского могильника [Гаврилов 2017: 228, 229]. Надгробие представляет собой двускатный кенотаф на пьедестале, его длинные стороны украшены медальонами с изображениями розеток, торцовые – изображением лотарингского креста и сиро-египетской стеклянной лампы [Крамаровский 2017: 400, 401, 403]. На скатах надгробия представлена эпитафия на греческом языке, прочтенная и переведенная А.Ю. Виноградовым: «Почил раб Божий Авраимий в 6870 году» (1361/62 гг.). Ученый, основываясь на грамматических особенностях надписи и ее расположения на скатах кенотафа, предположил, что надгробие могло быть выполнено в армянской (?) мастерской, «обслуживавшей и армян-григориан, и несториан, и православных» [Виноградов 2019: 338, 339]

По мнению А.В. Гаврилова, «место находки надгробия Аврамия (армянский могильник), его форма, расположение надписи, эпитафия на греческом языке, дата смерти по летоисчислению византийской эры указывают на то, что погребенный был армянином-халкидонитом» [Гаврилов 2017: 231].

Сугдея, Житие Стефана Сурожского и греческий Синаксарь. Т.Э. Саргсян отмечает возможность проникновения Жития Стефана Сурожского в армянский монофизитский Айсмавурк (собрание христианских праздников, житий и мученичеств святых) через крымских «цатов» во второй половине XIII в. [Саргсян 2008: 290]. В греческом Синаксаре XII–XV вв. сугдейского монастыря есть несколько приписок на полях – №№ 11, 59, 112, 119, 122, 185, 194, в которых фигурируют армянские имена [Шапошников 2008; 73, 74]. Из этих записей, помимо прочего, следует, что часть армян Сугдеи были «цатами»-халкидонитами по вероисповеданию и вопрос их присутствия в средневековом Крыму не является умозрительным и надуманным.

Приведенный историографический обзор характерен почти полным отсутствием специальных публикаций по рассматриваемой теме, что свидетельствует о недостаточной степени изученности вопроса необходимой для постановки проблемы. Данное условие определяет направление и характер дальнейших исследований.

Библиография

- АКОПЯН З. Особенности иконографии армяно-халкидонитских памятников (X–XIII вв.) // Историко-филологический журнал. – Ереван, 2009. № 2-3. С. 167–185.
- АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. – М., 1994.
- АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН В.А. Армяне-халкидониты. Терминология // Вестник ПСТГУ. – М., 2013. Вып. 5 (35). С. 9–20.
- БАРТИКЯН Р.М. О византийской аристократической семье Гаврос (Γαυρας/Γαβρασ) // Историко-филологический журнал. – Ереван, 1987. № 3. С. 190–200.
- БОГДАНОВА Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века / под ред. С.П. Карпова. – М.: МГУ, 1991. Вып. 1. С. 6–177.
- ВИНОГРАДОВ А.Ю. Новооткрытые греческие христианские надписи из Северного Причерноморья и вопрос о статусе Инкерманского и других пещерных обитателей в Горном Крыму // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. – Симферополь, 2019. Вып. 2. Миры Византии. С. 331–356.
- ГАВРИЛОВ А.В. Надгробие Аврамия из Старого Крыма // ИАКр. – Симферополь, 2017. Вып. V. С. 228–241.
- ГЕРЦЕН А.Г. Княжество Феодоро: от «альфы» до «омеги» // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 348–368.
- ДНЕПРОВСКИЙ Н.В. К вопросу о каноническом смысле росписи пещерного храма «Трех всадников» // МАИАСК. – Севастополь; Тюмень, 2013. Вып. V. С. 108–138.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. О христианских конфессиях Солхата в XIII–XIV вв. (предварительное сообщение) // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 399–411.
- КОРХМАЗЯН Э.М. О фреске Трех всадников в Эски-Кермене // Исследования по арменистике в Украине. – Симферополь, 2008. Вып. 1. С. 44–46.
- МАРР Н.Я. Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе // Известия ИАК. – СПб., 1904. Т. 10. С. 106–108.
- МАРР Н.Я. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах // ВВ. – СПб., 1906. Т. XII. С. 1–68.
- САРГСЯН Т.Э. Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 282–298.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Армяне-халкидониты в истории Византии XI в. // ВВ. – М., 1999. Т. 59. С. 40–61.

СТЕПАНЕНКО В.П. Современные проблемы изучения истории княжества Феодоро: полемические заметки // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 369–377.

ШАПОШНИКОВ А.К. Ономастика армянского происхождения из средневековой Сугдаи // Исследования по арменистике в Украине. – Симферополь, 2008. Вып. 1. С. 73, 74.

ЯКОБСОН А.Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. – М., 1956. Т. VIII. С. 166–191.

V. BULGURLU

Independent Researcher
(İstanbul, Türkiye)

A SELECTION OF SEALS FROM THE PRIVATE COLLECTION OF ADNAN ACI OF SAMSUN

The presentation includes a selection of seals from the private collection of Adnan Acı in Samsun. This collection is a significant contribution to the field of sigillography. Most of the important seal publications are catalogues of private collections such as Schlumberger, Zacos-Veglery, Dumbarton Oaks etc., formed in Istanbul, but at present there are still very few such collections in Turkey. One important aspect of the Adnan Acı collection comes from the fact that it is formed in Samsun (anc. Αμισός) and its surroundings, a region away from the capital of the empire.

A study of these seals has revealed some very interesting information regarding the connection of the city of Amisos and the area around it to the imperial capital, Constantinople. Due to its important geographical situation, close to the Northeastern border of the empire, Amisos was necessarily a center of communication. Signs of this communication, although the actual documents are lost, the seals reflect a great variety of interaction within the administrative, military and religious structure of the empire, indicating a comprehensive network between the center of the empire and its peripheries.

Рис. 1. Seal of Adreanos Dalassinos, magistros.
Second half of 11th c.
(Collection of Adnan Acı; nr. 361).

Fig. 2. Seal of Konstantinos, patrikios and judge of Paphlagonia.
First half of 11th c.
(Collection of Adnan Acı; nr. 366).

М.Н. БУТЫРСКИЙ

Государственный музей Востока
(Москва)

**ВИЗАНТИЙСКАЯ НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ:
СТЕПЕНЬ ВОСТРЕБОВАННОСТИ И АДАПТАЦИЯ
В МОНЕТНОМ ДЕЛЕ ИНЫХ СТРАН (X-XII ВВ.)¹**

На протяжении тысячелетней истории византийской денежной системы, вслед за изменением языка нумизматической иконографии, шёл постоянный процесс обновления монетных типов (совокупности изображений и надписей) в различных денежных номиналах. Своей максимальной выразительности на грани иконоподобия византийская монета достигает в X–XI вв., когда её облик насыщается религиозно-государственной символикой, выстроенной в соответствии с принципом образного антропоморфизма. Золотые солиды и иперпероны, серебряные милиарисии, бронзовые фоллисы и тетартероны, подобно священной утвари, несли на себе изображения Спасителя, Богородицы, святых, выполненные по общеобязательным канонам иконографии. Денежный знак со штемпельным отпечатком виделся парадигмой иконного образа, точным подобием идеального прототипа-протографа. На пике функционального иконоподобия (X–XI вв.) монета была превращена в публичный инструмент личного благочестия правителя (*instrumentum pietatis*), созданный объединением зримого образа святого и легенды-инвокации с призывом о помощи государю-эмитенту.

Средневизантийский период (IX–XII вв.) был ознаменован возрастанием активного воздействия империи на сопредельные страны и народы, началом «реконкисты» на Востоке и возникновением Византийского Содружества. Образ средневековой римской державы, которым столь дорожила Византия, оставался притягательным для ее соседей. Многообразными способами те впитывали элементы

¹ Настоящие материалы дополняют и развивают тему, кратко заявленную в тезисах II Международной научной конференции «Проблемы изучения восточных коллекций» (Государственный Музей Востока, 2–3 марта 2019 г.).

высокоразвитой политической культуры империи, в том числе, и посредством заимствования облика её монет. Это обращение к чужой традиции было фрагментарным, избирательным, порою неожиданным и алогичным. Монета – своеобразный маркер культурного развития страны, предполагающий готовность правящего сословия к утверждению и восприятию, в той или иной степени, образа существующей власти, созданного нумизматической иконографией. Византийский иконографический язык был заимствован немногими соседними государствами и его использование зачастую совершалось в формах весьма парадоксальных (речь не идёт о т.н. «варварских подражаниях»), компенсировавших отсутствие монет оригинального чекана на периферии зон обращения).

Практически в оригинальном виде византийская модель была воспроизведена в чеканке единоверных Багратидов XI в. Серебряные драмы Баграта IV (1027–1072) запечатлели его имя с имперскими титулами новеллиссима и севаста. Эти монеты несут погрудный образ Богоматери Оранты, точно соответствующий Её изображению с эпитетом Влахернитисса на милиарисиях Константина IX (1042-1055) и его ближайших преемников. Обратная сторона монеты содержит вокативную легенду «Господи, возвеличь Баграта, царя абхазов, [новеллиссима или севаста]», что вносит определённый диссонанс с изображением Богоматери на л.с. Те же титулы, дополненные званием кесаря, носил сын и преемник Баграта Георгий II (1072–1089), продолживший чеканку драмов с Богородицей Орантой на л.с. (но худшего рисунка, с эпитетом Влахернитисса на некоторых) и легендой реверса: «Господи, возвеличь Георгия, царя абхазов и картвел, [новеллиссима, севаста или кесаря]». Историю этого монетного типа завершили драмы Давида II (1089–1125), последнего царя, носившего византийский титул севаста. В выпусках трёх царей замысел византийской монеты, как универсального и публичного инструмента монаршего благочестия, был осуществлён осознанно, с наибольшей верностью первоисточнику, что и позволяет именовать эти выпуски грузино-византийскими.

В очень непродолжительной денежной чеканке Киевской Руси (конец X – начало XI вв.) византийский образец был использован гораздо более фрагментарно. Изображения Спасителя и князя на златнике и сребренике I типа Владимира, св. Георгия на сребренике Ярослава являются отдельными и наиболее традиционными вокабулами нумизматической иконографии Византии. Однако, только образ Пантократора на монетах Владимира, при всей своей универсальности, имеет современный прототип на золотых монетах Византии X–XI вв.

Св. Георгий в иконографии, хорошо известной по различным артефактам X–XI в., в византийской нумизматике утвердился лишь в XII в. Что же касается изображения князя (Владимира), то основой для него послужила доведённая до полного размера погрудная фигура младшего соправителя на византийских номизмах Василия II и Константина VIII (на византийских монетах этого периода отсутствуют изображения императора в рост, тем более сидящего на троне). Яркая репрезентативность древнейших русских монет была достигнута без ожидаемой опоры на византийскую иконографическую традицию, свобода от которой кажется осознанной и мотивированной необходимостью.

Наиболее массовые, хоть и бессистемные, поверхностные заимствования византийской иконографии происходили в чекане сицилийских норманнов XI–XII вв. и тюркских малоазийских династов XII–XIII вв. (т.н. «чёрные дирхемы»). Их денежные системы не были связаны ни с византийской, ни друг с другом, различными были религия, культура, политическое устройство, и, тем не менее, монеты этих государств (почти исключительно низших номиналов) на протяжении многих десятилетий целенаправленно воспроизводили византийские прототипы.

Со стороны норманнов это может быть объяснено присутствием значительного греческого населения на Сицилии и в Южной Италии, а также собственным пиететом перед византийским имперским ритуалом (византийские мозаичные росписи сицилийских соборов XII в.). В отличие от Сицилии, утраченной ещё в конце IX в., остатки владений в Южной Италии принадлежали империи вплоть до 1070–80-х гг. Расположенное по соседству с ними герцогство Салерно в IX–X вв. чеканило монету (солид, фолларо), ориентируясь на византийский монетный тип и востребуя из него монарший портрет с имперскими регалиями власти или образ святого в соответствующей иконографии. Норманны продлили эту практику в XI–XII вв., органично распространив её на собственный чекан, материковый (Салерно) и островной (Палермо, Мессина).

Копировалась византийская монета целиком (битый в Салерно фолларо Робера Гвискара 1059/85 гг. воспроизводит тип анонимного фоллиса Романа Диогена; чеканенный в Палермо дукале Рожера II ок. 1140 г. – тип редкого гистамена Алексея I 1081/82 гг.) и отдельные элементы типа – фигуры правителя, Христа, Богородицы и пр. (фолларо Рожера II 1127/30 гг.). Подобные цитирования составили значительный сегмент иконографического репертуара нумизматики сицилийских

норманнов, который был частично перенесён в основанное ими крестоносное княжество Антиохийское. Фоллисы Антиохии с фигурами Богородицы и св. Петра составили очень небольшую группу в общем массиве монет государств крестоносцев, высшие номиналы которых чеканились по исламскому (золотой динар) и западноевропейскому типу (серебряный денарий). Несколько иная картина сложилась на самой Сицилии, где монеты из драгоценных металлов следовали прежнему арабскому образцу, но с использованием отдельных элементов христианской символики (крест и легенда «Христос ника»).

Ещё большей прихотливостью соединения разнородных элементов отличаются «чёрные дирхемы» ближневосточных тюркских династий – Зенгидов и Артукидов XII–XIII вв. В их оформлении присутствуют компоненты античной (греко-римской), византийской, сасанидской иконографических традиций, причём вне видимой логики и тематической заданности. Византийские прототипы разновременны (от VII до XII вв.), копируются точно и, несмотря на вольность в передаче деталей, легко узнаваемы. Их репертуар – «портреты» от императорских до религиозных, включая сцены Божественной инвеституры монарха (тип иперпирона Иоанна II Комнина, перенесённый на дирхем Артукида Мардина Наджм эд-Дина Алпы). Тщательность воспроизведения никак не мотивирована обычными соображениями о готовности коллективного эмитента «вступить в наследование» былой культуры, единими установками в религиозной или политической сферах и трудно поддаётся рациональному объяснению. Тем не менее, эти условно-христианские образы на туркменских дирхемах выполнены в большем масштабе и лучшем стиле, и потому более узнаваемы, чем на фоллисах христианских правителей Святой Земли.

Византия, в стремлении насытить социальное пространство образами Христа, Богородицы, прочих святых, регламентировала, систематизировала и довела до максимума их присутствие на своих монетах. Сакральную полноценность образа, наряду с иконографией, гарантировал и должный качественный уровень его выполнения. Использование же византийской иконографии и тематики в монетном деле иных, сопредельных стран было почти всегда поверхностно, приблизительно и фрагментарно. Только в одном случае (эмиссии багратидских драмов XI в.) можно говорить об усвоении символического замысла, определявшего содержание византийских монетных типов X–XI и отчасти XII вв. Остальные примеры показывают, что подобные заимствования не сопровождались вниканием в специфику византийского образа и не являлись ни обязательными, ни систематическими.

А.Ю. ВИНОГРАДОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва)

В.Н. ЧХАИДЗЕ

Институт археологии РАН
(Москва)

**«СПАСИ ВЕЛИКОГО ЕВМАФИЯ ИЗ РОДА ДОСТОСЛАВНОГО»:
К ПРОЧТЕНИЮ ЛЕГЕНДЫ ОДНОЙ ГРУППЫ
ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЕЙ**

Степень информативности памятника сфрагистики во многом зависит от наличия легенды, восстановление содержания которой способствует определению значения изучаемой печати.

Достаточно давно известна группа двусторонних византийских печатей, прочитать легенду которых до сих пор не удавалось вследствие того, что все заготовки, по которым производился оттиск, значительно меньше матриц (диаметр известных экземпляров 14–18 мм).

Все печати происходят с территории древнерусского государства. Первая из них (Рис. 1,1) была обнаружена в начале XX в. в Киеве и была включена в «Сфрагистический альбом» Н.П. Лихачева [Лихачев 1936: 267, 268, таб. XXV,41; Bulgakova 2004: 180–182, no. 1.7.18b]. Вторая печать (Рис. 1,2) была обнаружена в 1935 г. в Великом Новгороде и поначалу не соотносилась с первой [Лихачев 1936: 257, таб. XXIV,13; Bulgakova 2004: 182, no. 1.7.19]. Третий экземпляр (Рис. 1,3) найден на Рюриковом городище в 1995 г. [Bulgakova 2004: 180–181, no. 1.7.18a]. Еще одна печать (Рис. 1,4) происходит из раскопок 2011 г. в Старой Ладоге [Белецкий, Кирпичников 2014: 307, ил. 3,17; Белецкий 2018: 406, рис. 8.16,197]. Два моливдовула (Рис. 1,5-6) найдены в Киевской области и хранятся в частных коллекциях. Известно еще несколько экземпляров этих печатей, в том числе еще одна происходит с Рюрикова городища [Белецкий 2018: 406].

Все печати сделаны с одной пары матриц и датированы XI–XII вв.; однако, как отмечалось, их прочтение оставалось проблемным [Bulgakova 2004: 180–182; Белецкий 2018: 406, сноска 6]. Еще Н.П. Лихачев отмечал: “было бы гадательно попытаться восстановить надпись. С точки зрения византийской сфрагистики она не дает ничего...” [Лихачев 1936: 268].

Позволим себе не согласиться с этим мнением. При сопоставлении легенд известных экземпляров, надпись может быть прочитана следующим образом: COCE | ΜΕΓΑΝ | ΕΥΜΑ || ΘΙΟΝΕ | ΓΕΝΕ | ΑΟΔΙΥ –Σῶσε | μεγάν | Εὐμά- || θιον ἐ(κ) | γένε(ως) | ἀο(ι)δίου (resp. ἀο(ι)δί(μ)ου) – Спаси великого Евмафия из рода достославного.

Таким образом, надпись на печатях метрическая, однако для правильного додекасиллаба в начале не хватает 8 слогов. Кроме того, в сохранившемся тексте вызывает удивление эпитет «великий», который применим к владельцу печати только в качестве его титула или должности. Поэтому можно предполагать в начале надписи что-то вроде Μεγαλόμαρτυς συ δοῦκα или Ἐταιρείαρχον κύριε. Однако, диаметр частично сохранившегося на ряде печатей точечного ободка вокруг легенды не позволяет полагать наличия на аверсе четырех строк – на обеих сторонах присутствуют по три строки, и потому остается только гадать, почему текст двустушия был усечен.

При всей проблематичности отождествления владельца печатей с каким-либо известным из источников функционеров, следует отметить очень редкое имя Евмафий и указание на знатность его рода. В византийской сфрагистике известны лишь трое носителей этого имени.

Евмафий Филокал – один из полководцев Алексея I Комнина и один из богатейших людей своего времени [о нем см.: Laurent 1962: 56–59; Jordanov 2006: 421]. Печати этого функционера несут на себе метрические надписи и его cursus honorum представлен следующим образом:

магистр – Τὸν Φιλοκάλλους Εὐμαθίου μαγίστρου (70-е гг. XI в.) [Schlumberger 1884: 190, nr. 3, 691, 692, no. 1–5; Панченко 1908: 122, № 346; Лихачев 1911: 75, 76, рис. 159; Шандровская 1977: 137, № 724; Stavrakos 2000: 395, 396, nr. 269];

куропалат – Εὐμάθιον σκέποις με κουροπαλάτην τὸν Φιλοκάλην, μήτηρ ἀγνή τοῦ Λόγου (до весны 1093 г.) [Schlumberger 1884: 190, nr. 3; Laurent 1981: 573, 574, nr. 1041; Лихачев 1911: 76, рис. 158; Шандровская 1994: 187, № 285; Wassiliou-Seibt 2011: 367–368, nr. 812];

новелиссим – Σὸν λάτρην πιστὸν Εὐμάθιον, παρθένε, νοβελίσσιμον τὸν Φιλοκάλην σκέποις (после 1093 г.) [Wassiliou-Seibt 2016: 399,400, nr. 2226a, b];

δουка и новелиссим – Σὸν δοῦκὰ πιστὸν Εὐμάθιον, παρθένε, νωβελίσσιμον τὸν Φιλοκάλην σκέποις (до 1099 г.) [Cheynet, Gökyildirim, Bulgurlu 2012: 213,214, nr. 2.202];

δουка и протоновелиссим – Εὐμάθιον τὸν δοῦκα τὸν Φιλοκάλην πρωτονωβελίσσιμον, παρθένε, σκέποις (1099 г.) [Wassiliou-Seibt 2011: 368, no. 813; Metcalf 2014: 180, nr. 998];

σεваст – Τὸν Φιλοκάλῃν, Μήτηρ ἀγνή, σον λάτρην σεβαστὸν Εὐμαθίον ἀναγνώριξε (начало XII в.) [Лихачев 1911: 75, рис. 156; Laurent 1962: 55, 56, nr. 68; Maksimović, Popović 1993: 140, 141, nr. 32];

мегалодука, претор Эллады и Пелопоннеса (до 1118 г.). [Schlumberger 1884: 189, 190, nr. 2; Лихачев 1911: 75, рис. 157; Шандровская, 1977: 135, № 699; Nesbitt, Oikonomides 1994: 68, nr. 22.15]. Это единственная группа печатей без метрической надписи

Второй Евмафий Филокал упомянут в качестве *επαρχа* Константинополя и посланника к германским императорам Фридриху I Барбароссе (1190 гг.), а затем к Генриху VI (1196–1197 гг.) [о нем см.: Jordanov 2006: 421, 422]. Судя по присутствующему на его печатях эпитету *σεβαστοπάππου*, он мог являться внуком предыдущего Евмафия (о возможности существования еще одного Евмафия в роду Филокалов [см.: Laurent 1981: 667; Cheynet 1991: 235; Jordanov 2006: 422]).

Печати конца XII – начала XIII вв. также с метрическими надписями: скромная должность *γραμματικα* – Σεβαστοπάππου τῶν γραφῶν Εὐμαθίου γραμματικοῦ σφράγισμα τοῦ Φιλοκάλῃ [Laurent 1981: 667, nr. 1192; Jordanov 2006: 420, 422, no 734; Wassiliou-Seibt 2016: 259, nr. 1912];

σεваст – Εὐμαθίου σφράγισμα τοῦ Φιλοκάλου | τοῦ τῶν σεβαστῶν ἀξία τιμωμένου [Seibt 1978: 315–316, nr. 173; Wassiliou-Seibt 2011: 368, nr. 815].

Известна частная печать XII в. с двусторонней легендой: Εὐμαθίος | ὁ Φιλοκάλῃς [Cheynet 1991: 234, nr. 18], однако, какому из двоих отмеченных Евмафиев (либо третьему?) она могла принадлежать, сказать затруднительно.

Еще один носитель имени Евмафия, печати которого известны – автор популярного романа «Исмина и Исминий» Евмафий Макремволит [о нем см.: Hunger 1998: 4–8]. Его моливдовулы второй половины XII в. также несут метрические надписи:

частная – Макремβολίτου τῶν γραφῶν Εὐμαθίου | στίχοι σφραγίς, οὐ τύπος εἰκονισμάτων [Hunger 1998: 4, nr. 1b; Wassiliou-Seibt 2011: 575, 576, nr. 1350];

две печати, на которых Евмафий представлен в должности *επαρχа* – Ἐπαρχὸν Εὐμάθιον ἢ σφραγίς γράφει | Макремβολίτην καὶ γραφῶν κύρος φέρει [Laurent 1981: 573, 574, nr. 1041; Hunger 1998: 4, nr. 1a; Wassiliou-Seibt 2011: 342, nr. 752a, b].

Перечисленные функционеры – представители высшего нобилитета империи, и их отождествление с владельцем рассматриваемых печатей, обнаруженных только на территории Древней Руси, да еще и с «испорченной» (усечением стиха и неправильным оттиском) легендой, весьма проблематично. Эти обстоятельства наводят на мысль о каком-то другой Евмафии, византийском чиновнике (церковном?), действовавшем на Руси. Вместе с тем, обнаружение на севере и юге Руси значительной группы печатей Евмафия, именующего себя «великим» и из «достопауного рода», не может не вызывать значительный интерес в контексте недостаточно изученных русско-византийских контактов, выраженных и в памятниках сфрагистики.

Библиография

- БЕЛЕЦКИЙ С.В. Ладога XI–XV вв. по памятникам сфрагистики // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. – СПб., 2018.
- БЕЛЕЦКИЙ С.В., КИРПИЧНИКОВ А.Н. Памятники сфрагистики из раскопок в Старой Ладоге в 2011 году // ТГЭ. – СПб., 2014. Т. LXXI. Наследие Николая Павловича Лихачева: интерпретация текста и образа. С. 237–318.
- ЛИХАЧЕВ Н.П. Историческое значение итапо-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итапо-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых православных русских икон. – СПб., 1911.
- ЛИХАЧЕВ Н.П. Сфрагистический альбом. Комплект фототипических таблиц и машинописный текст. – Л., 1936 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. № 444.
- ПАНЧЕНКО Б.А. Каталог моливдовулов. – София, 1908 (Отдельный оттиск из ИРАИК: 1903, Т.8. Вып. 3; 1904, Т. 9. Вып. 3; 1908. Т. 13).
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Сфрагистика // Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. – Л., 1977.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Сфрагистика // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки. – СПб., 1994.
- BULGAKOVA V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands // Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. Wiesbaden, 2004. Bd. 6.
- CHEYNET J.-C. Les sceaux du musée d'Iznik // REB. – Paris, 1991. Т. 49. P. 219–236.
- CHEYNET J.-C., GÖKYILDIRIM T., BULGURLU V. Les sceaux byzantins du Musée Archéologique d'Istanbul. – Istanbul, 2012.
- HUNGER H. Die Makremboliten auf byzantinischen Bleisiegeln und in sonstigen Belegen // SBS. Washington, 1998. Vol. 5. P. 1–28.
- JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. – Sofia, 2009. Vol. 3.
- LAURENT V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. – Vatican, 1962.
- LAURENT V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Paris, 1981. Т. II. L'administration centrale.

MAKSIMOVIĆ L., POPOVIĆ M. Les sceaux byzantins de la région danubienne en Serbe. II – La collection du Musée National de Belgrade // SBS. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 113–142.

METCALF D.M. Byzantine Lead Seals from Cyprus. – Nicosia, 2014. Vol. 2.

NESBITT J., OIKONOMIDES N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1994. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor.

SCHLUMBERGER G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. – Paris, 1884.

SEIBT W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. – Wien, 1978. 1. Teil. Kaiserhof.

STAVRAKOS Ch. Die byzantinische Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen // Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. – Wiesbaden, 2000. Bd. 4.

WASSILIOU-SEIBT A-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. – Wien, 2011. Teil 1. Einleitung, Siegellegenden von Alpha bis inclusive My.

WASSILIOU-SEIBT A-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. – Wien, 2016. Teil 2. Einleitung, Siegellegenden von Ny bis inclusive Sphragis.

Рис. 1. Печати великого Евмафия из рода достославного (XI–XII вв.).

В.К. ГАНЦЕВ

Таврическая Академия
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

**ВИНОГРАДНЫЕ НОЖИ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ КРЫМУ:
опыт классификации**

История виноградарства и виноделия в средневековом Крыму до сих пор изучена слабо. На сегодняшний день мы можем говорить лишь о стадии формирования ее источниковой базы. О масштабном, экспортном, характере производства вина на полуострове в это время свидетельствуют, прежде всего, зафиксированные в округе или непосредственно на территории большинства «пещерных городов» Юго-Западного Крыма стационарные скальные виноградодавильни [Ганцев 2019: 132–137]. Однако, иных материальных свидетельств культивирования винограда в регионе немного. К числу таких археологических источников следует отнести, безусловно, находки так называемых «виноградных ножей», имеющих особо изогнутую (луновидную) форму.

Виноградный нож состоит из двух частей – лезвия (заостренного с одной или двух сторон) и рукоятки (черешковой или втульчатой). Лезвие иногда имеет с внешней стороны специальный выступ, называемый «топориком» или секатором [Frolec 1974: 37]. Легкие ножи применялись для обрезки виноградной лозы, высохших побегов, спелых гроздей, сглаживания ран на лозе, прививок. Более массивные ножи могли использоваться не только на виноградниках, но также и в садах.

В настоящей работе мы попытаемся обобщить все известные случаи находок подобных ножей для средневековой истории региона, дополнив их предварительной классификацией данной категории археологического материала.

Общее количество известных, на сегодняшний день, виноградных ножей, найденных на памятниках средневекового Крыма, невелико, всего 11 экземпляров (Рис. 2,1-4, 8-13).

1. Один виноградный нож найден в хозяйственном помещении, входившем в состав средневековой усадьбы (Рис. 1,1; 2,8), расположенной в северо-западной части Гераклеяского полуострова, на правом берегу Камышевой бухты (земельный надел № 32) [Яшаева 1999: 351, рис. 8,5]. Данная усадьба, перепланированная в конце VI – первой четверти VII вв., функционировала вплоть до первой половины X в. или даже XI в. [Яшаева 1999: 354, 355]. К сожалению, сузить датировку интересующей нас находки не представляется возможным. Предложенная Т.Ю. Яшаевой общая хронология усадьбы вызывает сомнения в историографии [Голофаст, Евдокимов 2019: 192].

2. Два виноградных ножа найдены на поселении Кордон-Оба (Рис. 1,2; 2,1-2), расположенного у поселка Курортное [Баранов 1990: 71, рис. 27,2; Майко 2004: 226, 229, рис. 130,1-2]. По И.А. Баранову, данное поселение функционировало в VIII – первой половине X в. Детальной информации о контексте обнаружения интересующих нас находок и сопутствующем археологическом материале в опубликованных материалах не содержится.

3. Фрагмент лезвия виноградного ножа найден во время раскопок дома № 14 на Тепсенском городище (Рис. 1,3; 2,3), расположенном у современного поселка Коктебель [Майко 2004: 225, рис. 227,6]. Слой функционирования дома № 14 датирован В.В. Майко второй половиной VIII – первой половиной X вв.

4. Один виноградный нож найден при раскопках средневекового поселения, расположенного в 1,35 км к востоку от крепости Фуна (Рис. 1,4; 2,4), у юго-западного подножия г. Южная Демерджи [Майко 2004: 228, рис. 130:3]. Материалы раскопок поселения не опубликованы. В краткой заметке об итогах этих работ приведена дата памятника – конец IX – начало X вв. [Кирилко, Мыц 1991: 41].

5. Один виноградный нож найден во время раскопок жилой застройки Мангупского городища в верховьях балки Гамам-Дере, вблизи церкви св. Константина (Рис. 1,5; 2,5)¹. Находка происходит из культурного горизонта, сформировавшегося в процессе функционирования строительного яруса турецкого времени (вторая половина XVII – начало

¹ Выражаю признательность руководителю Мангупской археологической экспедиции А.Г. Герцену за возможность самостоятельной публикации материалов раскопок.

XVIII вв.; слой № 2). Авторами публикации подчеркивается, что большая часть обнаруженных в нем вещественных предметов относится к более раннему времени, то есть является «переотложенным» материалом [Герцен, Науменко, Иванова, Смокотина 2007: 244]. В таком случае, наша находка, скорее всего, относится ко второй половине IX – середине XI вв., когда на Мангупе получают развитие специализированные винодельческие комплексы [Герцен, Науменко, Ганцев 2019: 83].

6. Один виноградный нож (Рис. 1,6; 2,11) найден в помещении многокамерной постройки у северной оборонительной стены укрепления Исар-Кая (XII–XIII вв.) [Мыц 1987: 238, рис. 7,12].

7. Наибольшая коллекция опубликованных виноградных ножей происходит из раскопок Эски-Кермена (4 экз.) [Айбабин 2014: 243, рис. 14,5-6; Айбабин, Хайрединова 2015: 363, 364, ил. 5,1-2; 6; 7,1-2]. Данные ножи обнаружены в слое пожара конца XIII в. (Рис. 1,7; 2,9-10, 12-13).

Картографирование мест находок виноградных ножей, позволяет выделить две основные зоны их распространения – территория Юго-Восточного (Тепсень и Кордон-Оба) и Юго-Западного Крыма (Эски-Кермен, Мангуп, Гераклейский полуостров) (см. Рис. 1).

Хронология многих рассматриваемых артефактов остается открытой. Лишь ножи из раскопок Тепсеньского городища, Исар-Кая и Эски-Кермена имеют ясный археологический контекст. Наиболее ранней из них является находка виноградного ножа на Тепсене, которая датируется, скорее всего, второй половиной VIII – первой половиной X вв. К XIII в. относятся ножи из Эски-Кермена и Исар-Кая. Остальные известные находки происходят из «переотложенных» культурных горизонтов либо условия их обнаружения остаются пока не ясными (Кордон-Оба, Фуна, Мангуп, Гераклейский полуостров).

Обратимся теперь к классификации данной категории археологических предметов. В историографии есть несколько вариантов типологического деления виноградных ножей, предложенных В. Фролеком [Frolec 1974: 42–48], И. Хеннингом [Henning 1987: 95, 96] и Н.И. Винокуровым [Винокуров 2007: 92, рис. 40]. Следует отметить, что классификация данной группы памятников не привязана к хронологии их бытования. Виноградные ножи, имеющие различную форму рукоятки и лезвия, использовались населением зоны сельскохозяйственного культивирования виноградной лозы повсеместно, начиная с античности и заканчивая новым временем включительно [Frolec 1974: 34; Винокуров 2007: 93].

Исходя из существующих классификаций, обнаруженные в средневековом Крыму виноградные ножи мы можем разделить на две типологические группы – черешковые (группа 1) и втульчатые (группа 2). В каждой группе выделено по две подгруппы (см. Рис. 2).

К подгруппе 1А относятся черешковые виноградные ножи без «топорика» из Кордон-Обы: размеры лезвия первого из них 8,6×1,4–1,9 см (Рис. 2,1), второго – 10,8×2,4 см (Рис. 2,2); Тепсеня: размеры фрагмента лезвия 7,4×1,2 см (Рис. 2,3); Фуны; размеры его черенка 5,0×0,5 см, лезвия – 3,0×1,3 см (Рис. 2,4); Мангупа: размеры его черенка 7,8×1,4 см, лезвия – 9,5×3,4 см (Рис. 2,5). Подгруппа 1А близка к форме G3 по Хенингу [Henning 1987: taf. 38], основной датой их использования исследователь считает VIII–X вв. К данной подгруппе можно отнести виноградные ножи, найденные на Маяцком городище (Рис. 2,6)² [Михеев 1985: 128, рис. 19,8] и в округе поселения Сухая Гомольша (Рис. 2,7)³ в Харьковской области [Колода 2012: 109, ил. 3,1].

К подгруппе 1Б относятся черешковые виноградные ножи с «топориком» из усадьбы надела № 32: размеры его черенка – 6,0×0,9–1,8 см, сохранившейся части лезвия – 14,0×4,5 см (Рис. 2,8) и Эски-Кермена: размеры сохранившейся части лезвия первого из них 14,0×5,0 см, «топорика» прямоугольной формы – 4,3×4,3 см (Рис. 2,9); размеры черенка второго ножа 9,6×0,8–1,5 см; лезвия – 15,0×6,0 см, «топорика» трапецевидной формы – 4,2×3,3 см (Рис. 2,10).

К подгруппе 2А относятся виноградные ножи с втулкой и лезвием без «топорика» из Эски-Кермена: размер втулки первого из них 11,5×1,8–3,7 см, лезвия – 19,0×3,0 см (Рис. 2,12); размер втулки второго 10,8×3,8–4,8 см, лезвия – 20,0×5,3 см (Рис. 2,13), и Исар-Кая (размер втулки этого ножа 9,6×4,5 см, лезвия – 16,5×4,5 см) (Рис. 2,11).

Виноградные ножи с втулкой и лезвием с «топориком» (подгруппа 2Б) на памятниках Крыма неизвестны, ближайшим местом находки ножа такого типа является Правобережное Цимлянское городище (см. Рис. 2,14)⁴ [Плетнева 1994: 323, рис. 91].

Таким образом, краткий анализ такой группы археологических предметов, как виноградные ножи, найденные на памятниках средневекового Крыма, позволяет сказать, что в эпоху средневековья виногра-

² Размер черенка данного виноградного ножа 4,8×0,7 см, лезвия, заостренного с двух сторон – 4,4×1,6 см.

³ Размер его черенка 5,4×0,5 см (имеет на конце выступ), лезвия 5,3×0,9 см.

⁴ Размер втулки данного ножа – 8,7×1,4–2,3 см, лезвия – 15,5×2,2 см, «топорика» прямоугольной формы – 4,0×3,6 см.

дарство получило развитие не только в юго-западном Крыму, но и в юго-восточной части полуострова. Разнообразие в формах виноградных ножей свидетельствует о высоком уровне развития культуры возделывания винограда, когда для различных видов лозы (стелящаяся по земле или лоза, плетущаяся по дереву) применялся различный по форме и удобству инструментарий. Вопрос датировки половины из исследуемых ножей остается открытым. Предварительно можно сделать вывод, что в средневековом Крыму данная группа археологических предметов бытовала в период VIII–XIII вв.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. – Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
- АЙБАБИН А.И. ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Византийский сельскохозяйственный инвентарь из раскопок на Эски-Кермене // ТГЭ. – СПб., 2015. Т.74. Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции посвященной памяти А.В. Банк. С. 352–368.
- БАРАНОВ И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – Киев, 1990. 168 с.
- ВИНОКУРОВ Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. – Симферополь; Керчь, 2007. 456 с.
- ГАНЦЕВ В.К. Итоги и перспективы исследований средневековых памятников виноградарства и виноделия в Юго-Западном Крыму // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы Международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2019. С. 132–137.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ИВАНОВА О.С., СМОКОТИНА А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 233–298.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ГАНЦЕВ В.К. Скальные виноградодавливатели Мангупа // XI Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы научной конференции / Отв. редактор Н.А. Алексеенко. – Симферополь, 2019. С. 79–86.
- ГОЛОФАСТ Л.А., ЕВДОКИМОВ П.А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рефлексом (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
- КИРИЛКО В.П., МЫЦ В.Л. Средневековая Фуна: замок, поселение, некрополь // Археологічні дослідження в Україні: 1991 р. – Луцьк, 1993. С. 41–42.

КОЛОДА В.В. Еще одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. – Харків, 2012. Вып. 2. С. 30–36, 108–113.

МАЙКО В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. – Киев, 2004. 316 с.

МИХЕЕВ В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. 148 с.

МЫЦ В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. – М., 1987. № 2. С. 228–245.

ПЛЕТНЕВА С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. – Симферополь, 1994. Вып. IV. С. 271–396.

ЯШАЕВА Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХСб. – Севастополь, 1999. Вып. X. С. 349–360.

HENNING J. Südosteuropa zwischen Antike und Mittelalter: Archäologische Beiträge zur Landwirtschaft des I. Jahrtausends u. Z. – Berlin, 1987. 231 s.

FROLEC V. Tradiční vinařství na Moravě. – Brno, 1974. 254 s.

Рис. 1. Фрагмент карты Крыма, с указанием мест находок средневековых виноградных ножей.

- 1 – поселение на правом берегу Камышевой бухты (земельный надел № 32);
- 2 – поселение Кордон-Оба (Курортное); 3 – городище Тепсень;
- 4 – поселение, расположенное в округе крепости Фуна; 5 – Мангул;
- 6 – укрепление Исар-Кая; 7 – Эски-Кермен.

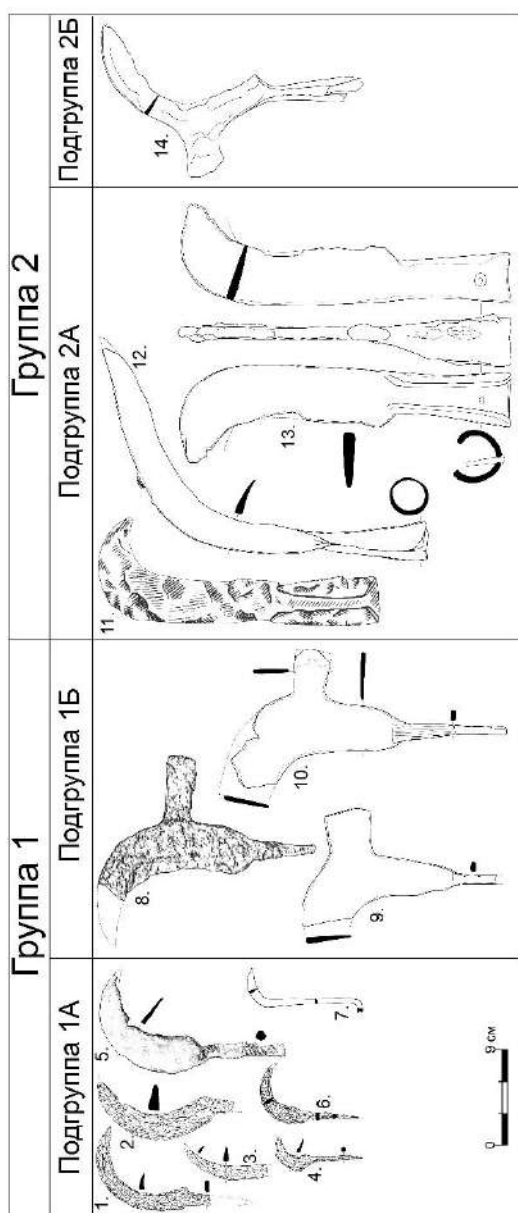

Рис. 2. Типология виноградных ножей, найденных на памятниках средневекового Крыма и в пределах Хазарского каганата:
 1-2 – Кордон-Оба; 3 – Теплень; 4 – поселение в 1,35 км к востоку от крепости Фуна; 5 – Мангул;
 6 – Маяцкое городище; 7 – округа поселения Сухая Гомольша; 8 – поселение на берегу Камышевой бухты (Гераклейский полуостров); 9-10, 12-13 – Эски-Кермен; 11 – укрепление Исар-Кая; 14 – Правобережное Цимлянское городище.

**М.В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
А.В. МАСТЫКОВА**

Институт археологии РАН
(Москва)

**О ДАТИРОВКЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХРАМА
В ГОРЗУВИТАХ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОВ
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК**

Первым исследователем средневекового памятника Горзувиты, расположенного на территории пионерского лагеря «Артек», был А.Л. Якобсон. В результате его раскопок, проведенных в 1951 г., были выявлены руины одноапсидного храма, который перекрывался более поздней церковью. Нижний храм А.Л. Якобсон датировал VI–VII вв., верхний – IX–X вв. [Якобсон 1954]. В 2017 г. Институт археологии РАН приступил к археологическим изысканиям этой территории, куда входил и участок, исследованный А.Л. Якобсоном [Мастыкова 2019]. Вновь были открыты остатки стен двух церквей, из которых верхняя, более поздняя, как сказано выше, возведена на развалинах нижней, более ранней. Нижний храм представляет собой прямоугольное в плане здание с полукруглой апсидой, ориентированной на северо-восток; верхний храм повторяет форму нижнего. При исследовании пола в западной половине нижнего храма была открыта гробница, перекрытая массивными плитами, стены которой выложены обработанными блоками ракушечника на известковом растворе. В гробнице было похоронено около 20 человек. У верхнего погребенного, мужчины в возрасте 40–49 лет, возле его левой тазовой кости, лежала вверх дном фрагментированная поливная чаша середины – третьей четверти XIII в. [Голофаст, Мастыкова 2018: 363–367]. Остальной погребальный инвентарь, обнаруженный в гробнице, незначительный и не очень выразительный – гончарный небольшой кувшинчик, два стеклянных

браслета, несколько стеклянных и каменных бус, бронзовый бубенчик-пуговка, железные гвоздики, небольшие стеклянные фрагменты и мелкие обломки бронзовых предметов неясного назначения – соотнесение этих предметов с каким-либо погребенным не представляется возможным.

Храмовая гробница заполнялась постепенно и таким образом была стратифицирована. Кроме поливной чаши середины – третьей четверти XIII в., обнаруженной у верхнего/последнего погребенного, хронология которой дает нам верхнюю дату гробницы, остальные вещи имеют широкие временные рамки и не дают возможность определить время первого, самого раннего, захоронения и, следовательно, установить *terminus ante quem* постройки нижнего храма. В связи с этим, нами были проведены исследования с использованием методов естественных наук [Добровольская, Мастыкова 2020].

Изотопные исследования антропологических материалов из храмовой гробницы

Изучение храмовой гробницы дало многочисленный антропологический материал. Частичному краниологическому описанию доступен лишь один мужской череп из самого позднего (верхнего) погребения. Половозрастной состав погребенных следующий: около 50% составляют мужчины, доля женщин и детей составляет 23% и 27%.

В наши задачи входило проведение исследований изотопного состава азота и углерода коллагена костной ткани для характеристики пищевых моделей стронция из эмали зубов и костных фрагментов погребенных. Изучение изотопного состава коллагена было обусловлено необходимостью дополнения данных для радиоуглеродного датирования на присутствие резервуарного эффекта. Сохранение стратиграфии погребений дало возможность получения сведений о времени функционирования склепа, длительности его использования и особенностях образа жизни людей, которые были захоронены в этой гробнице.

Важно отметить, что скелетные останки последнего индивида находились прямо под плитовым перекрытием, практически без пустот. Это дает нам основание предполагать, что ко времени помещения

последнего покойного, гробница была наполнена почти целиком, а останки ранее погребенных (около 20 человек) в значительной степени или полностью скелетированы. В том случае, если бы в гробнице сохранялись тела, объем, необходимый для того, чтобы они поместились, был бы гораздо большим¹. Скорость распада мягких тканей, в среднем, занимает около 3–5 лет [Марченко, Кононенко 1991]. Таким образом, этот факт позволяет нам судить о постепенном, а не аккордном захоронении индивидов [Добровольская, Мастыкова 2020].

***Радиоуглерод и стабильные изотопы углерода и азота
в костной ткани людей из храмовой гробницы***

Сохранение костной ткани у погребенных в гробнице позволило применить радиоуглеродный метод. Нами были отобраны 14 образцов, которые относятся ко всем этапам использования погребального сооружения: от самого раннего до заключительного. Анализы проводились в Лаборатории радиоуглеродного датирования и микроскопии (руководитель Э.П. Зазовская) Института Географии РАН и в Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США) [Добровольская, Мастыкова 2020]. Показатели соотношения углерода и азота, а также процентное соотношение углерода и азота в образцах дают нам основание считать сохранность коллагена хорошей. Однако полученные калиброванные результаты показывают, что временной разрыв между самой ранней и самой поздней датой составляет 385 лет, причем этот разрыв выражен как при сравнении слоев, так и одним слоем. Очевидно, что такая картина не соответствует реальности. Для того, чтобы понять причины, повлиявшие на радиоуглеродные определения, необходимо было рассмотреть характеристики образцов, которые все происходили из скелетных тканей людей.

Жители побережий с большой степенью вероятности используют в пищу морские продукты (рыбу и беспозвоночных). Это может существенно исказить радиоуглеродный возраст. Как известно, для акваторий характерен так называемый резервуарный эффект, который связан с тем, что в морских экосистемах замедлен круговорот углерода и морская флора поглощает древний углерод,

¹ Внутренние размеры погребальной камеры: по верхнему краю – длина 1,8 м, ширина – 0,6 м; по дну – длина 1,86 м, ширина 0,7 м; глубина гробницы – 0,57–0,7 м.

растворенный в воде. Чем больше индивид ест морских продуктов, тем значительнее может деформироваться дата, полученная при изучении образца его костной ткани. Какова вероятность того, что люди, погребенные в храмовой гробнице, использовали в пищу морские продукты? В выборке наших образцов есть три индивида, возраст которых не превышает три года, и потому в формировании своеобразия изотопного состава их коллагена важнейшую роль играло грудное молоко. Конечно, состав грудного молока также зависит от диеты матери, однако, в любом случае, влияние морского фактора будет сглажено.

Величины дельта азота для всех трех детей характеризуются максимальными для группы величинами, что подтверждает наше мнение о высокобелковой диете детей «молочного» возраста. Это, в свою очередь, позволяет нам характеризовать питание взрослых индивидов как разнообразное, у одной части со значительным растительным компонентом, у другой – значительным белковым. Однозначно можно заключить, что выраженных «мясоедов» среди них не обнаружено. Можем ли мы судить о присутствии именно морской пищи в обыденном рационе этих людей? Высокие значения величин дельта азота и углерода у самых «древних» индивидов позволяют с большой степенью уверенности судить о том, что эти взрослые индивиды систематически употребляли морские продукты. Возникает следующий вопрос: насколько велик резервуарный эффект? Ответ на этот вопрос можно получить, сопоставив данные по костной ткани людей и травоядных животных, которые питаются по-разному. Однако, в гробнице храма нет никаких органических материалов – нет костей животных, угля, ткани и пр., которые могли бы характеризовать наземные экосистемы времени использования погребального сооружения. В нашем случае, сопоставление величин дельта азота и углерода индивидов из каждого слоя позволило прийти к выводу, что с учетом резервуарного эффекта первые захоронения в гробнице были произведены не раньше XI века [Добровольская, Мастыкова 2020].

***Местные жители или мигранты:
изотопы стронция в скелетах и среде***

Параллельно были определены изотопные соотношения стронция (Sr^{87}/Sr^{86}) в грунте захоронения, листьях кустарника, росшего в непосредственной близости от храма, эмали зубов и костной ткани с

целью оценки прижизненной мобильности погребенных. Известно, что соотношение указанных изотопов стронция в среде определяется, прежде всего, геологическими породами, оказывающими наиболее значимое влияние на формирование тканей местных пищевых растений и животных, а также на минерализацию воды. Полученные данные свидетельствуют в пользу стационарного и, скорее, местного характера жизни людей, которых погребали в гробнице храма [Добровольская, Мастыкова 2020].

Таким образом, сочетание данных археологии, радиоуглеродного датирования и изотопных исследований позволили нам установить, что первое захоронение в гробнице нижнего храма было совершено не раньше XI в., тогда как дата погребения в ней последнего человека относится к середине – третьей четверти XIII в. Таким образом, длительность использования гробницы составляла примерно два с половиной – три столетия. Исходя из этих сведений, можно утверждать, что верхний храм, перекрывавший коллективную гробницу, был построен не ранее второй половины XIII в. и просуществовал, возможно, до середины XIV в., учитывая найденную в 1951 г. при расчистке западной стены верхнего храма монету золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) [Якобсон 1954: 112]. Изотопные исследования дают возможность предполагать, что погребенные люди в храмовой гробнице были местными, постоянными жителями поселения. Модель их питания свидетельствует об ярко выраженном приморском характере образа жизни. Поскольку в гробнице были захоронены мужчины, женщины и дети, то можно предположить, что все они были членами одного рода/семейства, занимающего высокое социальное положение и имевшего право погребать умерших в храме, может быть – семья ктиторов храма.

Библиография

- ГОЛОФАСТ Л.А., МАСТЫКОВА А.В. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 359–395.
- ДОБРОВОЛЬСКАЯ М.В., МАСТЫКОВА А.В. Изотопные исследования людей из гробницы храма на Горзувитах: хронология, особенности питания, мобильность // КСИА. – М., 2020 (в печати).

МАСТЫКОВА А.В. Археологические раскопки 2017–2018 гг. средневекового храма и могильника в Горзувитах // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. – М., 2019. Том II / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. С. 378–395.

МАРЧЕНКО М.И., КОНОНЕНКО В.И. Практическое руководство по судебной энтомологии. – Харьков, 1991.

ЯКОБСОН А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. – М., 1954. Вып. 53. С. 109–120.

А.А. ДУШЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МАНГУПСКОГО КНЯЖЕСКОГО ДВОРЦА (раскопки 2006-2018 гг.): статистический обзор¹

Изучение дворца правителей Феодоро продолжается уже более ста лет. В разное время раскопки памятника проводили Р.Х. Лепер (1912–1913), А.Л. Якобсон (1938), Е.Г. Сувор (1968), Е.В. Веймарн (1974)². С 2006 г. памятник стал основным объектом исследований Мангупской археологической экспедиции Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского³. Результаты современных исследований позволили установить хронологию памятника в пределах 1425–1475 гг. и сформировать концепцию его архитектурно-планировочного решения. Кроме того, на территории дворца выявлены культурные горизонты и археологически закрытые комплексы, отражающие разновременные ярусы застройки этого участка Мангупского городища [Герцен, Науменко 2010: 395–397; Герцен, Науменко, Душенко 2018: 53–58; Герцен, Науменко, Душенко, 2019: 139–148; Герцен, Науменко, Душенко, Иोजица 2019: 60–70].

¹ Исследование подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 19-09-00124 А «Дворцовый комплекс Мангупского городища – резиденция правителей княжества Феодоро в Юго-Западном Крыму. Проблемы хронологии, планировки и архитектурной реконструкции памятника»), а также в рамках реализации проекта госзадания Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0018 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

² История изучения дворца подробно освещена в работе А.Г. Герцена и В.Е. Науменко [Герцен, Науменко 2010: 388–394].

³ Автор выражает признательность руководителю Мангупской археологической экспедиции А.Г. Герцену за возможность самостоятельной публикации материалов.

Данная публикация посвящена обзору одной из ключевых категорий находок, во многом определяющих хронологию памятника – монетам. Нумизматическая коллекция из раскопок Мангупского дворца насчитывает 830 монет⁴. Неудовлетворительная сохранность не позволила определить 134 экземпляра (16% от общего количества находок). Полушка Николая I и две монеты СССР из балластных слоев дворца, очевидно, отражают посещение памятника во второй половине XIX – XX вв. Таким образом, общее количество учтенных в приводимой статистике монет составляет 693 экземпляра, которые представляют шесть хронологических групп.

Группа I (68 экз. – 9,8%) включает монеты докрепостного периода истории Мангупа⁵, представленные эмиссиями Римской империи I–V вв. и Боспорского царства конца III – IV вв. К этой группе также отнесены две медных монеты эпохи эллинизма (табл. I).

Таблица I			
№	Эмитент	Дата выпуска	Кол-во
1	Херсонес	IV–III вв. до н.э.	1
2	-	III–II вв. до н.э.	1
3	Римская империя	I–V вв.	33
4	Корнелия Салонина	около 268 г.	1
5	Констанций I	300–301 гг.	1
6	Константин I	307–337 гг.	4
7	Константин II	337–340 гг.	1
8	Констанций II	337–363 гг.	2
9	Валентиан II	375–392 гг.	2
10	Феодосий I	379–395 гг.	5
11	Аркадий	383–408 гг.	1
12	Феодосий II и Валентиниан III	438–440 гг.	3
13	Боспорское царство	конец III – IV вв.	9
14	Фофорс	285–310 гг.	3
15	Рескупорид VI	318/9 – 336/7 гг.	1

Значительное количество монет группы I исключает случайность их попадания в культурный слой дворца. Тем не менее, комплексы докрепостного периода на этом участке городища не обнаружены,

⁴ Атрибуция монет из раскопок дворца в 2006–2010, 2014–2018 гг. выполнена А.В. Якушечкиным.

⁵ Подробно о периодизации Мангупского городища [см.: Герцен 2003; Герцен, Науменко 2019].

соответствующий археологический материал встречается редко. Возможным объяснением этого феномена может быть участие позднеримских и боспорских монет в денежном обращении Мангупа в следующий, ранневизантийский период.

Группа II (191 экз. – 27,6%) включает серию последовательных эмиссий императоров второй половины V – VI вв., а также фоллис первой половины VII в. (табл. II).

№	Эмитент	Дата выпуска	Кол-во
1	Лев I	457–474 гг.	12
2	Зенон	474–491 гг.	9
3	Анастасий I	491–518 гг.	31
4	Юстин I	518–527 гг.	10
5	Юстиниан I	527–565 гг.	72
6	Юстин II	565–578 гг.	4
7	Ираклий	610–641 гг.	1
8	Византийская империя	конец V–VII вв.	52

Состав группы II иллюстрирует усиление роли ранневизантийского Мангупа как экономического и политического центра. Регулярное поступление денежных средств достигает пика в правление Юстиниана I, при котором на плато строится мощная крепость [Герцен 1990: 103–138]. Находки монет группы II на территории дворца связаны с самым ранним ярусом застройки участка [Герцен, Науменко, Душенко 2018: 55, 56], включающим семь изученных к настоящему времени хозяйственных комплексов.

Самой малочисленной категорией нумизматических находок из раскопок дворца является **группа III (14 экз. – 2%)**, включающая монеты средневизантийского периода (табл. III).

№	Эмитент	Дата выпуска	Кол-во
1	Византийская империя	VIII–XI вв.	3
2	Лев V и Константин Симбат	813–820 гг.	1
3	Василий I	867–886 гг.	4
4	Роман I и Константин II	920–944 гг.	1
5	Василий II и Константин VIII	976–1025 гг.	1
6	Роман IV	1067–1071 гг.	4

Находки группы III связаны со строительным ярусом «фемного» периода истории Мангупа [Герцен, Науменко, Душенко 2018: 56]. Он включает руины шести крупных построек и двух хозяйственных комплексов и является вторым по мощности после феодоритского. Редкость монет этого периода, характерная для всей территории городища [Герцен 2008: 457, 458; Герцен, Иванова, Науменко 2010: 245], свидетельствует о снижении масштабов денежного обращения в крепости. Причины этого явления требуют специального изучения.

Состав **группы IV (164 экз. – 23,6 %)** (табл. IV) наглядно демонстрируют смену вектора экономической ориентации Мангупа с Запада на Восток. Основу денежного обращения княжества Феодоро в XIV в. составляли монеты ханов Золотой Орды, что в очередной раз подтверждает его зависимое по отношению к Крымскому Улусу положение [Герцен, Науменко 2016: 34–38]. Нельзя исключать и более позднее обращение золотордынских монет в течение XV в., отмеченное в литературе [Сидоренко, Алексеенко, Цепков 2015: 112, 113]. Единичные находки монет других государственных образований, видимо, иллюстрируют круг торговых связей княжества в Причерноморском регионе.

№	Эмитент	Дата выпуска	Кол-во
1	Византийская империя	XIII в.	2
2	Трапезундская империя	XIII–XIV вв.	1
3	Бейлики Малой Азии	XIV вв.	9
4	Михаил Шишман (Второе Болгарское царство)	1323–1330 гг.	1
5	Золотая Орда	конец XIII – XIV вв.	69
6	Тула-Буга	1287–1291 гг.	1
7	Токта и анонимные выпуски времени его правления	1291–1313 гг.	8
8	Узбек	1313–1341 гг.	24
9	Джанибек и анонимные монеты времени его правления	1342–1357 гг.	4
10	Анонимные пулы	1350–1365 гг.	15
11	Абд-Аллах	1367–1370 гг.	6
12	Анонимные пулы	1360–1380-е гг.	10
13	Токтамыш	1379–1395 гг.	11
14	Шадибек	1399–1407 гг.	2
15	Кебек	1413 г.	1

Монеты *группы V (117 экз. – 16,9%)* (табл. V) отражают денежное обращение Феодоро в период жизни дворца (1425–1475 гг.). Особую важность для хронологии памятника имеют находки этой группы из закрытых комплексов третьей четверти XV в. Из 18 контекстов этого времени 7 содержали акче Хаджи Гирея I 1453 и 1463 гг. и аспры Мехмеда II 1450–1475 гг.⁶ Состав группы V является новым свидетельством одновременного обращения монет разных политических образований в Юго-Западной Таврике XV в., хорошо известного покладам этого периода [Майко 2007; Сидоренко, Алексеенко, Цепков 2015].

№	Эмитент	Дата выпуска	Кол-во
1	Византийская империя	XV в.	1
2	Трапезундская империя	XV в.	4
3	Иоанн IV (Трапезунд)	1429–1459 гг.	1
4	Генуэзско-татарские монеты	1420–1470-е гг.	56
5	Мурад II (Османь)	1421–1451 гг.	1
6	Мехмед II (Османь)	1451–1481 гг.	8
7	Хаджи Гирей I (Крым)	1441–1466 гг.	39
8	Крымское ханство	XV в.	2
9	Молдавское княжество	XV в.	2
10	Александр I Добрый (Молдова)	1400–1432 гг.	1
11	-	XV в.	2

В *группу VI (139 экз. – 20,1%)* (табл. VI) выделены монеты османского периода истории Мангупа. Соответствующий ему строительный ярус датируется широко – в пределах конца XV – XVIII вв. [Герцен, Науменко, Душенко 2018: 57, 58]. Из трех закрытых комплексов этого времени один (помещение М) содержал нумизматические находки – два акче Баязида II. Часть монет группы VI, вероятно, не связана с османской застройкой участка, но могла попасть в культурный слой в процессе выборки строительного камня из построек дворца в XVIII в. Состав группы VI указывает на то, что основу денежного обращения поселения составляли монеты Крымского Ханства, несмотря на административное подчинение Мангупского кадылыка Османской империи.

⁶ Два закрытых археологических комплекса уже введены в научный оборот [Герцен, Науменко 2010; Науменко, Душенко 2017].

Таблица VI			
№	Эмитент	Дата выпуска	Кол-во
1	Крымское ханство	XVI–XVIII вв.	18
2	Менгли Гирей I	1478–1515 гг.	28
3	Мехмед Гирей I	1515–1523 гг.	4
4	Сахиб Гирей I	1532–1551 гг.	2
5	Девлет Гирей I	1551–1577 гг.	10
6	Мехмед Гирей II	1577–1584 гг.	18
7	Ислам Гирей II	1584–1588 гг.	3
8	Гази Гирей II	1588–1607 гг.	7
9	Джанибек Гирей, первое правление	1610–1623 гг.	5
10	Мехмед Гирей III	1623–1627 гг.	2
11	Джанибек Гирей, второе правление	1628–1635 гг.	2
12	Инает Гирей	1635–1637 гг.	1
13	Ислам Гирей III	1644–1654 гг.	1
14	Мехмед Гирей IV	1641–1644 гг. 1654–1666 гг.	3
15	Адиль Гирей	1666–1671 гг.	1
16	Селим Гирей I, первое правление	1671–1678 гг.	1
17	Мурад Гирей	1678–1684 гг.	3
18	Селим Гирей I, второе правление	1684–1691 гг.	1
19	Фетх Гирей II	1736–1737 гг.	1
20	Селим Гирей II	1743–1748 гг.	1
21	Арслан Гирей, первое правление	1748–1756 гг.	4
22	Халим Гирей	1756–1758 гг.	1
23	Девлет Гирей IV, второе правление	1775–1777 гг.	2
24	Шахин Гирей	1777–1782 гг.	1
25	Османская империя	XVI–XVII вв.	5
26	Баязид II	1481–1512 гг.	6
27	Селим I	1512–1520 гг.	1
28	Ахмед I	1603–1617 гг.	1
29	Алексей Михайлович, Русь	1645–1676 гг.	1
30	Густав II Адольф, Швеция	1611–1632 гг.	1
31	Германия	XVII–XVIII вв.	1
32	Китай	XVI–XVII вв.	1

Обзор нумизматической коллекции из раскопок Мангупского дворца демонстрирует широкий потенциал этой группы источников. Ее дальнейшее изучение позволит не только уточнить хронологию строительных ярусов комплекса, но и получить новую информацию о политической и экономической истории городища и Юго-Западной Таврики.

Библиография

- ГЕРЦЕН А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – Симферополь, 1990. Вып. I. С. 97–174.
- ГЕРЦЕН А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 94–112.
- ГЕРЦЕН А.Г. Нумизматический спектр Мангупа-Дороса // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на ст.н.с. Милко Мирчев. – Варна, 2008. С. 457–459.
- ГЕРЦЕН А.Г., ИВАНОВА О.С., НАУМЕНКО В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп). III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 240–29.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. – СПб., 2009. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры. С. 387–419.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции. – Севастополь, 2016. С. 34–38.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Актуальные задачи изучения исторической периодизации Мангупского городища // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина. – Симферополь, 2019. С. 34–38
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции. – Севастополь, 2018. С. 53–58.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А. Основные итоги и перспективы исследований княжеского дворца Мангупского городища // XX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований». – Симферополь; Керчь, 2019. С. 139–148.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А., ИОЖИЦА Д.В. Княжеский дворец Мангупского городища. Проблемы архитектурно-археологической реконструкции памятника // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма. Сборник материалов VI научно-практической конференции. – Симферополь, 2019. С. 60–70.

МАЙКО В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в юго-западном Крыму. – Киев, 2007.

НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 187–238.

СИДОРЕНКО В.А., АЛЕКСЕЕНКО Н.О., ЦЕПКОВ Ю.А. Клад серебряных монет XV в. из окрестностей с. Новая Бобровка в Юго-Западном Крыму // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 г. Материалы докладов и сообщений. – М., 2015. С. 110–115.

А.А. ЕВДОКИМОВА

Институт языкознания РАН
(Москва)

ФОРМУЛЫ В ВИЗАНТИЙСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ НАДПИСЯХ СИРИИ

Если исключить из рассмотрения провинцию Финикию [см. Евдокимова 2020b], то на оставшейся территории Сирии среди погребальных надписей византийского периода большая часть с глагольными формулами. Самая частотная с глаголом τελειόω (скончаться) и его однокоренными вариантами – 25 случаев. Четыре из них в классической формуле дата + ἐτελιώθη; из Гхура (423 г.), Дара Киты (431 г.), Кефра Набо (445/6 г.) и Умм-Сахриджа (602 г.). Дополнение: εἰς θεῶς καὶ Χριστὸς αὐτοῦ καὶ τὸ Ἅγιον Πν(εῦμ)α из Дара Киты (431 г.)¹ [Jalabert, Mouterde 1939, 536]. Фраза из надписи 602 г. из Умм-Сахриджа отсылает к поминальным молитвам и встречается в сирийских надписях разных жанров: Κ(ύρι)ος φυλάξῃ τὴν ἰσοδῶν κ(αὶ) <τ>ῆν ἕξ<οδ>όν σου [Jalabert, Mouterde 1955: 1887]. С вариантом ἐτέλεσεν 4 недатированных надписи из Шнана, Одже, Шейха Барака [Jalabert, Mouterde 1955: 1403, 1660, 1736] и Эпифании [Jalabert, Mouterde 1959: 2006]. Другие вариации: дата + ἐτελ[έσ]θη + Р.п. из Дера Самбила (399 г.); ἐτελεύ[τησ]ε из Эт-Тайибе (без даты) [Jalabert, Mouterde 1955: 1432, 1915]; дата + <ε>τ<ε>λ[ί]ωσεν из Рувехи (без даты) [Jalabert, Mouterde 1939: 681]. Четыре надписи с дополнением: εἰς θεὸς μόνος – также используют вариации: ἐτελε[ύ]τῃ + дата из Кваро (без даты); дата + Р.п. + [έτ]<ε>λιώ[θη] из Урима эл-Джоза (IV в.); μνήμη + Р.п. + ἤρξατο + ἐτελιώσεν + Им.п. ἐτελιώσεν + дата из Рихи (386 г.) [Jalabert, Mouterde 1939: 659, 669, 689]; Ἰησοῦ Χριστέ, βοήθι + Д.п. дата + συνετελέσθη τὸ ἐλεοτρ[ι] βίον из Хасса (372 г.) [Guarducci 1978: 434; Jalabert, Mouterde 1955: 1509]. В сочетаниях с другими формулами: βοήθι + В.п. ἐτελιώθη + дата с дополнением: εἰς θεὸς καὶ ὁ Χριστὸς αὐτοῦ ὁ βοηθῶν + Д.п. из Батуты (563 г.); ἐν ὀνόματι Χρ(ιστοῦ) Им.п. ἀπὸ + Р.п. ἐρξεν καὶ ἐτέλησεν

¹ См. ниже в дополнительных формулах.

из Дера Симана (без даты); ἐν ὀνόματι κ(υρίο)υ Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ ἐτηλιόθη εἰ πρόσωψις ἐπὶ + Р.п. + дата из Бабиски (540 г.); дата + ἡτελιῶ[θ]εν + εἰσ[ή]νεγκαν + дата из Урима эл-Джоза (376/7 г.); ἀπετέλησαν ἡροεῖον + Р.п. + ἐτελίωσεν из Рихи (IV в.) [Jalabert, Mouterde 1939: 391, 418, 562, 668, 690]; κ(ύρι)ε Χ(ριστ)ε βοήθι + В.п. + ὅτι ἐτέλεσαν из Миджлейи (без даты); дата + ἐτελέσθη τὸ ἡρόειον ὑπὸ + Р.п. + σώζ<ε>σ>θε, συ<v>κωμῖ<τ>ε из Кефра Румы (349 г.); дата + ἐτελέσθη ὑπ<ό>κμε πρὸς εὐψυχίαν τῶν ἐνθάδε κατ(οικοῦντων) из Одже (394/5 г.); Χ(ριστ)[ε βοήθ]ει + В.п.+ [ἐ]τέ<λ>εσεν из Шейха Барака (502/3 г.) [Jalabert, Mouterde 1955: 1485, 1539, 1653, 1738] и Мужлегги (без даты) [Tchalenko 1958: 29, 30a.1].

С глаголом ἐκοιμήθη (почил) шесть надписей; три из Антиохии с классической формулой: ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θ(εο)ῦ + дата (1063 г.), две – без даты [Jalabert 1950-53, 810, 815]. Одна в сочетании с другой формулой: ἐκοιμήθει ὁ δ(οῦλο)ς τοῦ θ(εο)ῦ Им.п. ὃν ὁ Κ(ύρι)ος + ἀνηπαύσει μετὰ ἀγίων + дата из Антиохии (1142 г.) [Jalabert, Mouterde 1950-53: 814]. Другая с использованием расширения: ἐκυμήθη ἐν Χ(ριστ)ῶ + Им.п. + дата из Фрикьи (459 г.), кто умерший: ὁ τῆς μακαρίας μ(νή)ης Νεστόριος [Tchalenko 1958: 30, 31.1]. И недатированная из Россоса в сочетаниях формул: ἐκοιμήθη + дата + κατηξιώθη δὲ σὺν θ(ε)ῶ εἰς τὴν του π[εῖραν] + ὑπὲρ σωτηρίας + Р.п. καὶ ὑπὲρ ἀναπαύσεως + Р.п. [Jalabert, Mouterde 1950-53: 733].

С другой традиционной погребальной формулой ἐνθάδε кῖτε (здесь лежит) три надписи и ее вариация ἐνθάδε [κ]ατοικεῖ. Одна – ἐνθάδε [κ]ατοικεῖ из Хераке (524 г.) [Jalabert, Mouterde 1955: 1579]. Дополнение: μηδὲν ἰσῖτω κακόν. Две недатированные надписи с ἐνθάδε кῖται из Апамеи и Рувейды [Jalabert, Mouterde 1955: 1356, 1793]. В сочетаниях с другими формулами: ἐνθα κατοικῖ + ἐτελ(έσθη) + дата из Рефаде (516/7 г.) [Guarducci 1978: 438, Jalabert, Mouterde 1939: 424] и ἐνθάδε кῖτε + ζήσας ἔτη из Дафне (IV в.) [Jalabert, Mouterde 1950-53: 1030]. Дополнения: μὴ ἔστω ὀδε [κακόν] из Рефаде (516/7 г.) [Guarducci 1978: 438; Jalabert, Mouterde 1939: 424] и ἔχων πιστικωτά την ψυχὴν, εὐχῆσι εὐφημῶν θεὸν τὸν δοτήρα τῆς βροτῶν ζωῆς, ὅς σοι παρέσχεν τὴν ἐν οὐρανῶ πόλιν из Дафне (IV в.) [Jalabert, Mouterde 1950-53: 1030].

С глаголом ἀναπαύω (упокоиться) пять надписей, из них одна недатированная из Одже, в которой κ(ύρι)<ε> Χ(ριστ)<έ>, ἀνάπαυσον + Д.п. [Jalabert, Mouterde 1955: 1655]. В выражении ἀνάπαυσον τῆ[v] ψυχὴν + Р.п. три надписи: Анасарта (без даты), Масарте (без даты), Гол Джибрин (521 г.) Адресат с использованием другой формулы: τῶν κυμηθέντων ἐ<v> τῶ ναῶ τούτῳ из Гола Джибрина [Jalabert, Mouterde 1939: 355]. А также с В.п. в сочетании с формулой μνήσθητι Κ(ύρι)ε + Р.п. из Аретусы (без даты) [Jalabert, Mouterde 1959: 2087].

В Хассе встречается глагол ἐπισκέλω (спрятать) в двух надписях, оба раза в сочетаниях с другими формулами: ἐπισκέψου τὴν γῆν καὶ ἐμέθυσας + В.п. ἔασε τὰ συνθρίμματα + Р.п. ὅτι ἐσαλεύθη без даты [Jalabert, Mouterde 1955: 1519] и Χ(ριστός), ἐπίσκεψε τῷ σωτηρίῳ σου + В.п. ἐνταῦθα κοιτωμένους, τοῦ ἰδῆν ἐν [ῆ] χρηστότητι τῶν ἐγλετῶν σ[ου] из Хасса V в. [Guarducci 1978: 435; Jalabert, Mouterde 1955: 1522]. Кто похоронен: τὸν δοῦλόν σου Ἀντωνίνου Διογένου, καὶ Δομετίαν γαμετὴν αὐτοῦ, κὲ τοὺς λοιποὺς. В качестве дополнения в последней надписи встречается вариация распространенной в Египте с причастием χαρισάμενος характеристики Христа (отсылающей к заупокойной службе): ὁ τὸ ζῆν χαρισάμενος τῷ ἀνθρωπίνῳ γένει, κὲ τὸ τελευτᾶν διὰ σφάλμα ἐντιλάμενος, κὲ τὴν ἀνάστασιν ἐν ἐλέει ἐ οἰκτιρμοῖς ἰδ<ι>οις ἐπανγιάμενος, κὲ ἀραβωνίσας.

Употребляются также глаголы со значением «хоронить». Одна надпись с формулой с глаголом θάπτω: ἐτάφη + дата из Калоты (492 г.) [Jalabert, Mouterde 1939: 382]. Дополнение: [εἶς] θεὸς (καὶ) ὁ Χριστὸς αὐτοῦ τ[ῷ ὄ]ντι. По базе РНИ 7 всего 11 надписей с этим глаголом; из них: по одной из Вены (441 г.), Веройи (492 г.), Дамы (533 г.), Акаматры (1126/7 г.), Янины (XIII в.), Сер (1358–1364 г.), Сиракуз (без даты) и по две из Рима (без даты) и Иерусалима (VIII–IX вв.). Другая формула с еще более редким в надписях глаголом ἐκκομίζω. Одна надпись из Деркуша (352 г.): дата + ἔνθα ἐξεκόμισα + В.п. [Jalabert, Mouterde 1939: 665], в которой автор Εὐτίχης Μαραωνος ναυπηγός, похоронил Δο<μ>ετίλλαν τὴν γλυκυτάτην μοῦ μητέρα. Дополнение: οὐδὲς ἀθάνατος. Второй пример: недатированная надпись из Сицилии (Катания) [Agnello 1953], где этот глагол представлен в форме ἐξεκομίσθη в дополнительной формуле при основной дата + ἐτελεύτησεν. И однокоренные в надписи из Эфеса 531–537 г. [Grégoire 1922: 108] в следующих выражениях: ὑπὲρ ἐκκομιδῆς, δῶ τι τῶν ἐκκομιζόντων и τῆς αὐτῶν τιμίας ἐκκομιδῆς.

С глаголом εὐψυχει (покойся) одна надпись из Сердина (V в.) [Jalabert, Mouterde 1939: 641], в то время как в Египте 13 надписей и датированные из них также относятся к V в. [ср. Евдокимова 2020а].

Рассмотрим те погребальные надписи, где в качестве ядра существительные. Самое распространенное в этом регионе существительное μνημεῖον встречается шесть раз. Из них один раз в классической формуле в надписи из Зебеда (без даты): μνημ[εῖον] + Р.п. [Mouterde, Poidebard 1945: 197, 29.1]. Три случая в сочетаниях с глаголами: ἐτελιώθη τὸ μνημῖον + дата из Хирбета Хасса (430 г.) [Jalabert, Mouterde 1955: 1495], дата + ἐποίησαν τὸ μνημῖον + Им.п. из Сфиры (487/8 г.) [Mouterde, Poidebard 1945: 186, 10.1, 11.1]. Обе надписи из Сфиры сочетаются с дополнениями, которые являются вариациями распространенных в надписях Сирии и Египта фраз: εἰς θεὸς ὁ βοηθῶν и

εἷς θεὸς μόνος [Mouterde, Poidebard 1945: 186, 10.1, 11.1]. В остальных надписях кроме глаголов μνημεῖον также сочетается и с другими формулами: дата + ἐτέλεσεν τὸ μνημῖον + имена + εὐθύμως τὸν βίον μεταλαβόντες из Фрикьи (325 г.); дата + σ<υ>γετέλεσ(αν) τὸ μνημῖον + ζήσουσιν πολυχρονίους из Хасса (372 г.) [Jalabert, Mouterde 1955: 1409, 1523]. Дополнение: θάρσι, ψυχῆ·οὐδὶς ἀθάνατος. И последний памятник из Миджлейи (463 г.) с формулами: ἐλέϊσόν με κατ[ὰ] <τ>ὸ μέγα σου ἔλεος. дата + ἐκατεστάθι τὸ μν[η]μ(εῖον) [Jalabert, Mouterde 1955: 1488] сочетается сразу с двумя дополнениями: ὁ [κατοικῶν ἐ]μ βοηθία τοῦ Ὑψίστου и εἷς θεός [ὁ β]οηθον τοῦ γράψαντ(ος) καὶ τοῦ ἀναγν[ό]σκον(τος).

Следующее по частотности – τόπος (место) встречено четыре раза. В двух надписях в вариациях классической формулы: τόπο[ς] + Р.п. [ἐν εἰ]ρ[ήνῃ] из Аретусы (без даты) [Jalabert, Mouterde 1959: 2086], οὗτος ὁ τόπος + Р.п. из Антиохии (без даты) [Jalabert, Mouterde 1950-53: 878]. Одна надпись из Кара Дурана (VI в.) с другой классической формулой: τόπος διαφέροντ(α) + Д.п. [Jalabert, Mouterde 1950-53: 1232]. А также в сочетании с ивокативной формулой: Κ(ύρι)ε βοήθι + Д.п. τὸν τόπον + В.п. из Башакуха (без даты) [Jalabert, Mouterde 1939: 573].

Существительное κοιμητήριον (усыпальница) встречается три раза. Два раза в сочетаниях с глагольными формулами: дата + ἐ<τέ>λεσεν τὸ κοιμητήριον из Кефра Амбила (338–348 гг.); ἐλοῖσαν τὸ κυμητήριον из Мараты (без даты); один раз в классической формуле: κυμητήριον διαφέρον + Р.п. + дата из Шейха Барака (559 г.) [Jalabert, Mouterde 1955: 1529, 1565, 1742].

По одному разу встречаются σορὸς (гроб) и σορίν в недатированных надписях: σορ]ὸς + Р.п. + Д.п. из Лаодикеи и σορ]ιν + Р.п. из Мегары [Jalabert, Mouterde 1955: 1267, 1405].

Наиболее часто встречающееся в Малой Азии θήκη [см. Евдокимова 2015: 42, 43], здесь также употребляется с Р.п. умершего дважды в надписях Селевкии Пиэрии (без даты) [Jalabert, Mouterde 1950-53: 1130 (с дополнением ὅστεα ἀρχῆα), 1192]. Там же в Селевкии Пиэрии найдены и две недатированные надписи с θέσις, синонимичному θήκη, в классической формуле: θέσις + Р.п. [Jalabert, Mouterde 1950-53: 1124, 1153].

По одной надписи недатированной для слов τάφον и οἰκητήριον. Обе не с классическими формулами: χρόνον πατοῦσα τὸν μόνον σὺ τάφον Битяс (V–VIII вв.) [Jalabert, Mouterde 1950-53: 1108] и χέρ<ε>τ<έ> + Д.п.+ Зв.п. + οἰκητήριον αἰώνιον + Р.п. + Д.п. из Ресма ил-Куббара (без даты) [Jalabert, Mouterde 1939: 343]. И такое же дополнение, как было выше у надписи из Фрикьи 325 г.: θάρσι, ψυχῆ·οὐδὶς ἀθάνα[τος].

Также встречается вместо основного текста предупредительная формула [ср. Евдокимова 2017: 63–68]: ὀρκίσω ὑμᾶς πρὸς τὸν θεόν(ν), εἶνα μή τις τολμήῃ ἀ<ν>ῖξε καὶ κυνῆσε τὰ λύμψανά μου. Χρ(ιστός) из Хирбета Фариса (без даты) [Jalabert, Mouterde 1955: 1535]. Это единственный случай употребления слова λύμψανα в этом регионе к обычному человеку, кроме найденных в Апамии трех надписей с λύμψανα, которые были связаны со святыми: λύμψανα τῶν ἁγίων + Р.п. + διαφόρων ἁγίων (V–VI вв.) и λύμψανα τῶν ἀγ(ίων) + Р.п. (без даты) [Jalabert, Mouterde 1955: 1338, 1339, 1343].

Короткие варианты надписей с существительным ἀναπαύσεως и его аналогов, которые сами по себе могут выполнять функции погребальных, имеют различные вариации компонентов: ὑπὲρ ἀναπαύσεως + Р.п. (область Верои, без даты), ὑπὲρ ἀναπαύσεως Р.п. κ(αὶ) σωτηρίας Р.п. (Риха, 500–550 гг.), ὑπὲρ μνίας [καὶ] ἀνα<π>α<ύ>σε[ω]ς + Р.п. (Тарутин, без даты), ὑπὲρ εὐχῆς κ(αὶ) σωτηρίας Р.п. κ(αὶ) ἀναπαύσεως Р.п. (Астумех, начало VII в.), τοῦ ἁγίου Σεργίου ὑπὲρ μνήμης + Р.п. (Эпифания, VI в.), ὑπὲρ σωτηρί[ας] Р.п. (καὶ) ἀναπαύ[σεως] Р.п. (καὶ) σωτηρίας Р.п. (Хераке, без даты). Чаще всего относятся к супругам, детям и родителям с перечислением имен; только в надписи из Астумеха (начало VII в.) упоминается профессия ἀργυροπράτου [Jalabert, Mouterde 1939: 698]. Также могут сочетаться с глагольными формулами: Им.п. εὐξαμένη ὑπὲρ σωτηρίας + Р.п. τὸν τόπον ἐποίησεν (Апамея, 391 г.)

Одна из самых распространенных дополнительных формул начинается с εἰς θεός и также встречается в Египте. В Сирии она представлена в вариациях: εἰς θεός καὶ Χριστός. + дата + Им.п. и подпись: Δαμας τεχνίτης из Коканаи (378 г.); εἰς θεός μόνος. + дата из Коканаи (349 г.), εἰς θεός μόνος ὁ βοηθ(ῶν) из Рувехи (384/5 г.) [Jalabert, Mouterde 1939: 595, 596, 680]. В двух недатированных надписях из Симкхара сочетается с формулой μνησθῆ ὁ γράψας и представлена в следующих вариантах: εἰς θεός ὁ βοήθων ἡμᾶς и εἰς θεός [ς] ὁ [β]ω[ς]η[θ]ῶν [Jalabert, Mouterde 1939: 394, 395]. Или в более расширенном варианте в надписи из Фафиртина (372 г.): εἰς θεός καὶ ὁ Χριστός αὐτοῦ ὁ βοηθῶν + Р.п. + дата [Jalabert, Mouterde 1939: 389] с дополнением: [εὐ]θί<α> ζωῆς ὁδός <ε>σ[τήν]. Остальные примеры сочетаются с другими формулами, обычно молитвенного характера: εἰς θεός καὶ ὁ Χριστός αὐτοῦ ὁ βοηθῶν + Д.п. ἐκτέλι + Им.п. из Дафне (без даты) [Jalabert, Mouterde 1950-53: 991]; εἰς θεός καὶ ὁ Χριστός αὐτοῦ καὶ τὸ Ἅγιον Πνεῦμα + εὐχὴ Παύλω καὶ Μοῦσῇ + Им.п. + дата и подпись: Διόδωρος πρεσβ(ύτερος). Κύρος τεχνίτη[ς] из Дара Киты (418 г.); [εἰς] θεός καὶ ὁ Χριστός αὐτοῦ καὶ Ἅγ[ιον] Πνεῦματι βοηθήσε<ι> + В.п. из Бакирхи (без даты) [Jalabert, Mouterde 1939: 535, 567].

Библиография

- ЕВДОКИМОВА А.А. Формулы в погребальных византийских надписях Малой Азии // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ» (Севастополь, 1–5 июня 2015 г.). Материалы научной конференции. – Севастополь, 2015. С. 42–43.
- ЕВДОКИМОВА А.А. Проклятия в византийских надписях. Малоазийские традиции и византийские граффити. // IV международная конференция по эллинистике памяти И.И. Ковалевой (Москва 25–27 апреля 2017 г.). Тезисы конференции. М., 2017. С. 63–68.
- ЕВДОКИМОВА А.А. Основные формулы византийских погребальных надписей Египта // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII международной научной конференции (Москва, 9–10 апреля 2020 г.) – М., 2020а (в печати).
- ЕВДОКИМОВА А.А. Формулы в византийских погребальных надписях в провинциях Палестина и Финикия. Сравнительный анализ (по данным РН17) // 2020б (в печати).
- AGNELLO S.L. *Silloge di iscrizioni palaeocristiane di Sicilia*. – Rome: 1953
- GRÉGOIRE H. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure*. – Paris, 1922. . Vol. I.
- GUARDUCCI M. *Epigrafica Graeca*. 4 vols. *Epigrafi sacre pagane e cristiane*. Rome, 1978.
- JALABERT L., MOUTERDE R. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. – Paris, 1929. Vol. I. *Commagène et Cyrhestique*.
- JALABERT L., MOUTERDE R. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. – Paris, 1939. Vol. II. *Chalcidique et Antiochène*.
- JALABERT L., MOUTERDE R. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. – Paris, 1950–1953. Vol. III, 1-2. *Région de l'Amanus. Antioche. Antiochène*. 2 vols.
- JALABERT L., MOUTERDE R., *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. – Paris 1955. Vol. IV. *Laodicée. Apamène*.
- JALABERT L., MOUTERDE R., *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. – Paris 1959 Vol. V. *Emesène*.
- LASSUS J. *Sanctuaires chrétiennes de Syrie*. – Paris, 1947
- MOYTERDE R., POIDEBARD A. *Le Limes de Chalcis*. – Paris, 1945. Vol. I. P. 183–221.
- TCHALENKO G. *Villages antiques de la Syrie du nord: Le Massif du Bélus a l'époque romaine*. – Paris, 1958, . Vol. III. P. 2–62

А.А. ЕВДОКИМОВА

Институт языкознания РАН
(Москва)

Е.Г. ТОЛМАЧЕВА

Центр палеоэтнологических исследований
(Москва)

**К ВОПРОСУ О НАДПИСЯХ НА
ПОЗДНЕАНТИЧНОМ-РАННЕИСЛАМСКОМ ТЕКСТИЛЕ:
ОТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИЗДЕЛИЯ К ТЕКСТУ
(предварительные замечания)**

Ткани, происходящие из многочисленных египетских некрополей позднеантичного-раннеисламского времени, служат важным источником, на основании которого можно судить о различных сферах жизнедеятельности не только египетского, но и всего Восточно-Средиземноморского мира. Большой интерес представляют надписи на тканях, которые встречаются не так часто, но содержат важнейшие данные, позволяющие уточнить назначение анализируемой ткани, сузить спектр ее функционального назначения, а также в некоторых случаях, по особенностям орфографии и палеографии, датировать и локализовать.

В настоящей работе мы попытаемся коснуться некоторых проблем реконструкции вытканых на одеждах надписей и проследить взаимосвязь реконструкции изделия с реконструкциями текстов. В качестве примера мы рассмотрим надпись на фрагментах туники, происходящих из отвалов раскопок Высшего совета по древностям Арабской Республики Египет на памятнике Дейр аль-Банат (Фаюм, 1980-е гг.). Эти объекты были собраны в ходе археологического сезона 2009 г., проводившегося на памятнике Центром египтологических исследований РАН¹.

¹ Настоящие материалы к докладу являются предварительными и представляют собой одну из возможных интерпретаций этой находки.

Предметом настоящей работы являются несколько фрагментов тканей с гобеленовыми вставками. Все они были найдены в одном месте и, вероятно, некогда являлись фрагментом одного изделия, который частично истлел и распался на отдельные части уже после обнаружения в 80-х гг. XX в. Из нескольких разрозненных фрагментов обращают на себя внимание большой кусок передней части льняной туники с полосой-клавом, выполненным в гобеленовой технике (Рис. 1,1), и три фрагмента гобеленовой полосы-вставки с надписью (Рис. 1,2). Базовая ткань передней части туники была собрана из нескольких фрагментов (общий размер объекта после реставрации 15×38 см). Три фрагмента гобеленовой вставки по всем технологическим параметрам относятся к одной и той же полосе. Расположение двух из них (фрагмент 1 и фрагмент 2) не вызывает сомнений, однако фрагмент 3 может как непосредственно примыкать к фрагменту 2 (этот вариант представлен на реконструкции на Рис. 1,2), так и отстоять от него на 1 или несколько раппортов декора².

Прежде чем перейти к реконструкции возможного места расположения гобеленовой полосы-вставки, необходимо обратить внимание на технологические характеристики объекта. Базовая льняная ткань полотняного переплетения, нити типичной для Египта S-крутки, все остальные характеристики не отклоняются от египетского стандарта. Интерес представляют гобеленовые вставки – и красная, и темно-синяя шерстяные нити имеют крутку Z, указывающую на неегипетское происхождение нитей [Overlaet 1999: 123]. Также следует обратить внимание на то, что гобеленовые вставки были пришиты к базовой ткани (льняная основа вставки имеет крутку S₂Z). Подобная традиция вошла практику с VI–VII вв., когда набор гобеленовых вставок стало возможно приобрести отдельно и пришить к стандартной тунике. Однако, вполне вероятно, эти вставки были спороты с какого-то другого изделия и впоследствии нашиты на льняную тунику.

Основной мотив декора гобеленовой вставки – ромбовидную сетку, образованную, в данном случае, комбинациями крестов разной формы, большинство исследователей склонно относить к одному из наиболее характерных проявлений восточного (персидского) влияния в позднеантичном искусстве [Dunbabin 1999: 176–193]. К сожалению, декор данной туники не имеет прямых аналогий: некоторое сходство технологических параметров (Z-крутка

² Этот вариант реконструкции менее вероятен, требует дополнительного изучения и будет рассмотрен нами в полной версии настоящей публикации.

шерсти, S₂Z-крутка льняной основы) и системы оформления декора фиксируется с предметами костюма, найденными в Египте на некрополе Антиноя [Calament, Durand 2013: nr. 109, 288–299]. Одежды, происходящие из погребений этого некрополя, имеют либо персидское (и шире, переднеазиатское происхождение), либо могли быть произведены в египетских мастерских под персидским (сасанидским) контролем.

В силу фрагментарности находки функциональное назначение полосы-вставки невозможно определить с высокой долей вероятности. Первоначальной рабочей гипотезой была принадлежность полосы к клаву туники, однако полоса с надписью уже полосы клава, имеет четко определенные 3 края (следы подшивки по всем трем сторонам)³. На наш взгляд, эта полоса может являться фрагментом украшения рукава туники (Рис. 2,1-2), однако нельзя исключить и других предположений, поскольку обычные полосы-украшения рукава немного шире. Возможно, гобеленовые полосы были нашиты не на взрослую тунику (как представлено на реконструкции), а на тунику ребенка (этот вариант маловероятен из-за ряда конструктивных и технологических деталей, но возможен). Мы располагаем внушительным списком pro et contra с вариантами различных реконструкций, каждый из которых требует отдельного рассмотрения. Здесь мы представляем один из возможных и наиболее статистически вероятных вариантов (Рис. 2,2).

Надпись выполнена маюскулом; до нас дошли лишь три ее фрагмента. В данной статье рассмотрим лишь один из вариантов реконструкции надписи, когда фрагменты 2 и 3 идут стык в стык (Рис. 1,3).

Поскольку на пробелы приходится три нити, а на буквы в среднем – шесть-семь, с учетом предполагаемого числа нитей в соединениях фрагментов выходит следующее:

ΥΗ ΕΝ[одна буква на семь нитей]ΥΕΣ[одна узкая буква на одну-две нити] ΦΩ[две буквы по семь нитей] ΧΡΙΣ(ΤΟΥ).

В итоге, получаем предполагаемую реконструкцию текста:

ΥΗ ΕΝ[Δ]ΥΕΣ[Θ?] ΦΩ[ΤΑ] ΧΡΙΣ(ΤΟΥ).

Данная реконструкция, может быть понята двумя способами:

1) υἱοὶ ἐν[δ]ύεσ[θ(αι)] φω[τά] Χρισ(του) – *Сыны облакаются в светлы Христа.*

2) υἱέ ἐν[δ]ύε[ι]ς φω[τά] Χρισ(του) – *Сыне, одеваешь светлы Христа.*

³ Четвертая сторона не сохранилась.

Орфография: в зависимости от интерпретации либо η на месте ϵ или на месте \omicron . И та и другая замена встречаются в надписях разного времени, первая чаще на территории Малой Азии, вторая в разных регионах. Если мы предполагаем окончание глагола как во втором варианте, то в тех же регионах, где происходит замена ϵ на η , встречается замена $\epsilon\iota$ на ϵ ; либо мы считаем это формой имперфекта, в которой был опущен аугмент.

Палеография: надпись маюскулом; *эпсилон* (ϵ) и *сигма* (ς) – лунарные; обе *ипсилон* (ν) – треугольные; предполагаемые *альфа* и *дельта*, скорее всего, имели такую же форму (α – Δ).

Аналогии и контекст: этот текст отсылает нас к фрагменту из произведения Марцелла Теолога «О воплощении и против Ариан» (Marcellus Theol De incarnatione et contra Arianos 1009.41-1012.2, цитата по базе TLG): Ὅσοι γὰρ Πνεῦμα Θεοῦ φοροῦσι, φῶς φοροῦσι·καὶ οἱ φοροῦντες φῶς Χριστὸν εἰσὶν ἐνδεδυμένοι·καὶ οἱ ἐνδεδυμένοι Χριστὸν Πατέρα ἐνδέδυνται. Δεῖ γὰρ τὸ φθαρτὸν τοῦτο ἐνδύσασθαι ἀφθαρσίαν, καὶ τὸ θνητὸν τοῦτο ἐνδύσασθαι ἀθανασίαν. Οἱ γὰρ φοροῦντες τὸ Πνεῦμα τοῦ Θεοῦ ἀφθαρσίαν φοροῦσιν ἀφθαρσία δέ ἐστιν ὁ Θεός – *Ибо те, кто носят Дух Бога, носят свет и несущие свет облеклись в Христа, а облекшиеся в Христа облеклись в Отца. Ибо необходимо, что это преходящее облеклось в бессмертие, и это смертное облеклось в бессмертие. Ибо несущие Дух Бога несут бессмертие, ведь бессмертие и есть Бог.*

Чаще всего в надписях встречается выражение $\Phi\Omega\Xi$ ΧΡΙΣΤΟΥ ΦΑΙΝΕΙ ΠΑΣΙΝ, которое появляется в них как в полном варианте, так и в сокращении в форме криптограммы $\Phi\chi\Phi\Pi$ – $\Phi(\acute{\omega}\varsigma)$ Χ(ριστοῦ) φ(αίνει) π(ᾶσιν) – *Свет Христа освещает (просвещает) всех.*

Цитата без дополнений (по корпусу РН17) из Скифополиса (IV–V вв.); Офела (V в.); Истрии (без даты); Кх Эс-Самра (VI в.); Иерусалима (V в., трижды – V–VI вв.); Каппадокии Корама (середина XI в.); Соджангли (1006–1021 гг.); с дополнениями про $\lambda\upsilon\chi\upsilon\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ из Иерусалима (VI в., дважды – V–VI вв.); с уточнением принадлежности их к Богородице из Иерусалима (VI в.). В погребальных надписях из Кизика (992–1092 гг.); Иерусалима (VI в.); Халкидона (без даты); в сочетании с молитвами – из Парфенона (без даты); Родоса (без даты); Афин (без даты); с посвятельными формулами – из Трапезунда (914 г.) и Константинополя (1446–1459 гг.). Другие примеры употребления лексемы $\phi\omega\varsigma$: в Египте дважды встречается в недатированных текстах

фрагмент из символа веры: φως εκ φωτος. В более распространенном варианте: φῶς ἐκ φωτός, θεός ἀληθινός εκ θεοῦ ἀληθινοῦ в надписи из Истмоса (527/548–565 г.). И еще один распространенный контекст, представленный в недатированной надписи из Хеброна: στ ἐγὼ εἶμι τὸ φῶς καὶ ἡ ζωή, κ(αὶ) ἄλ[φα καὶ Ω]. В более кратком варианте встречается также в недатированных надписях из Афродисия и Теноса. Как мы видим из этих примеров, большая часть надписей приходится на V–VI вв.

В двух надписях из Том (V–VI в.) и Эфеса (без даты) встречается цитата из 131 псалма (строки 15–16): τοὺς πτωχοὺς ἀ]υτῆς χορ[τάσω ἄρτων, το]ῦς ἱερεῖς αὐτῆς ἐνδύσω [σωτη]ρίαν – *нищия его насыщу хлебы и священники его облеку во спасение*. В трех надписях: из Сидона (691 г.), Константинополя (без даты) и неизвестного происхождения (XII в.) встречается выражение ἐνδύεις ἀφθαρσίαν, также отсылающее нас к указанному выше тексту Марцелла.

В литургических текстах мы встречаем выражение Υἱοὶ δὲ φωτός, в том числе в первом плагальном Богородичном гласе (в конце утрени, глас 5 в славянской нумерации): Ὁ ἐκ Παρθένου ἀνατείλας, τῷ Κόσμῳ Χριστέ ὁ Θεός, υἱοὺς φωτός δι' αὐτῆς ἀναδείξας, ἐλέησον ἡμᾶς – *От Девы возсиявший миру, Христе Боже, сыны света Тобою показавый, помилуй нас*.

Все приведенные контексты показывают, что предлагаемая нами реконструкция находится в традиции текстов того времени, хотя и не имеет прямых аналогий.

На основании анализа технологических приемов ткачества, системы декора и данных эпиграфики мы можем утверждать, что перед нами уникальный объект, вероятно, персидского (персидско-египетского) происхождения, который можно предварительно датировать V–VII вв. Нам представляется наиболее предпочтительной версия связи гобеленовых вставок с надписью с ткацкими мастерскими столичного египетского центра Антиной — региона, откуда пошло в Египте распространение персидской традиции. Наличие на ткани надписи на греческом языке (большинство известных нам надписей на текстиле было выполнено на коптском) может быть объяснено столичным происхождением возможного владельца, его принадлежностью к кругу образованной элиты (на что также указывает и высокое качество исполнения гобеленовых вставок).

Библиография

OVERLAET B. Dating and iconographical commentary Sassanian and post Sassanian tapestries. // *Ancient tapestries of the R. Pfister collection in the Vatican Library* / eds. Jonghe (de) D., Daemen S., Rassart-Debergh M., Moor (de) A., Overlaet B. – Vatican 1999. P. 121–177.

DUNBABIN K. *Mosaics of the Greek and Roman World*. – Cambridge, 1999.

CALAMENT F., DURAND M. *Antinoë à la vie, à la mode. Visions d'élégance dans les solitudes*. – Lyon, 2013.

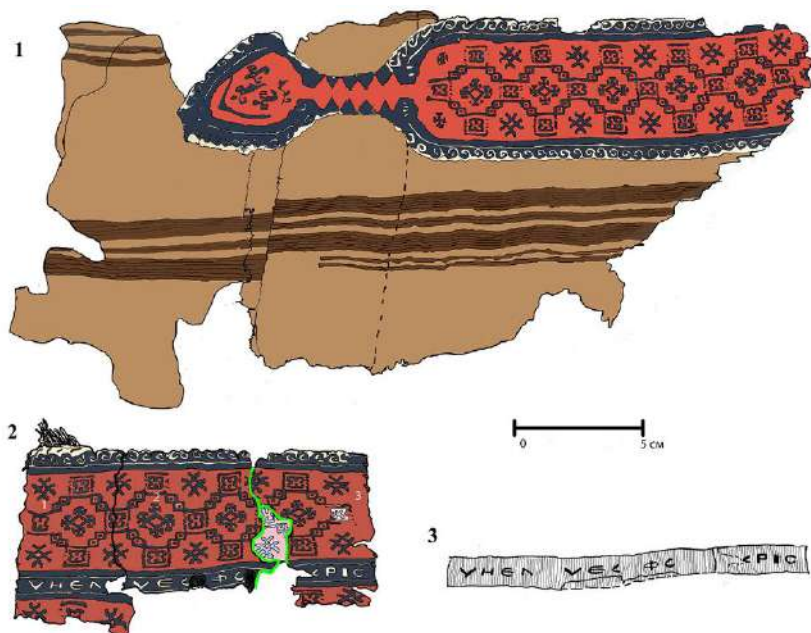

Рис. 1. Фрагменты туники с гобеленовыми вставками из Дейр аль-Банат:

- 1 – фрагмент переда туники с клавом и складкой по талии;
- 2 – полоса-вставка из трех фрагментов (зеленой линией обозначена граница между фрагментами 2 и 3);
- 3 – прорисовка надписи с обозначением нитей утка (прорисовки Е.Г. Толмачевой).

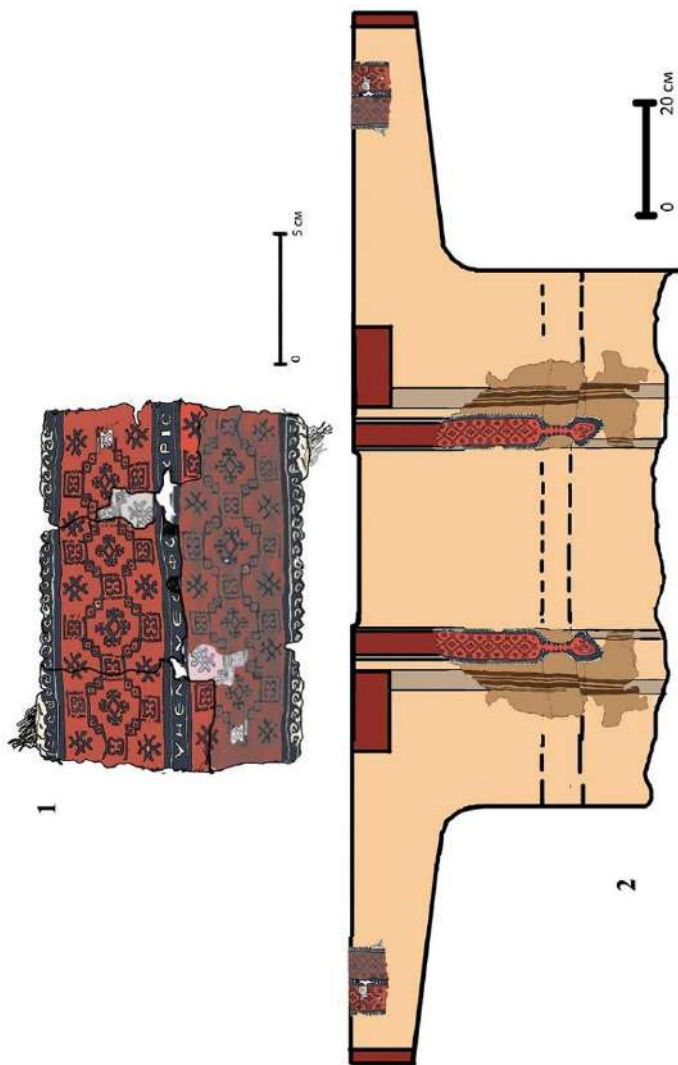

Рис. 2. Реконструкция туники из Дейр аль-Банат:
1 – реконструкция полосы-украшения рукава туники; 2 – реконструкция общего вида туники
(автор реконструкций Е.Г. Толмачева).

И.А. ЗАВАДСКАЯ

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

М.А. КУЛЬКОВА

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург)

Т.Н. СМЕКАЛОВА

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕРЕПИЦЫ ИЗ ЭСКИ-КЕРМЕНА И ИЛЬКИ-2**

Керамическая черепица является одной из самых массовых категорий археологических находок для многих средневековых городищ Юго-Западного Крыма. Однако до сих пор не существует ее общей классификации. Отдельные классификации на основании визуально распознаваемых признаков разработаны лишь для некоторых памятников (Херсонес, Мангуп, Эски-Кермен). Однако из-за субъективности в описании основных характеристик их корреляция весьма затруднена. Проверить многие выводы и предположения относительно систематизации строительной керамики определенных памятников, а также сопоставить керамические образцы из разных мест дают возможность естественнонаучные методы, в частности, петрографический анализ.

Большие перспективы в изучении средневековой строительной керамики Горного Крыма появились в связи с открытием и точной локализацией с помощью магнитной съемки нескольких производственных центров по изготовлению черепицы в Адым-Чокракской долине, к югу от Мангупского городища в 2010–2013 гг. [Моисеев 2012; Науменко и др. 2012; Науменко 2014; Смекалова 2017: 150–160; Смекалова, Яцишина 2018: 496–499]. В слое разрушения, а также в конструкции одной из раскопанных печей (№ 3) на территории центра Илька-2 были обнаружены фрагменты черепиц и черепичный брак. Полные результаты этих исследований пока не опубликованы¹. Среди материалов из этой печи были обломки черепиц, визуально аналогичных керамидам групп Ia и Ib по эски-керменской классификации. Керамиды группы Ia составляют самую многочисленную часть из всего комплекса строительной керамики, полученной при раскопках квартала 1 средневекового города на плато Эски-Кермен, которые проводились с 2003 по 2018 гг. под руководством А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой. По морфологическим и видимым технологическим (структура и качество черепка) признакам керамиды этой группы очень похожи, что и дало основание для вывода об их производстве в одной мастерской [см. Завадская 2008; и др.]. Сходство керамид группы Ia из Эски-Кермена и черепиц из Ильки-2 позволило сделать предположение об их общем происхождении и возможном производстве в этом центре [Завадская 2017: 160, 161, 184].

Для проверки сделанных ранее выводов и предположений были проведены микроморфометрические исследования восьми фрагментов черепицы из Эски-Кермена и Ильки-2. Пришлифованные образцы изучались с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое исследование выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica (65,7 раз).

В числе изученных были 5 фрагментов керамид группы Ia: 2 – из раскопок квартала 1 Эски-Кермена, 2 – из слоя разрушения печи № 3 Ильки-2 и 1 – из подъемного материала Ильки-2, а также по одному фрагменту от керамид групп Ib из эски-керменского квартала 1 и из слоя разрушения печи № 3 Ильки-2. Большинство (4 из 5) фрагментов группы Ia принадлежали керамидам, изготовленным из карбонат-сметитовых глин

¹ Выражаем глубокую признательность руководителю раскопок В.Е. Науменко за возможность ознакомиться с отчетами и коллекцией черепицы из Ильки-2, за очень ценные устные сведения о данном памятнике, а также за образцы черепиц, предоставленные для исследований.

с практически идентичным набором кластического (обломочного) материала (рудные минералы, карбонаты, кремний, глинистые пеллиты и гематит). Лишь один фрагмент из Ильки-2 состоял из карбонатгидрослюдистой глины, а в состав кластического материала входили также кварц и полевой шпат. В качестве отощителя в трех образцах присутствовал мелкозернистый песок, в одном (из Ильки-2) – биогенные карбонаты, в одном образце (из Эски-Кермена) отощитель не обнаружен. Следует отметить, что два образца (по одному из Эски-Кермена и Ильки-2) обнаружили абсолютно полное сходство по всем параметрам. Остальные образцы также очень похожи на них и между собой. Некоторые отличия в составе кластического материала и отощителей не являются критическими. Они достаточно легко объяснимы, если учитывать сравнительно небольшой размер исследуемых образцов и недостаточно равномерную промешанность глиняного теста черепиц. Но, безусловно, для уточнения этих параметров необходимы дополнительные исследования.

Образцы керамид группы Ib (по одному из Эски-Кермена и Ильки-2) по своему составу оказались совершенно идентичными. Они были изготовлены из смектитовых железненных глин с одинаковым составом кластического материала. Отощителем в них был такой же мелкозернистый песок, как и в нескольких образцах керамид группы Ia.

Таким образом, петрографические исследования демонстрируют сходство фрагментов разных керамид, отнесенных к одной группе: Ia и Ib. Идентичность состава черепиц, происходящих из Эски-Кермена и Ильки-2, на данном этапе исследований позволяют предполагать их общее происхождение.

Библиография

- ЗАВАДСКАЯ И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 291–315.
- ЗАВАДСКАЯ И.А. Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 158–184.
- МОИСЕЕВ Д.А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. – Бахчисарай, 2012. С. 46–48.

НАУМЕНКО В.Е., МОИСЕЕВ Д.А., СМЕКАЛОВА Т.Н., ЧУДИН А.В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы». Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2012. С. 52–54.

НАУМЕНКО В.Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. Том III. С. 302–307.

СМЕКАЛОВА Т.Н., ЯЦИШИНА Е.Б. Магнитометрические исследования керамических обжигательных печей раннесредневековой Таврики. Новые результаты // Кристаллография. – 2018. № 3. С. 491–501.

СМЕКАЛОВА Т.Н. Керамические обжигательные печи и трансферт технологий в раннесредневековой Таврике по данным естественнонаучных исследований // Stratum Plus. – Кишинев; СПб.; Одесса; Бухарест, 2017. № 5. С. 143–162.

А.В. ИВАНОВ

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**ФОТОМАТЕРИАЛЫ
СЕРЕДИНЫ XIX – ПЕРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ
АНСАМБЛЯ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО:
опыт составления свода**

В 2006 г. для очередного выпуска совместного отчета об археологических исследованиях крепости Чембало автором была подготовлена публикация «Материалы для реконструкции донжона генуэзской крепости Чембало», в основу которого были положены собранные графические и фотоматериалы [Иванов 2006: 58–76]. В дальнейшем опубликованные данные были использованы при подготовке проекта реставрации памятника, к сожалению, в полной мере не реализованного до настоящего времени.

Исходя из полученного опыта, представилось небесполезным проанализировать имеющийся в распоряжении автора достаточно представительный массив (ок. 250 ед.) исторических фотоматериалов, где присутствуют крепостные сооружения Чембало и выделить среди них представляющие интерес для дальнейшего исследования памятника и реконструкции элементов крепостного ансамбля, в том числе и утраченных или сильно руинированных к настоящему времени.

С середины XIX в. Балаклава как живописное поселение с богатым историческим прошлым, развивающийся курортный центр, неизменно пользовалась вниманием фотографов. Большинство их работ представляют общие виды города и Балаклавской бухты, где руины Чембало присутствуют в качестве неотъемлемой части пейзажа (разновременных вариантов таких только в коллекции автора около 30 фото). Информативность снимков такого рода относительно невелика,

однако и в их числе встречаются образцы, выделяющиеся хорошей проработкой деталей, несущие объективную информацию о состоянии крепостного ансамбля в целом на протяжении нескольких десятилетий (Рис. 1).

Наиболее ранние снимки памятника восходят к периоду Крымской кампании 1854–1856 гг. и связаны с работавшими здесь фотографами, сопровождавшими британские войска. В последние годы деятельность пионеров фотографии основательно освещена иностранными и отечественными исследователями. При этом следует отметить, что собственно крепость, практически не привлекала их внимания как самостоятельный объект съемки. Непосредственно крепостным сооружениям посвящен единственный снимок внутреннего пространства цитадели и донжона крепости, вероятно, авторства Дж. Робертсона, некогда принадлежавший неизвестному художнику-документалисту В. Симпсону¹. Безусловный интерес представляют два снимка авторства упоминавшегося Дж. Робертсона и Р. Фэнтон², композиция которых построена вокруг угловой крепостной башни, известной как башня консула Грилло 1463 г.

Помимо собственно башни с барбаканом и воротным проездом на снимках четко просматривается внешняя северо-восточная линия оборонительных стен крепости, проходящая по склону над акваторией бухты, в настоящее время изрядно разрушенная и искаженная позднейшими надстройками. Сохранность башен оборонительной линии и построек «верхнего города» с консульским замком значительно отличается от их современного состояния и позволяет сделать важные наблюдения о планировочных и конструктивных особенностях сооружений. Вместе с указанными снимками следует отметить работу Дж. Лефевра³, центральным объектом коего стал HMS. «Leander» на стоянке при восточном входном мысу (м. Георгия) Балаклавской бухты (Рис. 2). Помимо корабля, снимок зафиксировал комплекс верхнего города и консульского замка, частично сооружения северо-западной оборонительной линии, основание угловой башни и находившегося несколько ниже нее маяка, известные по картографическим материалам

¹ Robertson, James. Balaklava. Victoria and Albert Museum, London. Prints & Drawings Study Room, level H, case 93, shelf H, box 1 PH.541-1900.

² Fenton, Roger. Balaklava. Victoria and Albert Museum, London Prints & Drawings Study Room, level H, case Delta, shelf 4 64850; James Robertson, Genoese Castle, Balaklava, 1855–1856. RCIN 2500732.

³ Lefevre, George. The "Leander" at the entrance of Balaklava Harbour. Sep. 1855. RCIN 2500794.

и описаниям первой половины XIX в. [Аркас 1848: 265; Уваров 1851: LXXXIX], но к настоящему времени практически полностью разрушенные.

Вторая половина XIX в. отмечена значительным количеством фотоматериалов различной степени информативности, выполненных, в основном, профессиональными фотографами, как русского, так и иностранного подданства. Однако сколь-нибудь подробно их рассмотреть в рамках настоящей публикации не представляется возможным (Рис. 3). С середины 1890-х гг. наблюдается резкое увеличение объемов материала и сюжетов, связанных с появлением почтовых карточек с репродукциями местных достопримечательностей (Рис. 4). Примечательно, что именно пейзажные открытки отражают появление в 1900–1910 гг. на территории памятника элементов благоустройства, призванных сделать его посещение более комфортным в условиях развивающегося курорта. Учитывая особенности полиграфии, наиболее информативными и ценными в историческом плане, представляются репродукции снимков, в наименьшей мере подвергшиеся ретуши и раскраске, в особенности, выполненные кустарным методом контактной печати непосредственно с фотопластинок.

К концу XIX в. вместе с появлением портативных фотокамер получает распространение любительская фотография. Фотографы-любители проявляют большую гибкость в выборе сюжетов съемки; в их объектив зачастую попадают объекты мало популярные у профессионалов. В нашем распоряжении имеется значительное число любительских снимков (около 30 фото) конца XIX в. – 30-х гг. XX в., зачастую уникальных по сюжету съемки и информативности (Рис. 5, 6).

В качестве первого опыта фотографии объектов Чембало в интересах исследования памятника следует отметить серию снимков, выполненных по инициативе Н.И. Репникова в 1907 г. Ему же принадлежит первая публикация фотоматериалов по памятнику на страницах научного издания (ЗООИД). В дальнейшем, систематическая фотофиксация объектов крепости связана с изысканиями ГАИМК, проводившимися в Балаклаве в середине 1920-х–1930-х гг. По неясным причинам эти работы долгое время не вызвали интереса у позднейших исследователей памятника, соответственно, и имеющиеся фотоматериалы, за исключением упоминавшейся публикации автора касательно донжона Чембало, до настоящего времени в научный оборот так и не введены.

Местонахождение негативов и подлинников фотографий, к сожалению, не удалось выяснить, и в нашем распоряжении имеются лишь их копии.

Исходя из материалов архива Е.В. Веймарна⁴, указанные фотоматериалы некогда находились в архиве ИИМК в Санкт-Петербурге, объединенные в альбомы № 0-114 и № 0-207; однако в современной описи таковые отсутствуют. Помимо собственно фотофиксации объектов Чембало, альбомы содержали разновременные иллюстративные материалы, объединенные балаклавской тематикой. Более ранние фотоматериалы представлены рядом снимков 1907 г., выполненных по инициативе Н.И. Репникова (аннотировано 2 – вид консульского замка с запада, и участок северо-восточной оборонительной линии, но, вероятно, их больше).

Серия из семи снимков, датированных 1925 г.: общие виды памятника (3), башни и стены северо-восточной оборонительной линии (1), виды цитадели и донжона (3), имеет пометку «Н.В. Измайлова» (Рис. 7), научная деятельность которой была связана с Крымом в 1923–1926 гг. Сферой ее интересов было изучение мозаик Херсонеса, однако аннотации снимков Чембало прямо указывают на ее определенную причастность к изучению и этого памятника.

Крымская экспедиция ГАИМК под руководством Ю.В. Готье вела исследования в Судаке в 1927–1929 гг. В 1929 г. в ее составе работал Чембальский отряд под руководством Н.Б. Бакланова, в его задачи входили обмеры, фотосъемка и сбор подъемного материала на памятнике [Археологические экспедиции... 1962: 21]. Фотофиксацией (36 аннотированных снимков) было охвачено значительное количество объектов – цитадель и донжон, включая сохранившиеся на то время конструктивные элементы и детали его интерьеров (6), консульский замок и окружающие его укрепления «верхнего города» (10), консульская церковь (2), внутрикрепостные постройки (3) укрепления северо-западной (4) и северо-восточной (11) оборонительных линий (Рис. 8, 9).

Подробностями о работах Крымской экспедиции ГАИМК на территории крепости в 1935 г. в настоящее время мы не располагаем. Однако соответствующие аннотации присутствуют на четырех снимках, причем на одном из них представлен раскоп, предположительно, на территории «верхнего города» (Рис. 10). Так что у нас есть основания полагать, что на снимке зафиксирован факт первых археологических раскопок на территории крепости.

Значительную часть подборки составляют снимки без аннотации и точной датировки (26), в их числе общие виды памятника (2), цитадель и донжон с разных ракурсов, включая рабочие моменты обмера объектов (16),

⁴ БГИКЗ // Архив Е.В. Веймарна. Материалы к археологической карте Крыма, папка 4, альбом 1.

консульский замок (2), башни северо-восточной линии (5) и некий неатрибутированный объект (1). Как отмечалось выше, часть снимков может принадлежать еще «съемке» Н.И. Репникова, но большинство относится к работам 1920–30-х гг.

В качестве иллюстраций отдельные снимки памятников Чембало, происходящие из архива ГАИМК, присутствуют в монографии Е.Ч. Скржинской [Skrzinska 1928: 213, 217, 221] и очерке Е.В. Веймарна [Веймарн 1929: 63–65]. Ряд фотографий объектов крепости, вероятно, также полученных через ГАИМК, использовал Л.А. Маджиоротти в монографии, посвященной генуэзской военной архитектуре [Maggiorotti 1933: 304–308].

Вполне информативными оказались отдельные снимки периода Великой Отечественной войны, отразившие состояние и разрушения памятника в ходе военных действий 1941–1944 гг.; в частности, постановочные снимки, выполненные на территории крепости весной 1942 г. военным фотокорреспондентом Н. Асиным.

Размещение в послевоенной Балаклаве многочисленных объектов военного характера и связанный с ними режимный статус населенного пункта фактически исключил возможность работы профессиональных фотографов и проведение дальнейших работ по фотофиксации археологических объектов. Изрядно сократился и объем любительских снимков. Тем не менее, выявлены весьма информативные материалы, отражающие и этот период, в частности, серия фотографий неизвестного авторства 1947 г., достаточно подробно зафиксировавшая состояние элементов ансамбля на северо-западном склоне г. Кастрон (Рис. 11).

С 1950-х гг. до начала планомерных исследований памятника в 1990-х гг. сохранность отдельных объектов ансамбля крепости Чембало существенных изменений уже не претерпевала.

Как отмечалось выше, анализ фотоматериалов как исторического источника дает богатый материал для уточнения информации об объектах крепости, особенно, с течением времени получивших существенные изменения их внешнего вида. В отдельных случаях это может позволить не только локализовать утраченные к настоящему времени элементы крепостного ансамбля, но и проследить относительную хронологию их разрушения. Показательным примером такого рода является сильно руинированный в настоящее время участок одной из стен укреплений верхнего города, обозначенный в фотоматериалах ГАИМК как «стенка с отверстием над морем» (Рис. 12–14).

Таким образом, систематизация фотоматериалов с видами крепости Чембало представляется не только возможной, но и определенно необходимой частью широкомасштабного исследовательского проекта, который, помимо фотоснимков, должен включать и свод живописных и графических работ, освещающих более ранний период истории памятника последней четверти XVIII – первой половины XIX вв., и комплекс картографических материалов.

Библиография

АРКАС З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. // ЗООИД. – Одесса, 1848. Т. II. С. 245–271.

Археологические экспедиции ГАИМК и Института Археологии АН СССР 1919–1956 гг. – М., 1962.

ВЕЙМАРН Е.В. Балаклава // Крым. – Симферополь, 1929. № 2 (10). С. 63–65.

ИВАНОВ А.В. Материалы к реконструкции донжона крепости Чембало // С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 г. – СПб.; Симферополь, 2006. С. 58–76.

УВАРОВ А.С. Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова. – СПб., 1851. Вып. 1.

MAGGIOROTTI L.A. L' Opera del genio italiano all' estero gli architetti militari. Architetti e architetture militari. – Roma, 1933. Vol. 1.

SKRZINSKA E. Inscriptions Latines des colonies genevoises en Crimée // ASLSP. – Genova, 1928.

Рис.1. Панорама г. Балаклава и крепости Чембало.
Почтовая карточка рубежа 1920-1930-х гг.,
выполненная контактным способом с негатива начала XX в.

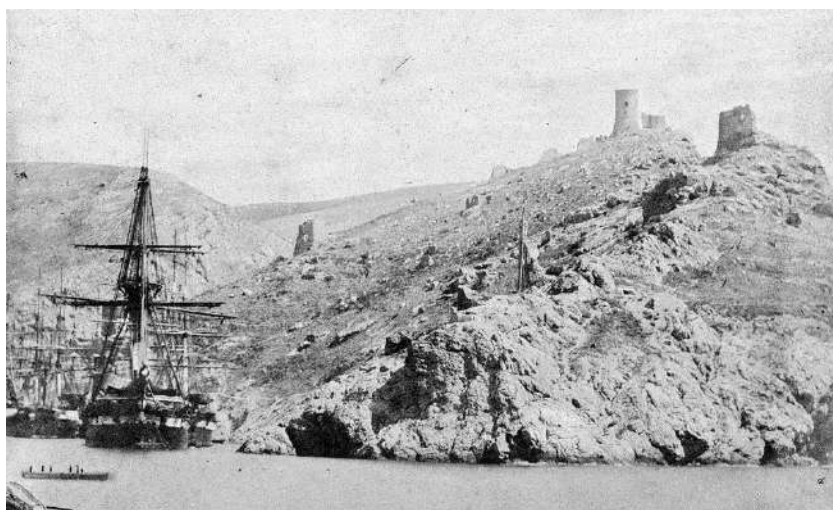

Рис. 2. Шлюп «Leander» у входа в Балаклавскую бухту.
Джон Лефевр, 1855 г.

Рис. 3. Вид с г. Кастрон на г. Балаклаву
и северо-западную часть крепости Чембало.
Неизвестный английский фотограф, 1869 г. RCIN 2700832.

Рис. 4. Вид на северо-восточную оборонительную линию крепости Чембало.
Открытка издательства М.Л. Роговского, около 1907 г.

Рис. 5. Вход в донжон цитадели крепости Чембало.
Любительский снимок 1896 г.

Рис. 6. Группа офицеров на руинах консульского замка. Фото 1910 г.

Рис. 7. «Круглая башня генуэзской крепости».
Фото экспедиции ГАИМК. 1925 г. («Н.В. Измайлова»).

Рис. 8. Вид на северо-западный склон г. Кастрон, консульский замок, укрепления верхнего города и северо-западной оборонительной линии крепости. Любительский снимок 1927 г.

Рис. 9. «Балаклава, развалины дома на скале в крепости». Фото экспедиции ГАИМК. 1929 г.

Рис. 10. Раскоп на территории крепости Чембало. «Деталь основания башен и построек». Фото Крымской экспедиция ГАИМК. 1935 г.

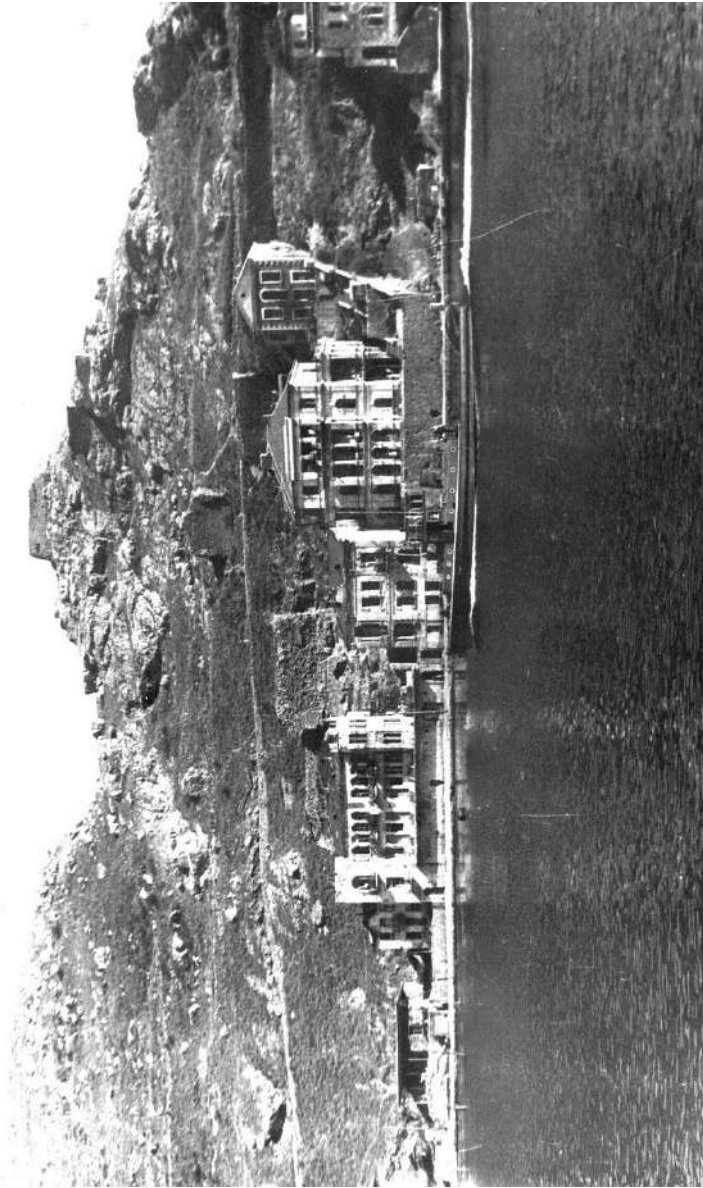

Рис. 11. Вид на укрепления верхнего города
и северо-западную оборонительную линию крепости Чембало. Фото 1947 г.

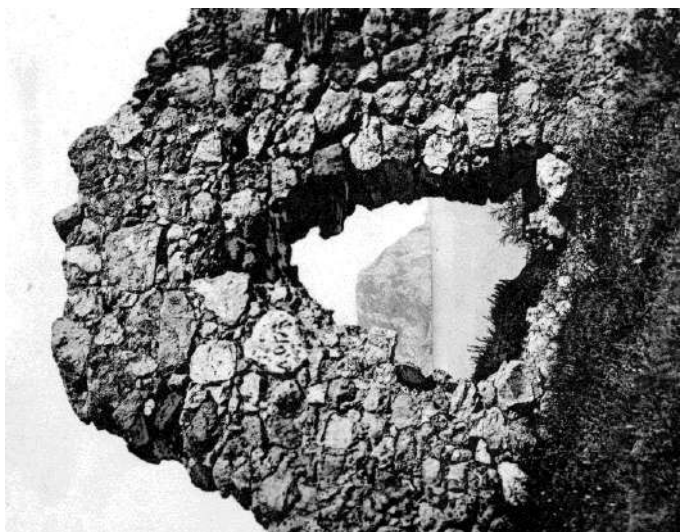
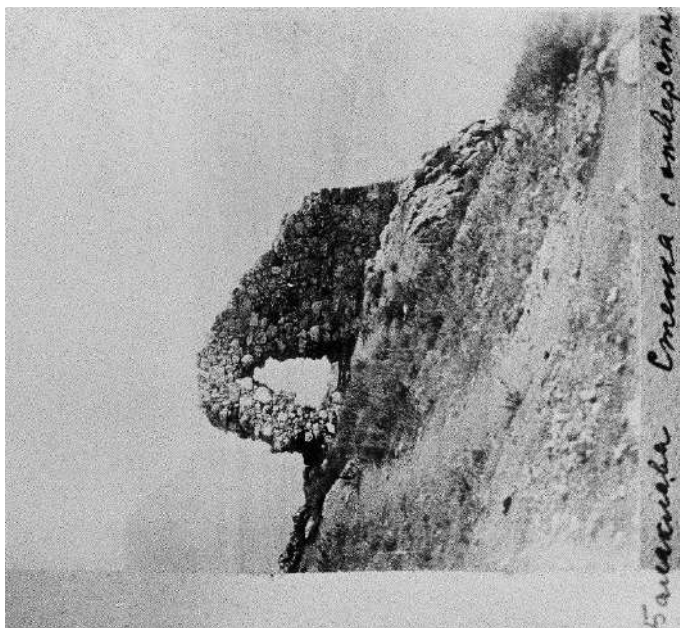

Рис. 12. «Стена с отверстием над морем» в крепости Чембало.

1 – почтовая карточка
издательства М.Л. Роговского. 1900-е гг.

2 – фото Балаклавского отряда
экспедиции ГАИМК, 1929 г.

Рис. 13. Локализация объекта «стена с отверстием над морем» на местности. Фото 1920-х гг.

Рис. 14. Сохранность объекта «стена с отверстием над морем» к концу 1930-х гг. Фото 1939 г.

С.А. ИВАНОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва)

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Проблема невербальной коммуникации изучается теперь гуманитарными науками весьма интенсивно, и не удивительно, что культурная интерпретация поцелуя занимает здесь важное место [Perella 1969; Carré 1990; Camille 1991; Frijhoff 1992]. Византистика здесь пока отстает. В отличие от латинского языка, где терминология поцелуев разработана досконально, в древнегреческом имелась некоторая размытость: глагол *κυνεῖν* (этимологически родственный германскому **kussjan*) действительно означал *χεῖλεσιν ἀσπάζεσθαι* «ласкать губами» [Heylbut 1887: 408], но он вышел из употребления уже к началу новой эры, так что в XII в. его нужно было объяснять [Eustathius 1826: 74]. При этом образованный от него приставочный *προσκυνεῖν*, от которого произошла знаменитая «проскинеза», вовсе не означал собственно поцелуя, а описывал в целом ритуал преклонения перед властителем. Основным же словом для целования служил в византийское время глагол *φιλεῖν*, который, однако, не терял при этом своего первого и главного значения «любить» [Hayduck 1901: 4]. Такая же двусмысленность имела место и с другими словами: *ἀσπασμός* мог быть «поцелуем», но мог и «приветствием», не предполагавшим телесного контакта: как, например, у архангела Гавриила с Богородицей; глагол *περιπτύσσω* мог означать «целовать», но мог и «обнимать» или просто «обхватывать». При этом очень трудно понять, чем одни слова отличались от других, ср. у Никифора Василяки: «Целуем (*καταφιλοῦμέν*) твои ноги, лобызаем (*κατασπάζόμεθα*)

глаза, обнимаем (περιπτυσσόμεθα) руки» [Basilaces 1984: 47]. У греков были слова для поцелуя (σκιμβασμός, μανδαλωτόν, στρεπτόν, γλωττίσματα, αντίσπαστον, γίγγλυμος, δρεπτόν, καθειστόν, καταγλυπτόν), но мы узнаем об их существовании лишь из толковых словарей, а при этом ни в каких византийских текстах они никогда не встречаются.

Можно не сомневаться, что эротический поцелуй, многократно описанный в византийских любовных романах, выглядел вполне узнаваемым для современного человека образом, однако нельзя сказать того же про поцелуй как социальную условность. Когда невербальная коммуникация нагружается ритуальными или даже богословскими смыслами. Ни о какой непосредственности чувства не может быть и речи. Так, Феофилак Охридский написал целый трактат на тему «По какой причине мы на великий пост целуем священника не в уста, но в плечо»: «Во время великопостных служб, получая от священника причастие, мы целуем его в плечо, несомненно, из-за чрезвычайного благоговения, которое запрещает нам целовать его по таким дням в уста. Ведь когда мы хотим благоговейно поцеловать императора, или какого-нибудь высочайшего чиновника, мы целуем их не в уста, а в одну из частей тела, избегая касаться уст, мы прижимаемся губами к плечу, которое занимает после головы второе место по благородству среди всех частей тела» [Theophylacte 1980: 335–343]. О том, как конкретно выглядел византийский публичный поцелуй, мы можем судить лишь в тех случаях, когда авторы, упоминая о нем, добавляют какие-то пояснения. Например, Климент Александрийский, описывая ритуал «агапы», подчеркивает, что поцелуй между христианами должен совершаться διὰ στόματος σώφρονος καὶ μεμυκότος «устами скромными и сомкнутыми» [Clement 1970: 158], а Прокопий в «Тайной истории» специально отмечает различие в том, как проходила проскинеза раньше, когда сенатор παρὰ μαζὸν προσεκύνει τὸν δεξιὸν – «припадал к правому сосцу» императора, и при Юстиниане с Феодорой, когда «все, оказавшись в их присутствии, тотчас подали перед ними ниц с распростертыми руками и ногами и поднимались не прежде, чем облобызают губами им обе ноги (τῶ χεῖλει ποδὸς ἐκατέρου ἀψάμενοι)» [Procopius 1963: 185].

В знак благоговейного подчинения низшие в Византии целовали высших в щеку, в голову (макушку? лоб?), в уста, в плечо, в грудь [Bonnet 1898: Acta Joannis VII], в колени, в стопы [Виноградов, Захарова,

Черноглазов 2018: 270; Choniates 1975: 252]. Согласно обряднику Константина Багрянородного, на Пасху все придворные целовали императора в ноги, руки и уста. Удивительным образом, и сами императоры лобызали подданных в уста, сравни у Продолжателя Феофана «прижавшись устами к устам (στόμα προσερείσας τῷ στόματι) [Theophanes Continuatus 1838: 83], в глаза [Sphrantzes 1966: гл. 31.9 (TLG)]. Друзья могли целовать друг друга в глаза [Ἐ βίος τοῦ ὁσίου Λουκᾶ 1989: 172; Life of St. Andrew 1995: 92, 120], ноги [Barsanuphe et Jean de Gaza 1997: Ep. 127.54] и т.д.

Вообще, византийская культура предстает из текстов весьма тактильной. Люди целуют друг друга постоянно и обильно: «Любящий сын после долгой разлуки целует отцу глаза и губы, и грудь, и голову, и десницу» [Theodoret 1954: 286]. Михаил Пселл обращается к умершей матери: «Какой из твоих членов мне облобызать первым? Я облобызаю (καταφιλήσω) твое сердце, обниму (περιπτύξομαι) твою грудь, охвачу (катаσπάσομαι) твою голову, прижмусь устами (προσαρμόσω τὰ χεῖλη) к устам» [Psello 1989: 139]. У Вриенния один полководец так выражает свое расположение к другому: «Докиан встал, преисполненный радостью, и, обняв знаменитого Алексея, целовал его в уста, щеки и прекрасные глаза» [Briennyos 1975: 197]. Патриарх Герман II обещает пастве «облобызать очи и руки и ноги каждого из вас» [Lagopates 1913: 237] и т.д.

Рядом с этой вакханалией поцелуев в письменных источниках ярким контрастом выглядит их отсутствие в источниках изобразительных. Выше уже цитировались подробные описания «проскинесиса» – однако ни одно из сохранившихся его изображений не включает в себя поцелуй [Spatharakis 1974].

При описании сцены Иудина Поцелуя, Николай Месарит восклицает, что Христос «дал поцеловать себя в щеку (φιλήθηναί τὴν παρεῖάν) своему ненавистнику, вытянул губы для лобызания ἐκτείνει τὰ χεῖλη πρὸς ἀπασμὸν тому, кто своими губами его предал» [Downey 1957: 909]. А между тем, ни на одном из византийских изображений Иуда не целует Христа, а лишь прижимается к нему щекой (ср. мозаику Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне или фреску в Дафни). Пожалуй, лишь на сицилийской мозаике в Монреале это прижимание щекой можно с некоторой натяжкой трактовать как поцелуй, но уж во всяком случае не такой, каким его описал Месарит.

Из византийских текстов можно понять, что целование детей не только в щеки, но и в губы было нормальным явлением [Filagato 1969: 39]. Богородица у Семеона Метафраста говорит Христу: «Я погружала свои

уста в твои уста, сладкие как мед и нежные как роса» [Metaphrastes 1903: 216]. Псевдо-Кесарий пишет о Младенце, «лобзаемом поцелуями богоносной Девы (φιλήματι τῆς θεοφόρου νεανίδος ἀσπασάμενος)» [Pseudo-Kaisarios 1989: cap. 196.15 (TLG)], а Феофан Никейский восклицает: «И приятны ей и его младенческая улыбка, и поцелуи его уст, запечатленные на ее девственных материнских губах (καὶ τὰ ἀπὸ φιλήματων στόματος αὐτοῦ πρὸς τὰ παρθενικά τε καὶ μητρικά χεῖλη φιλήματα προσφιλή)» [Theophanes 1935: 162]. При этом ни на одной из известных мне икон, фресок или мозаик, запечатлевших Богоматерь с младенцем на руках, они друг друга не целуют! Также отсутствуют поцелуи в сценах встречи Марии и Елизаветы, Петра и Павла, Григория Назианзина и Василия Великого и т.д. Когда О.Е. Этинггоф пишет, что «мотив лобзания, по-видимому, относительно широко распространен в иконографии» [Этинггоф 2000: 97, прим. 82], она, по всей видимости, трактует это понятие весьма широко. Пожалуй, лишь в иконографии Оплакивания Христа иногда можно хоть в какой-то мере заподозрить поцелуй [Maguire 1977: ill. 77. 78]. Я ни в коем случае не искусствовед и не берусь судить, вовсе ли поцелуи в собственном смысле слова отсутствуют в византийском искусстве, но что их, во всяком случае, несопоставимо меньше, чем в византийских текстах, представляется мне несомненным. Почему так? Это вопрос, который уместно было бы поставить.

Библиография

- ВИНОГРАДОВ А., ЗАХАРОВА А., ЧЕРНОГЛАЗОВ Д. Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. – СПб, 2018.
- ЭТИНГОФ О.Е. Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII веков. – М., 2000.
- Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance / ed. F. Neyt, P. de Angelis-Noah. – Paris, 1997.
- BONNET M. Acta apostolorum apocrypha. – Leipzig, 1898. T. 2.1.
- Bryennios, Nicéphore. Histoire / ed. P. Gautier. – Brussels, 1975.
- CAMILLE M. Gothic Signs and the Surplus: The Kiss on the Cathedral // Contexts: Style and Values in Medieval Art and Literature / ed. D. Poinion and N. Freeman Regalado, Yale French Studies Special Edition. – New Haven, 1991. P. 151–170.
- CARRÉ Y. Le baiser sur la bouche au Moyen age: histoire, pratiques et symbolique du baiser, du XIe au XVe siècle, à travers les documents écrits et l’iconographie. – These doct. 1990.
- Clément d’Alexandrie. Le pedagogue / ed. M. Harl, H.-I. Marrou, C. Matray, C. Mondésert. – Paris, 1970.
- DOWNNEY G. Nikolaos Mesarites: Description of the Church of the Holy Apostles at Constantinople // Transactions of the American Philosophical Society N.S. – 1957. Vol. 47. P. 897–918.
- Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Odysseam / ed. G. Stallbaum. – Leipzig, 1826. T. 2.
- Filagato da Cerami Omelie per I vangeli e le feste di tutto l’anno / ed. G. Rossi. – Palermo, 1969.
- FRIJHOFF W. The Kiss Sacred and Profane: Reflections on a Cross-Cultural Confrontation // A Cultural History of Gesture / ed. J. Bremmer and H. Roodenburg. – Ithaca, 1992. P. 210–236
- HAYDUCK M. Michaelis Ephesii in librum quantum Nicomacheorum commentarium [Commentaria in Aristotelem Graeca 22.3]. – Berlin, 1901.
- HEYLBUT H. Ptolemaeus Περὶ διαφορᾶς λέξεων // Hermes. – 1887. T. 22. P. 388–410.
- LAGOPATES S.N. Γερμανὸς ὁ Β΄ Πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως–Νικαίας (1222–1240) Βίος συγγράμματα καὶ διδασκαλίας αὐτοῦ. – Athens, 1913.
- The Life of St. Andrew the Fool / ed. L. Rydén. – Uppsala, 1995. Vol. II.
- MAGUIRE H. The Depiction of Sorrow in Middle Byzantine Art // DOP. – Washington, 1977. Vol. 31. P. 123–174.
- Metaphrastes, Symeon. Oratio in lugubrem lamentationem sanctissimae Deiparae pretiosum corpus Domini nostri Jesu Christi amplexantis // Patrologia Graeca. – 1903. Vol. 114.
- Nicethori Bacilacae orations et epistolae / ed. A. Garzya. – Leipzig, 1984.
- Nicetai Choniatae historia, pars prior / ed. J. van Dieten. – Berlin, 1975.
- Ὁ βίος τοῦ ὁσίου Λουκᾶ τοῦ Στεριώτη / ed. D. Sophianos. – Ἀθήνα, 1989.

- PERELLA N. *The Kiss Sacred and Profane*. – Berkeley; Los Angeles, 1969.
- Procopii Caesariensis opera omnia / ed. G. Wirth (post J. Haury). – Leipzig, 1963. T. 3.
- Psello, Michele. *Autobiografia: encomio per la madre* / ed. U. Criscuolo. – Napoli, 1989.
- Pseudo-Kaisarios. *Die Erotapokriseis* / ed. R. Riedinger. – Berlin, 1989.
- SPATHARAKIS I. *The Proskynesis in Byzantine Art* // *Bulletin Antieke Beschaving*. – 1974. T. 49. P. 190–205.
- Sphrantzes, Georgios. *Memorii 1401–1477* / ed. V. Grecu. – Bucharest, 1966.
- Theodoret. *Kirchengeschichte* (2nd edn.) / ed. L. Parmentier, F. Scheidweiler. – Berlin, 1954.
- Theophanes Continuatus // *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus* / E rec. I. Bekkeri. – Bonnae, 1838.
- Theophanes Nicaenus (†1381). *Sermo in sanctissimam Deiparam* / ed. M. Jugie. – Roma, 1935.
- Theophylacte d’Achrida. *Discours, Traités, Poésies* / ed. P. Gautier. – Thessalonica, 1980.

Д.В. ИОЖИЦА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**ВИЗАНТИЙСКАЯ БАЗИЛИКА
И ЕЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ¹**

Базилика – наиболее распространенный тип христианского храма. С появлением и становлением византийского церковного обряда сформировалась схема литургических зон, отображаемая, главным образом, на объемно-планировочной структуре храма. Некоторые из этих зон на протяжении IV–XIV вв. меняли свою функцию и конструктивную схему, но их первоначальное местоположение сохранялось [Тафт 2005: 33; Marinis 2014: 10–24].

Несмотря на многочисленные исследования в области византийской архитектуры, в современной историографии существует ряд проблем. Одна из них – терминологическая, относящаяся как к византийской базилике, так и к ее архитектурным компонентам. В данной работе рассматриваются базовые термины, относящиеся к христианским храмам.

Как ни парадоксально, на сегодняшний день в специальной литературе не существует общепринятого определения термина «базилика». Вероятнее всего, первоначальная «базилика», как культовая постройка, имела трехнефную одноапсидную структуру, объемно-планировочное решение которой со временем видоизменялось с учетом эволюции христианской литургии и культурных традиций. Между

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Основные этапы христианизации Мангупского городища в Юго-Западном Крыму: синтез исторических и архитектурно-археологических исследований» (проект № 19-49-910007) и плановой темы Отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» «Взаимодействие культуры и цивилизаций в средневековом Крыму.

тем, для обозначения этого архитектурного ядра любого базиликального храма в историографии используются различные устойчивые выражения – «базилика с квадратным наосом» [Седов 2011: 103], «трехнефная базилика», «трех-, двух-, одноапсидная базилика» [Завадская 2014: 225; Хрушкова 2017: 108], «трехнефная базиликальная постройка» [Якобсон 1970: 121–125], «укороченная базилика с нартексом» [Виноградов, Белецкий 2014: 249], «трехнефная трехапсидная базилика с односекционным нартексом и трехлопастным экзонартексом» [Горянова 2018: 61], «одноапсидная базилика без нартекса» [Трапш 1961: 261], что лишает его содержательной точности.

Существуют еще две очевидные трудности при использовании термина «базилика» в литературе. Первая из них связана с попытками некоторых исследователей рассматривать этот термин как датирующий признак, что влечет за собой некоторое искажение истории византийской архитектуры [Анайлов 1910: 16–94; Якобсон 1959: 152–194]. Вторая же является следствием не всегда корректного применения в тексте речевых оборотов, производных от «базилики» – «базиликальная структура», «базиликальный храм», «базиликальный комплекс», «базиликальный тип» и пр. Нужно отметить, что и в западноевропейской, и в американской историографии также присутствует многообразность употребления термина «basilica» для обозначения подобного типа христианских храмов – «simple aisled basilica», «planne don't hedual principle of aisled basilica», «three-aisled basilica, five-aisled basilica», «basilica of the common three-aisled type», «so-called basilica», «basilica planchurches», «basilica type churches» etc.

В современной историографии укоренился ряд смысловых терминологических неточностей в контексте церковной археологии и архитектуры. Одна из таких проблем имеет лингвистический характер и связана с особенностями перевода на русский язык тех или иных англоязычных архитектурных терминов, не всегда передающих точно их содержание. К примеру, при описании базилики, как типа храма, используют понятия *неф/наос* и *проходы*, которые в русском языке глубоко закрепились как «главный и боковые нефы», что не одно и то же. Термин *наос*, дословно переводится как храм, который трансформировался в архитектурном контексте во внутреннюю зону храма, а в литургическом – сохранил свою сакральность. Этимология слова *неф* до конца не известна; однако, им обозначали планировочную

структуру здания, имевшую прямоугольную форму и ограниченную с одной или двух продольных сторон рядами колонн. Таким образом, в первом случае речь идет о функциях определенных литургических зон, а во втором – о конструктивной схеме храма.

Терминологические ошибки касаются и литургического зонирования базилики. Некоторые исследователи под наосом подразумевают все внутреннее ее пространство, независимо от количества колоннад и нефов [Завадская 2019: 137], что принципиально для Иерусалимского храма (Temple of Jerusalem) [Marinis 2014: 49]. Большая же часть исследователей склонна считать наос только лишь центральной зоной храма, находящейся между нартексом и бемой [Marinis 2014: 49].

Литургическое зонирование выражено осевым расположением определенных пространственных зон в храме: бема – наос – нартекс – экзонартекс. Последние отображают определенные литургические программы, в синтезе с которыми активно работала архитектура. Это проявлялось, главным образом, архитектурно-конструктивными вариациями объемно-планировочных решений компонентов базилик.

Первоначально и практически одновременно возникла необходимость в появлении двух архитектурных компонентов базилики: возрастает число *нефов* для увеличения внутреннего пространства и появляется *нартекс*. Нефы сооружались во всю длину храма и были уже центрального нефа. Количество их варьировалось от трех до девяти.

Нартекс – зона, расположенная в западной части храма, соединяющаяся с наосом. Обычно он располагался непосредственно перед главным входом в храм и выполнял в различное время ряд функций [Тафт 2005: 40, 41; Marinis 2014: 64]. Конструктивная форма нартекса в плане различна. Он может быть представлен в виде узкого вестибюля, равного по ширине наосу или храму. Однако встречаются иные формы нартекса, появление которых происходило вследствие уже сформировавшейся градостроительной ситуации [Marinis 2014: 64, 65]. Для базиликальных храмов в Крыму нартекс представлен в виде длинного вестибюля, равный ширине всего храма, с одним или тремя входами в него и одним или тремя входами в нефы. В некоторых храмах нартекс разделяется поперечными стенами. Также встречается нартекс в виде гладко выраженной площадки перед входом в храм.

Довольно часто встречается терминологическая взаимозаменяемость: пронаос – нарфик – нартекс – притвор – паперть – портик. Эта проблема связана, в первую очередь, с языковой этимологией. *Пронаос* – помещение в

античном храме, располагавшееся между входным портиком и наосом. Конструктивно ограждено обычно двумя фронтальными колоннами, по бокам – стенами. *Нарфик* – термин, из которого позже сформировался термин нартекс. *Притвор* – первоначально пристройка, позже западная паперть церкви. *Паперть* – помещение перед входом, заимствованное из старославянского языка. *Портик* – архитектурно-конструктивный термин, обозначающий обрамление фасада здания. Это полуоткрытое помещение, крышу которого поддерживают колонны [Фасмер 1986–87: 201, 367; ODB 1991: 265].

Исследователями используются также термины *внутренний и внешний нартексы*, что корректно по отношению к только лишь некоторым византийским монастырским церквям XI в. Внешний нартекс здесь назывался эндонартексом или эсонартексом [Maginis, 2014: 64]. *Эконартекс (эконарфик)* расположен непосредственно снаружи нартекса. В Крыму базиликальные храмы с экконартексами известны только в Херсонесе.

Количество и форма *апсид* в базиликальных храмах различна. Известны одно-, двух-, трех и даже пятиапсидные храмы. По форме апсиды бывают полукруглыми, трех-, пяти-, семигранными, реже подковообразными, или в комбинациях. Функционально боковые апсиды некоторые исследователи связывают с жертвенником и диаконником, однако, они могли иметь и другое назначение. В современной историографии сохранилось ошибочное именование их пастофориями [Varalis, 2006: 283].

Трансепт – редкий компонент, характерный для ранне-средневековых базилик [Shomali 2003], хотя он встречается и позднее [Ballance 1960: 146–150, 155, 156]. Это вытянутый поперечный неф, выходящий за общую ширину храма. Выполняет функцию мартирия.

Галереи – коридоры, обрамляющие проходы боковых нефов и нартекс. Конструктивно отделены от нефа колоннами или аркадами. Иногда вход в галереи возможен через нартекс [ODB 1991: 818, 819]. Примерами крымских базиликальных храмов с галереями являются Большая базилика на Мангуле и базилика в Партенитах.

Такие пристройки как часовня, меморий, скевофилакий, мартирий или купель являются вариативными компонентами, которые входили в состав храмовых комплексов, часто епископальных базилик [Хрушкова 2017: 108, 109] или кафедральных храмов [Завадская 2019: 142].

Одним их последних компонентов объемно-планировочной структуры базилики является перекрытие. В византийских базиликах оно бывает в виде плоского перекрытия [Лосицкий, Паршина 2002: 108], стропильной и сводчатой систем [Завадская 2001: 262; Хрушкова 2017: 110], а также в виде купола [Ousterhout 1985: 263].

В завершение, можно сформулировать определение термина архитектурного ядра «базилики» – это прямоугольное в плане здание, с трехчастной структурой, соединяющейся колоннадой, в восточной части завершающееся одной апсидой. Перекрытие в базиликах стропильное, сводчатое или купольное.

Таким образом, с появлением любого из вышеупомянутых элементов как одного, так и нескольких, культовое христианское сооружение становится базиликальным храмом.

Библиография

- АЙНАЛОВ Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1910. Вып. 1. С. 16–94.
- ВИНОГРАДОВ А.Ю., БЕЛЕЦКИЙ Д.В. Элементы византийского влияния в кавказском зодчестве IX–X веков // Вестник РГНФ. – М., 2014. С. 242–252.
- ГОРЯНОВА С.К. Владетельская Базилика Великого Преслава и некоторые сакральные артефакты // Археология античного и средневекового города. – Севастополь, 2018. С. 57–65.
- ЗАВАДСКАЯ И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 260–289.
- ЗАВАДСКАЯ И.А. Периодизация церковного строительства на городище Тепень (о кафедральном храме Фульской епархии) // МАИЭТ. – Симферополь, 2014. Вып. XIX. С. 211–239.
- ЗАВАДСКАЯ И.А. Числовые пропорции раннесредневековых базилик Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 135–159.
- ЛОСИЦКИЙ Ю.Г., ПАРШИНА Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики. – Киев, 2002. С. 99–113.
- СЕДОВ Вл.В. Ранневизантийский храм в Апамее Киботос (Динаре): Предварительное сообщение о работах 2009–2010 гг. // РА. – М., 2011, № 3. С. 98–107.
- ТАФТ Р. Византийский церковный обряд. Краткий очерк. – СПб., 2005.
- ТРАПШ М.М. Археологические раскопки в Анакопии В 1957–1958 гг. // ВВ. – М., 1961. Т. XIX. С. 260–282.
- ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964–1973. Т. I–IV.
- ХРУШКОВА Л.Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 107–138.
- ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – М., 1959. № 63. С. 152–194.
- ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-западного Крыма // МИА. – М., 1970. № 168.
- BALLANCE S. The Byzantine Churches of Trebizond // Anatolian Studies. – Ankara, 1960. № 10. P. 141–175.
- MARINIS V. Architecture and Ritual in the Churches of Constantinople: Ninth to Fifteenth Centuries. – Cambridge University Press, 2014.

OUSTERHOUT R. G. The Byzantine Church at Enez: Problems in Twelfth-Century Architecture // *JÖB*. – 1985. Bd. 35. P. 261–280.

SHOMALI Q. Church of the Nativity: History & Structure, in: Proceedings of the International Congress More than Two Thousand Years in the History of Architecture, UNESCO. – Paris, 2003.

The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York, 1991. 3 Vol.

VARALIS Ya. Prothesis and diakonikon: Searching the original concept of the subsidiary spaces of the byzantine sanctuary. // *Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси*. – М., 2006. С. 282–298.

М.М. КАЗАНСКИЙ

Centre national de la recherche scientifique (SNRS)
UMR 8167 «Orient et Méditerranée»
(Paris, France)

ЭЛЕМЕНТЫ ДЕКОРА КОНСКОЙ СБРУИ ИЗ АЛТЫНКАЗГАНА НА МАНГЫШЛАКЕ И ИХ РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Находки в поминальных сооружениях некрополя эпохи Великого переселения народов Алтынказган на Мангышлаке содержат многочисленные предметы «княжеской» / «воинской» культуры [Астафьев, Богданов 2018]. По целому ряду вещей, таких как пряжки с овальной рамкой и инкрустированным щитком, пряжки предгегальдического стиля, удила с лопастями и рифленой шейкой, пластины с «дерюжным» орнаментом [Астафьев, Богданов 2018: рис. 12,1, 13,1,3,8,11, 15,1-2], интересующие нас коммеморативные комплексы могут быть отнесены к постгуннскому (шиповскому) горизонту, т.е. ко времени от второй трети V в. по вторую треть VI в. [см. подробнее: Казанский, Мастыкова 2013; Мастыкова и др. 2016: 80–88].

Среди этих вещей особое внимание привлекают дисковидные накладные бляхи (Рис. 1,1-7) и наконечники ремней конского убора (Рис. 1,20-24), украшенные в стиле пергородчатой инкрустации [Астафьев, Богданов 2018: рис. 13,7, 15,12,16-18]. Здесь будут рассмотрены их ранневизантийские параллели, происходящие из погребений варварских правящих элит Восточной и Центральной Европы.

В том, что касается дисковидных накладок, из восточноевропейских находок в первую очередь вспоминаются фалары второй половины V в. (Рис. 1,8-11), найденные в погребении 2 гунно-болгарского (видимо, оногурского) могильника Морской Чулек, близ устья Дона, явно произведенные в византийских ателье [Kazanski, Mastykova, Périn 2002: 181; Зесецкая и др. 2007: 60–75]. Вполне возможно, что эти фалары входили в

состав дипломатических подарков, полученных посольством оногур, сарагур и урогов в Константинополе в 463 г. [см. подробнее: Артамонов 1963: 62]. Показательно, что в том же погребении 2 Морского Чулека обнаружены массивные золотые браслеты с расширенными концами с латинской весовой надписью [Засецкая и др. 2007: 48–60].

Ближайшие аналогии чулекским круглым фаларам происходят из погребения 2 гепидского могильника Апахиды (Рис. 1,12,13) в Трансильвании [Narhoiu 1998: Taf. 63, 65, 66]. Это погребение относится к периоду D3 по хронологии европейского Барбарикума (450–480/490 гг.), на основании сопоставления его с древностями из могилы франкского короля Хильдерика, захороненного в 481–482 гг. в г. Турнэ [последняя рвзвернутая публикация: Quast 2015]. Тождество стилистических, конструктивных и технологических особенностей наборов конской упряжи из Апахиды и Морского Чулека позволяет рассматривать их как продукцию одного центра производства. Общий облик изделий, технология изготовления, характер инкрустации может указывать на их византийское происхождение [подробнее см.: Засецкая и др. 2007: 62–66]. Б. Аррениус в своей фундаментальной работе о меровингских украшениях, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, выделяет группу предметов со вставками, укрепленными на цементе, в том числе вещи из Апахиды 2 и могилы Хильдерика, которые она относит к деятельности ювелирных мастерских Константинополя. Спецификой этих мастерских было использование цемента на основе гипса [Arrhenius 1985: 100–113]. Однако не исключено, что могли существовать и другие средиземноморские мастерские, в которых изготавливались вещи с перегородчатой инкрустацией на «цементе», например, в Равенне или при везиготском дворе [Kazanski, Périn, Mastykova 2002: 160].

Композиция, аналогичная узору на умбовидной части круглых блях конских наборов из Апахиды и Морского Чулека, украшает золотую бляшку из находки (курган 14?) 1886 г. близ с. Былым/Кудинетово на территории современной Кабардино-Балкарии (Рис. 1,17) [Толстой и Кондаков 1890: 143, рис. 173], возможно, также принадлежавшую конскому убору. Как уже неоднократно отмечалось, также близка фаларам Апахиды 2 фибула-брошь, изготовленная из позолоченной бронзы и инкрустированная гранатами, найденная в погребении 18 нормандского некрополя Френувиль (Рис. 1,16) и сделанная из конской накладки раннемеровингского времени [Kazanski, Périn, Mastykova 2002: 181]¹.

¹ Впервые это изделие как конский фалар идентифицировала И.П. Засецкая в 1996 г. во время визита Музея Нормандии в г. Кан (департамент Кальвадос).

В сравнительно недавно опубликованном материале из постгуннского степного погребения Ялпуг близ устья Дуная также имеются умбовидные накладки с инкрустированным декором (Рис. 1,18-19), по всей видимости, принадлежавшие конской сбруе. Инкрустированные вещи из Ялпуга, по всей видимости, являются продукцией византийских мастерских [Kazanski 2018: fig. 1]. Известны и случаи, когда дисковидные фибулы с инкрустированным декором служили украшением конской упряжи, как, например, бляха из Комунты, в Северной Осетии (Рис. 1,14) [Засецкая и др. 2007: 67, 68, рис. 23,10]. Кстати, очень похожи на конские фалары и довольно многочисленные средиземноморские дисковидные фибулы с декором в стиле перегородчатой инкрустации [см., например: Quast 2006: Abb. 4,3,6, 9, 10]. Стоит отметить и нашедшие некоторых ранневизантийских мечей, напоминающие по форме и декору умбовидные накладки интересующей нас конской сбруи [Засецкая 1993: табл. 29,135]. Дисковидные инкрустированные бляхи конского убора найдены также в «вождеском» погребении 1782 на меровингском могильнике Крефельд-Геллеп, на Рейне (Рис. 1,15). Погребение относится к 520–540 гг. [Wieczorek et alii 1996: V.4.8]. Как предполагает Б. Аррениус, эти бляхи могли быть средиземноморского, а точнее, даже византийского происхождения². Прототипы дисковидным накладкам конской сбруи можно найти в изображениях на серебряных изделиях ранневизантийской работы, например, на знаменитой чаше из Гордиковского склепа в Керчи – там округлые бляхи украшают оголовье императорского коня (Рис. 2,1) [Засецкая и др. 2007: 68, 70, рис. 24,1].

Впрочем, для дисковидных блях конского убора не исключены и сасанидские параллели. Так, округлые бляхи видны на ременных гарнитурах шахских коней с сасанидских блюд [Тревер, Луконин 1987: кат. № 3, 9, фото 8, 9, 19; Overlaet 1993: fig. 82; kat. 52, 61], в том числе на оголовьях и оголовье [Тревер, Луконин 1987: кат. № 17, фото 35; Overlaet 1993: fig. 94, kat. 50, 53, 54, 56] (Рис. 2,2-4). Правда, сасанидские изделия с декором в стиле перегородчатой инкрустации известны еще очень недостаточно, а для конской сбруи пока предположительно идентифицированы только накладные диски без инкрустаций, с орнитоморфным штампованным декором [Overlaet 1993: kat. 46, 47], что заставляет воздержаться от каких-либо заключений.

Еще один элемент конской сбруи из Алтынказгана, который может быть связан с ранневизантийской / средиземноморской традицией, это прямоугольные наконечники ремней с горизонтальным валиком на конце,

² Доклад Б. Аррениус на Саксонском симпозиуме в г. Кан в 1988 г. (не опубликован).

также украшенные в стиле пергородчатой инкрустации (Рис. 1,20-24) [Астафьев, Богданов 2018: рис. 15,7-11]. Такие наконечники в степи появляются уже в позднесарматское время, однако по наличию инкрустированного декора алтынказганские предметы могут быть сопоставлены с наконечниками из уже упоминавшихся могил в Турнэ (Рис. 1,26) [Ament 2017: Abb. 1] и Апахиде (Рис. 1,25) [Harhoiu 1998: Taf. 63,10-12,30; Засецкая и др. 2007: рис. 21,5; Ament 2017: 144, 145, Abb. 12]. Имеются такие инкрустированные наконечники и в боспорских склепах эпохи Великого переселения народов [Засецкая 1993: табл. 28,128, 57,322].

Сейчас трудно говорить о конкретных механизмах распространения престижных ранневизантийских вещей в евразийской степи в постгуннское время. Представляется, что одной из причин их появления у кочевников были богатые дипломатические дары, которые получали степные властители (и властительницы, как об этом свидетельствуют ранневизантийские авторы) от константинопольских посланников [см. подробнее: Засецкая и др. 2007: 92–95]. Как уже отмечалось при публикации находок в Морском Чулеке, в письменных источниках не засвидетельствованы конкретные случаи дарения варварским вождям предметов конского убора. Однако эти предметы могли быть получены в результате символической инвеституры союзников Империи от имени императора [Засецкая и др. 2007: 96].

Библиография

- АРТАМОНОВ М.И. История хазар. – Л., 1962.
- АСТАФЬЕВ А.Е., БОГДАНОВ Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // *Stratum plus*. – Кишинев, СПб., Одесса, Бухарест, 2018. № 4. С. 347–370.
- ЗАСЕЦКАЯ И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Вып. III. С. 23–105.
- ЗАСЕЦКАЯ И.П., КАЗАНСКИЙ М.М., АХМЕДОВ И.Р., МИНАСЯН Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. – СПб., 2007.
- КАЗАНСКИЙ М.М., МАСТЫКОВА А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // *Верхнедонской Археологический Сборник*. – 2010 (2013), Вып. 5. С. 93–104.
- МАСТЫКОВА А.В., КАЗАНСКИЙ М.М., САПРЫКИНА И.А. Пашковский могильник № 1. – М.; СПб., 2016. Том 2. Исследование материалов Пашковского могильника № 1.
- ТОЛСТОЙ И., КОНДАКОВ Н. Русские древности в памятниках искусства. Выпуск третий. Древности времен пререселения народов. – СПб. 1890.
- ТРЕВЕР К.В., ЛУКОНИН В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. – М., 1987.

- AMENT H. Das Childerichgrab in der archäologischcen Forschung. In: Quast D. (Hrsg.), Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. – Mainz, 2015. S. 123–155.
- ARRHENIUS B. Merovingian Garnet Jewellery. – Stockholm, 1985.
- HARHOIU R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. – Bukarest, 1998.
- KAZANSKI M. Deux appliques de selle post- hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation // *Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata* / Dir. D. Aparaschivei, G. Bilavschi. – Bucureşti; Brăila, 2018. P. 169–187.
- KAZANSKI M., MASTYKOVA A., PÉRIN P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum* / Hrsg. J. Tejral. – Brno, 2002. P. 159–194.
- OVERLAED B. (coord.), Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et la Chine (224–642). – Bruxelles, 1993.
- PÉRIN P. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique. // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIIe siècle* / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye, 1995. P. 247–302.
- QUAST D. Mediterrane Scheibenfibeln der Völkerwanderungszeit mit Cloisonnéverzierung – eine typologische und chronologische Übersicht // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. – Mainz, 2006, Jahr. 36/2. S. 259–278.
- QUAST D. (Hrsg.). Das Grab des fränkischen König Childerich in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. – Mainz, 2015.
- WIECZOREK A., PÉRIN P., VON WELCK K., MENGHIN W. (Hrsg.). Die Franken, Wegbereiter Europas. – Mainz, 1996.

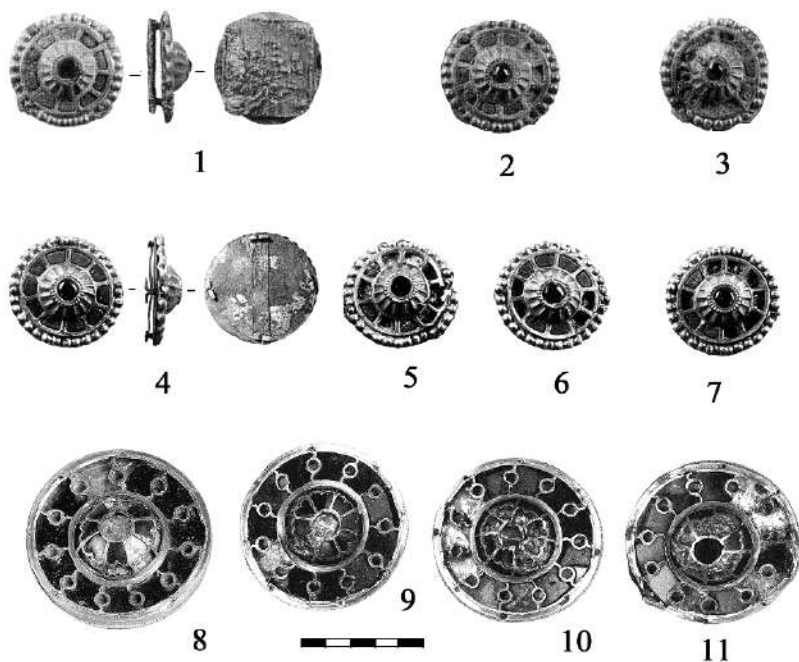

Рис. 1а. Элементы конского убора из Алтынказгана и их параллели.

1–3: ритуальное захоронение в ограде 158 («клад» № 3);

4–7: находка у стеновидной кладки объекта 82 («клад» № 5);

8–11: Морской Чулек, погребение 2

(1–7 [по: Астафьев, Богданов 2018: рис. 13,15];

8–11 [по: Засецкая и др. 2007: рис. 21,23, табл. 4, 5]).

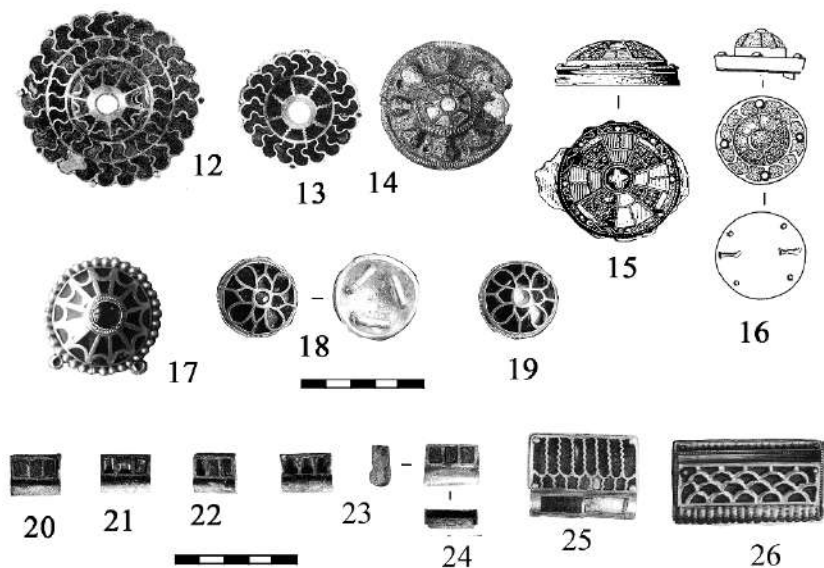

Рис. 1в. Элементы конского убора из Алтынказгана и их параллели.
20–24: находка у стеновидной кладки объекта 82 («клад» № 5);
12, 13, 25: Апахида, погребение 2; 14: Комунта;
15: Крефельд-Геллеп, погребение 1782;
16: Френувиль, погребение 18; 17: Былым-Кудинетово, курган 14;
18, 19: Ялпуг; 26: Турнэ, погребение Хильдерика.
12–17, 24, 25 (без масштаба).
(12–14, 16, 25 [по Засецкая и др. 2007: рис. 21, 23, табл. 4, 5];
15 [по Périn 1995: fig. 15]; 17 – Государственный Эрмитаж
(фото А.В. Мастыковой); 18, 19 [по: Kazanski 2018: fig; 1];
20–24 [по: Астафьев, Богданов 2018: рис. 13,15]; 26 [по: Ament 2015: Abb. 1]).

1

2

3

4

Рис. 2. Изображения дисковидных блях в конском уборе.

1: Керчь, блюдо из гордиковского склепа; 2: сасанидский ритон в форме коня; 3: Стрелка (Прикамье), сасанидское блюдо;

4: сасанидское блюдо с изображением Хосрова I.

(1 [по: Засецкая и др. 2007: рис. 24]; 2–4 [по: Overlaet 1993: fig. 94, kat. 52, 61]).

Т.М. КАЛИНИНА

Институт Всеобщей истории РАН
(Москва)

**МОРЕ РУМА
НА КАРТАХ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ X ВЕКА**

В 20-е гг. X в. среднеазиатский ученый Абу Зайд ал-Балхи (ок. 850–934) основал школу «Атласа ислама», последователями которой были географы ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси [Крачковский 1957: 194–218; Kramers 1943: 66; Tibbets 1992: 108–192].

Ранее считалось, что карта и труд ал-Балхи не сохранились, а рукописи под именем ал-Балхи являются всего лишь вариантом сочинения ал-Истахри [Kramers 1932: 9–30]. Однако в последнее время ряд ученых обосновали существование карты (Рис. 1) и текста ал-Балхи по двум рукописям в Египте и Британском музее [Кумекова 2009: 63–65; 2013: 324–330; Атлас: 98–101 (П.1)]. Однако это предположение должно быть еще более серьезно обосновано.

Абу Исхак Фариси ал-Истахри, иранский географ, ученик ал-Балхи, написал «Книгу путей и стран» в 934 г., хотя существует лишь редакция 951 г., сделанная, возможно, учениками ал-Истахри [Крачковский 1957: 196–198; Tibbets 1992: 108–111]. Карта ал-Истахри ориентирована на восток (Рис. 2). Запад находится наверху, с очень большим проливом – Гибралтаром, который выходит из большого водного бассейна в верху карты – части Окружающего океана (Атлантического); внутри Гибралтара имеется треугольная гора (*ал-Килал*). Отсюда выходит море ар-Рум, в котором есть три больших круглых острова: Кипр, Крит и Сицилия. В дельте Нила, к югу (слева), есть еще два круглых «островных города» – Дамиетта и Тиннис. Испания выглядит как очень большой полуостров; на северном берегу видна надпись *ал-Андалус*; однако нет контуров ни Италии, ни Греции. Франки (*ал-Ифранджа*) указаны в прибрежной зоне ал-Андалуса; также показаны галисийцы, которые,

жили вокруг Пиренеев, недалеко от границы современной Испании и Франции; и, видимо, баски (*башканс*). Эти области очерчены прямым углом. Снаружи, за углом, находится город Рим (*Румийа*), в то время как Византия (*Билад ар-Рум*) показана вертикально в крайнем правом углу. Константинопольский пролив (*халидж ал-Кустантинийя*) представляет собой широкую прямую полосу, которая выходит из моря Рума и впадает в Окружающий океан. Более узкая, длинная прямая полоса, идущая сверху (юг), это река Нил. Обозначения Византии (*Билад ар-Рум*) и Константинополя (*ал-Кустантинийя*) находятся по обе стороны от Константинопольского пролива (*халидж ал-Кустантинийя*). На его южном берегу обозначены Магриб, Египет и Сирия. На западной прибрежной полосе есть надпись: «Константинопольский пролив» (*халидж ал-Кустантинийя*), который показан выходящим из Средиземного моря. Ниже Константинопольского пролива показана гавань «Анталия», но ее название написано с ошибкой – «Антакийя» (якобы Антиохия, город на севере Сирии). Анталия была крупным портом на южном побережье Анатолии, он был важен в торговле с Кипром в течение X–XI вв. Далее на восток вдоль побережья, между Анталей и Тарсом, обозначено некое поселение Авлас. Вполне вероятно, что название относится к поселению у реки Ламис, которую арабские писатели начала IX–X вв. считали границей между Византией и исламскими землями [Viae regnorum 1870: 68–71].

Продолжателем ал-Истахри стал его младший современник Ибн Хаукал, по договоренности с ал-Истахри исправивший неточности в его картах и описаниях. Ибн Хаукал, чей труд относится к 977 или 988 г., расширил своё сочинение за счет оригинального материала: его круглая карта мира (Рис. 3), а также информация о городах, торговле, путях и областях Византии, Армении, Испании, Средней Азии были значительно подробнее сведений ал-Истахри. Ибн Хаукал много путешествовал, был в Сев. Африке, Сицилии, мусульманской Испании, возможно, и в Индии. Есть предположение, что он был политическим агентом при дворе кордовского Омейада Абд ар-Рахмана III (912–961). Сохранилась его карта мира в рукописи (ныне, в музее Топкапы, в Стамбуле), скопированная в 1086 г., менее чем через столетие после кончины Ибн Хаукала [Крачковский 1957: 198–205; Tibbetts 1992: табл. 7]. Из этой рукописи Ибн Хаукала издателем показана круглая карта мира, южной ориентации. Земли на ней, как и на прочих картах, окружены Охватывающим океаном (*ал-Мухит*).

Кроме того, в рукописи есть отдельная карта моря ар-Рум в соответствующей главе, посвященной морю ар-Рум (Рис. 4). В отличие от прочих, эта карта имеет восточное ориентирование. Примечательно, что на ней почему-то не показан ни один остров.

Но кроме этих двух, море Рума показано также на карте, приложенной к главе о Магрибе (Рис. 5). Здесь тоже есть карта моря ар-Рума, но на ней выделены 10 островов, о чем мы уже сообщали ранее [Калинина 2019, 127–130].

На всех трех картах показан пролив Гибралтар (*Джабал ат-Тарик*), выходящий из Окружающего океана и переходящий в обширный водный бассейн, который течет, омывая Испанию (*ал-Андалус*), выглядящий как очень большой полукруг. На побережьях ал-Андалуса показано много известных городов – таких, как Севилья, Малага и прочие, на западе ал-Андалуса отделены полосой франки (*ал-Ифранджа*), галисийцы (*ал-Джалалика*), лангобарды (*ан-Нукбарда*). Удивительно, что среди этих народов, а не в соседней Италии, названы римляне (*Румийа*). Далее показан полуостров Италия, названный Калабрия (*Калаурийа*). Далее идет Греция, которая имеет вид треугольного полуострова, рядом надпись: Венецианский залив (*джун ал-Банадикийун*). Как пишет Ибн Хаукал, на этом полуострове живут многочисленные разноязыкие жители: франки (*Ифранджа*), немцы (? *Намитин*), славяне (*ас-Сакалиба*), бургундцы (*Бурджан*) и прочие. С двух сторон Венецианский залив окружают города *Базарнет* (?) и *Азарнет* (?) [BGA II-2: 194]. Далее море огибает Пелопоннес (*Балабуниса*), уходящий широким полукругом в бассейн, доходящий до Сирии. Затем резко вниз уходит Константинопольский пролив (*халидж ал-Кустантинийа*), на берегах которого показаны Македония (*Маджазунийа*), Трапезунд (*Атрабзунда*), Константинополь (*ал-Кустантинийа*); по обе стороны пролива показаны *ас-Сакалиба*. Константинополь занимает круглый полуостров, возможно, означающий Золотой Рог. Ибн Хаукал написал, что земли, которые лежат между ними, являются процветающими и населенными, через них непрерывно происходит движение с округов *Анталии* (в тексте, как у ал-Истахри, ошибочно – *Антакии* (Антиохии)). Сам же округ процветающий, благодатный и является поставщиком продовольствия по Константинопольскому проливу.

В главе о Магрибе Ибн Хаукал гораздо подробнее, чем на карте моря ар-Рум, перечислил области и населенные пункты побережья Магриба, Египта и Сирии, такие, как Танжер, Тиннис, Дамиат, Фараму, Аскалон, Бейрут, Триполи, Латакию, аль-Масису (т.е. Мопсуестию), города в верховьях Евфрата и Тигра, которые, по его мнению, весьма близко находятся от моря Рума. Оно тянется до тех пор, пока не дойдет до самого края земли Египта (*Мисра*), простираясь по этой земле к Сирии (*аш-Шам*), проходя вблизи области *ас-Сугур*, т.е. «пограничья», в котором известен город Тарс. Описывая довольно подробно территорию Малой Азии, Ибн Хаукаль упоминает о надписи на карте, на суше вблизи моря Рума, где сказано, что на этом отрезке земли живут люди, говорящие на непонятных языках, отличающиеся друг от друга и находящиеся в состоянии междоусобицы; часть их подчиняется великому правителю Рума, а часть имеет других правителей, но все они исповедуют христианскую веру. Интерпретировать эту фразу, учитывая то обстоятельство, что в дальнейшем упомянута Армения и горы вокруг, можно так, что речь идет о населении Кавказа.

Весьма подробно описав побережье моря ар-Рума и некоторые части материка, Ибн Хаукал кроме того отметил, что время в пути между Анталией и Константинополем составляет восемь дней по суше вместе с почтой, а по морю, при хорошем ветре, – пятнадцать дней.

Библиография

- Атлас. Българските земи в средновековата арабописмена картографска традиция (IX–XIV век). – София, 2011.
- КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Арабская географическая литература // И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. – М., 1957.
- КУМЕКОВА Р.Б. Карта мира Абу Зайда ал-Балхи (X в.) как источник по истории Казахстана // Вестник КазНУ (Серия историческая). – Алматы, 2009. № 3 (54). С. 63–65.
- КУМЕКОВА Р.Б. Сведения классических арабских географов о тюркских племенах Казахстана // Сборник материалов международной научной конференции «Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники, посвященный 1100-летию Кимекского государства (Астана, 29–30 мая 2013 г.). – Астана, 2013. С. 324–330.
- History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. – Chicago; London, 1992. Vol. II. Book I: Cartography in the traditional Islamic and South Asian Societies.

KRAMERS J.H. La question Balhi-Istakhri-Ibn Hawqal et l'atlas de l'Islam // Acta Orientalia. – Leiden, 1932. Vol. 10. P. 9–30.

Opus geographicum: secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in bibliotheca antiqui palatii No. 3346 cui titulus est “Liber imaginis terrae”, auctore Ibn aukal (Abū 'l- āsim Ibn auḳal al-Na ṭbī) / ed. J. H. Kramers. – Leiden, 1938. Vol. 1.

TIBBETS G.R. The Balkhī School of Geographers // History of Cartography. – Chicago; London, 1992. Vol. 2. Book 1.

Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae, auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhri / ed. M. J. de Goeje. – Leiden, 1870. P. 68–71.

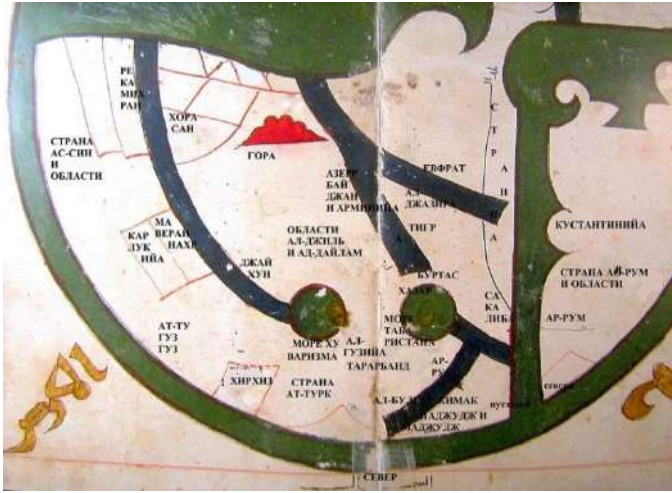

Рис. 1. Часть круглой карты ал-Балхи
(по: Атлас 2011: 98, 99; перевод названий на русский М.М. Калининой)

Рис. 2. Круглая карта мира ал-Истахри
(по: History of Cartography 1992: Pl. 7.).

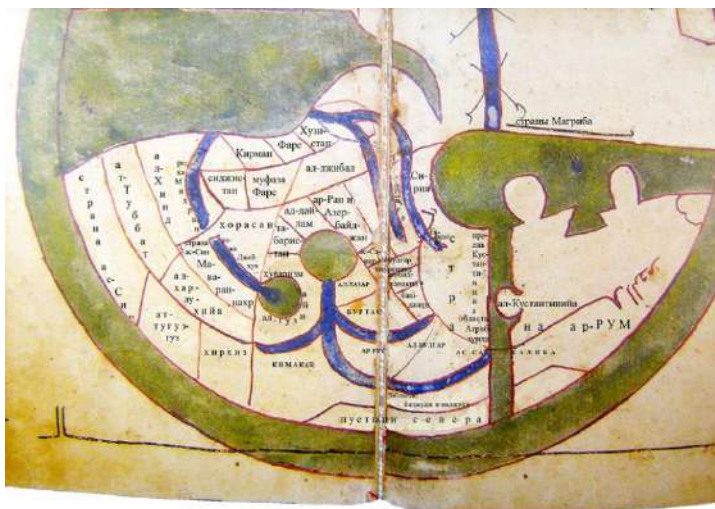

Рис. 3. Часть круглой карты мира Ибн Хаукала.

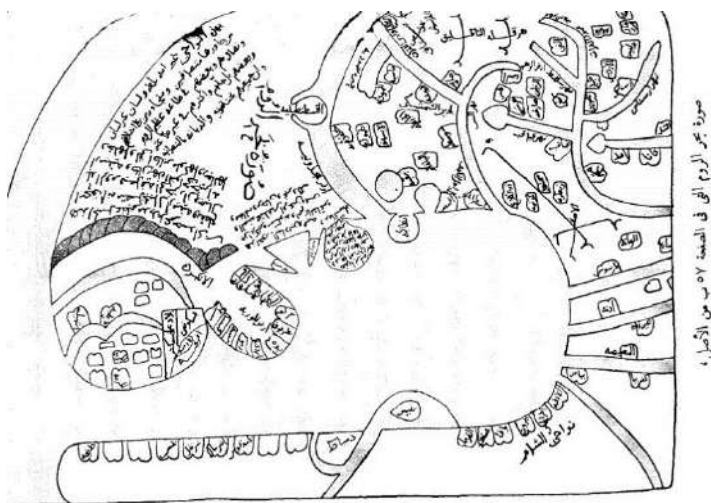
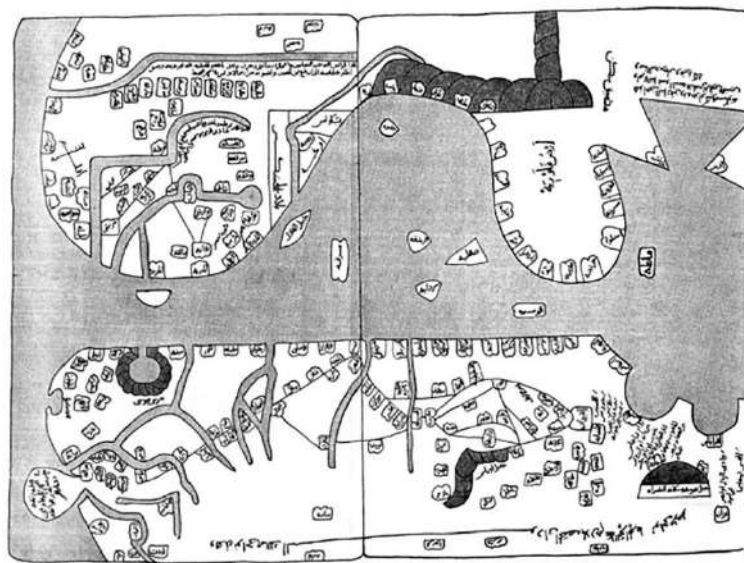

Рис. 4. Черное море из главы о море Рума в рукописи Ибн Хаукала (по: Opus geographicum 1938: 191).

النسابة الثاني والثالث من صورة المغرب القان في المصنوعين ١٦ ب و ٢٠ ط من الأصل.

Рис. 5 Часть карты моря ар-Рум из главы о Магрибе в рукописи Ибн Хаукала (по: Opus geographicum 1938: 79, 80).

В.П. КИРИЛКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

АРХИТЕКТУРНЫЕ СПОЛИИ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛУШТЫ

Вторичное использование в новом строительстве целых и фрагментированных каменных деталей от разрушенных сооружений во все времена было обычной практикой. Наиболее яркими крымскими примерами такого рода для средневековой эпохи являются многочисленные мусульманские памятники XVI–XVII вв. [Кирилко 2016б], а также, в определённой мере, монументальные здания феодоритов рубежа 50–60-х гг. XV в., украшенные перелицованными надгробиями [Кирилко 2005: 192–214, 227–229]. Обнаруживаемые при археологических раскопках споллии не только свидетельствуют о технологических особенностях строительного дела, но нередко позволяют более или менее обоснованно судить о самих сооружениях, которым они прежде принадлежали. В настоящий момент средневековое зодчество Алушты представлено тремя такими находками:

1. Прямоугольный блок с остатками надписи.

Архитектурная деталь имеет форму высокой, почти квадратной в сечении призмы со скошенными основаниями (Рис. 1). Крайняя треть ее нижней грани сбоку срезана по прямой под углом 25°. Верхний торец состоит из четырех сглаженных на стыках плоскостей, придавших ему спереди и сзади дуговидный абрис. Остальные стороны изделия ровные. Все поверхности тщательно отесаны, относительно гладкие. Материал – нуммулитовый известняк с желтоватым оттенком. Размеры предмета: высота – 65 см, ширина – 28,7–30,5 см, толщина – 27–28 см.

В нижней части лицевой грани детали фрагментарно сохранились две резные греческие буквы, которые могли принадлежать слову θεός или любому производному от него имени, например, Θεόβωρος. Они нанесены уверенной рукой, имеют четкую форму, располагались вертикально.

Размеры первого знака: высота – 15 см, ширина – 22 см, глубина желобка – до 1 см. Расстояние между буквами – 7,5 см.

Архитектурная деталь была обнаружена на территории цитадели в кладке северной стены двухапсидной церкви начала XV в., где использовалась вторично в качестве обычного строительного камня. Храм принадлежит к последнему этапу существования культового комплекса, представленного руинами, по меньшей мере, шести разновременных, поочередно сменявших друг друга зданий VIII–XV вв., которые отличались между собой размерами и архитектурикой. На тыльной стороне сполли хорошо сохранились остатки известкового раствора, визуально идентичного тому, что применялся при возведении базилики X в. и имеет характерные признаки, присущие только сооружениям этого строительного периода [Кирилко 2016а: 753–756, 758–760, рис. 4].

Предполагаемую принадлежность данной архитектурной детали зданию X в. подтверждают палеографические особенности полностью уцелевшей буквы, которые являются показательными для памятников IX–X вв. [Gardthausen 1879: Taf. 2]. Местные лапидарные источники им не противоречат [Латышев 1896: таб. III, VIII]. Подобная форма знака обычно применялась и при маркировке крымских керамид IX–X вв. [Якобсон 1979: рис. 41, 58, 59, 65].

Внешние очертания торцов блока и размеры надписи позволяют локализовать место в структуре здания, где первоначально находилось изделие. Дуговидный контур верха и скошенный бок нижней грани дают основание считать, что с этих сторон к детали примыкали округлые конструкции разной кривизны, следовательно, она могла принадлежать кладке стены, расположенной между конхой апсиды и сводом наоса. Достаточно большая величина букв явно рассчитана на то, чтобы их было видно на расстоянии. Например, подобные свойства имела надпись на южном фасаде Десятинной церкви в Киеве, также датированная X в. [Брайчевский 1996: 35; Архипова 1996: 64, 65, кат. № 39–46]. Близкие аналогии ни самой находке, ни её предполагаемому назначению неизвестны.

2. Угловой фрагмент наличника.

Архитектурная деталь представляет собой массивную прямоугольную плиту с рельефной лицевой стороной (Рис. 2). Все боковые грани плоские. Две из них выделяются формой: продольная – имеет небольшой уступ, торцовая – по отношению к фасаду скошена под углом 79°. Тыльная часть изделия относительно ровная, со следами крупной околки. Подобным образом обработана также примыкающая к ней по внешнему краю вторая короткая грань. Остальные поверхности

плиты чисто тесаные, выровнены зубчатым резцом и заглажены. Размеры фрагмента: ширина – 39,6 см, длина – 50 см, толщина – 17,8–22 см. Материал: нуммулитовый известняк с желтоватым оттенком. Сзади и на боках местами сохранились остатки прочного известкового раствора с мелким галечным песком.

На лицевой стороне детали частично уцелел угол профилированной рамки, отступавшей от наружных ребер плиты на 12,6–12,8 и 13,8–15,8 см. Ширина рельефа – 23,5 см, по отношению к передней грани он заглублён на 3,7–4,7 см. Внешний край профиля оформлен в виде небольшого уступа с выкружкой, обеспечивших плавный переход к основной, расположенной ниже, плоскости. В средней части последней находятся прямоугольный в сечении желобок и массивный полувал, диаметр которого колеблется в пределах 5–7 см.

Архитектурная деталь найдена на территории крепости в апсиде храма, где она вторично использовалась в качестве опоры престола¹. Церковь датируется XIV–XV вв., время появления ее алтарных сооружений не известно [Бочаров, Кирилко 2017: 300].

Первоначальное назначение споллии точному определению не поддается. Довольно большой представляется вероятность того, что фрагмент мог принадлежать наличнику оконного проема, подобного мангупскому, которым украшен парадный фасад донжона, построенного на рубеже 50–60-х гг. XV в. [Кирилко 2005: 229, рис. 174]. Однако этому противоречит отсутствие четверти, необходимой для нормального функционирования окна. В то же время такой выступ не требовался при обрамлении различного рода ниш, которые нередко украшались тягами [Кирилко 2011: рис. 25, 79].

В средневековом Крыму профилированные наличники особо востребованными оказались при декорировании генуэзских строительных надписей. Причем обычно применялась стандартная форма каменных рамок, но, по меньшей мере, на двух фортификационных сооружениях Судака появляются ее разновидности, соотносимые с алуштинским образцом. Одна из них представлена на башне Коррадо Чикала, датированной 1404 г. [Лопушинская 1991: рис. 35]. Вторую, принадлежавшую нише «закладной плиты в кладке куртины в восточной части Судакской крепости», на своем чертеже в 1935 г. изобразил Н. Лапин [Скржинская 2006: 87]. Поскольку на территории Лусты монументальные генуэзские здания известны [Кирилко 2014: 202–230],

¹ Сердечно благодарю А.В. Лысенко и И.Б. Тесленко, обративших моё внимание на эту находку.

вероятность того, что в качестве опоры престола вторично была использована именно деталь обрамления строительной надписи, является наиболее высокой.

3. Фрагмент наличника.

Сохранился крупный обломок каменного блока с рельефной лицевой стороной (Рис. 3). Один из боков изделия, внутренний, полностью утрачен. Остальные грани уцелели частично. Размеры фрагмента: высота – 38,5 см, ширина – более 31 см, толщина – 29,5 см. Материал: нуммулитовый известняк с лёгким кремовым оттенком. Все поверхности детали чисто тесаные и относительно гладкие. Выделяется боковая плоскость, которая сначала подверглась мелкой околке, после чего вдоль наружного края была тщательно выровнена зубчатым резцом. Ширина кромки – 13 см.

Декоративная выемка передней части изделия находится на расстоянии 11,5 см от продольного ребра. Внешний конец профиля оформлен в виде небольшого уступа с выкружкой, которая примыкает к прямоугольному желобку с полочкой, возможно, завершавшейся полувалом. Ширина рельефа – не менее 18 см, по отношению к поверхности грани он заглублен до 6,2 см. Его формы сопоставимы с обрамлением предыдущей детали, но имеют более компактную конфигурацию.

Сполия обнаружена на территории крепости в кладке современной подпорной стены, где вторично использовалась в качестве обычного строительного камня. Следовательно, прежде она могла принадлежать любому монументальному зданию средневекового города. Определенное тождество данной архитектурной детали с предыдущей позволяет интерпретировать находку как фрагмент наличника. Более того, поскольку ее боковая часть, где должна находиться четверть, полностью утрачена, каждый из трех возможных вариантов первоначального назначения изделия – украшать оконный проем, нишу или памятную надпись – имеет одинаковую степень вероятности.

Представленные артефакты являются показательными для средневековой архитектуры Крыма, отражая строительные традиции двух основных ее периодов – византийского и генуэзского.

Библиография

- АРХИПОВА Е. Архітектурно-пластичний декор та саркофаги Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – Київ, 1996. С. 61–67.
БОЧАРОВ С.Г., КИРИЛКО В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. – Силистра, 2017. Вып. 32. С. 278–304.

- БРАЙЧЕВСЬКИЙ М. З історії Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – Київ, 1996. С. 35–36.
- КИРИЛКО В.П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). – Киев, 2005.
- КИРИЛКО В.П. Солхатское медресе // *Stratum plus*. – Кишинев, СПб., Одесса, Бухарест, 2011. № 6. С. 125–210.
- КИРИЛКО В.П. Крепостные сооружения средневековой Алушты // *Stratum plus*. – Кишинев, СПб., Одесса, Бухарест, 2014. № 6. С. 177–234.
- КИРИЛКО В.П. Главный храм Средневековой Алушты // Проф. д-р Борис Д. Борисов: ученици и приятели. – Велико Търново, 2016а. С. 751–766.
- КИРИЛКО В.П. Сполли в архитектуре Крымского ханства // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. – Казань, 2016б. С. 160–170.
- ЛАТЫШЕВ В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896.
- ЛОПУШИНСКАЯ Е.И. Крепость в Судаке. – Киев, 1991.
- СКРЖИНСКАЯ Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. – Киев; Судак; СПб., 2006.
- ЯКОБСОН А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979.
- GARDTHAUSEN V. Griechische Palaeographie. – Leipzig, 1879.

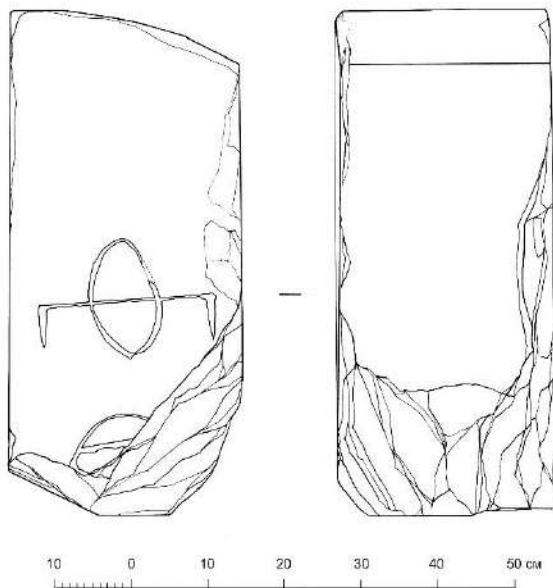

Рис. 1. Прямоугольный блок с остатками надписи.
Виды спереди и сбоку (чертёж автора).

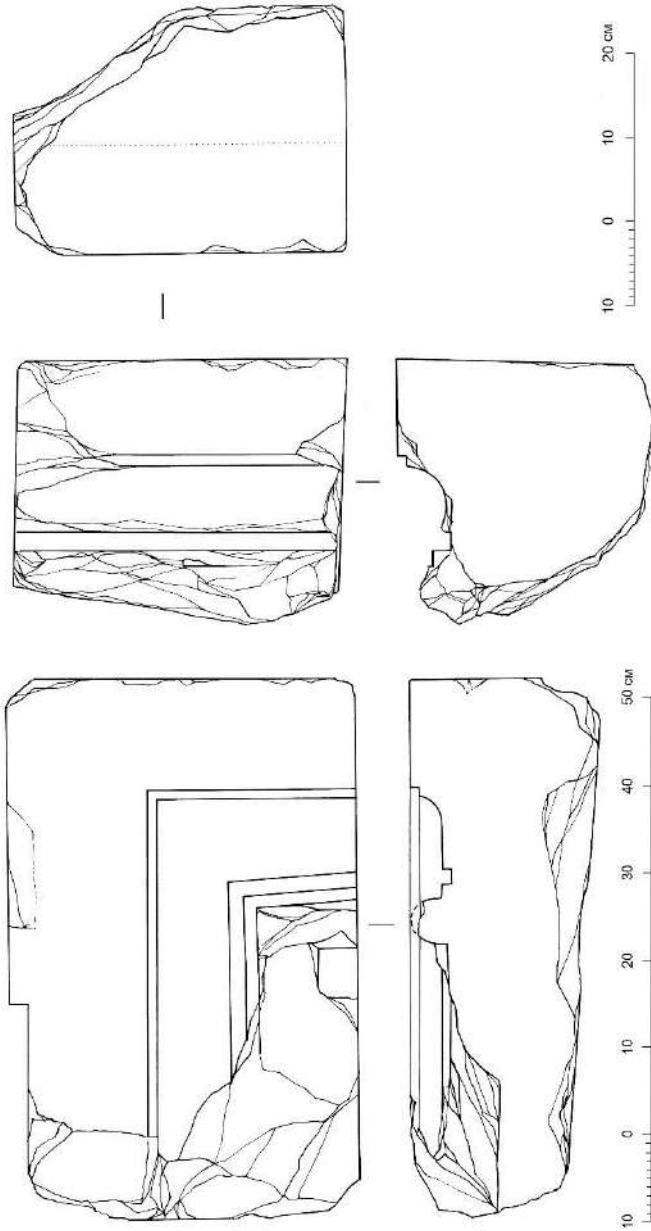

Рис. 2. Угловой фрагмент наличника.
Вид спереди и план (чертёж автора)

Рис. 3. Фрагмент наличника. Вид спереди и сбоку.
План (чертёж автора)

П.В. КУЗЕНКОВ

Московский Государственный университет
им. М.В. Ломоносова
(Москва)

РОГА ВИЗАНТИЙСКИХ САНОВНИКОВ ПО ДАННЫМ ХРИСОВУЛА 1074 ГОДА

Одним из важнейших источников, проливающих свет на византийскую внешнюю политику в целом и в особенности – Северном Причерноморье, является текст, сохранившийся среди сочинений Михаила Пселла и представляющий собой проект (точнее, два проекта) династического союза между императором Михаилом VII Дукой и неким, не названным по имени, влиятельным и, что особенно важно, единоверным правителем соседнего государства. В последнем, за дочь которого василевс сватает своего багрянородного брата и соправителя Константия Дуку, есть все основания видеть русского князя Всеволода Ярославича. Подробная аргументация этого отождествления была дана еще академиком В.Г. Васильевским в 1875 г. и вновь повторена и дополнена в нашей недавней статье [Кузенков 2016]. Вновь вернуться к этой теме спустя 140 лет пришлось, прежде всего, потому, что весьма убедительные доводы В.Г. Васильевского, поддержанные авторитетом К. Крумбахера, были по какой-то причине проигнорированы, и в мировой византинистике укоренилась первоначальная гипотеза первого издателя текстов Михаила Пселла, К. Сатаса, который соотнес их с другим брачным проектом Михаила VII, успешно реализовавшимся в 1074 г. Речь идет о союзе императора с известным Робертом Гвискардом, нормандским авантюристом, пробившимся из рядового рыцаря в герцоги и объединившим под своей властью почти всю Южную Италию. Опираясь на поддержку папы Римского, Роберт вел открытую войну с Византией, увенчавшуюся взятием в 1071 г. последнего оплота империи в Италии, города Бари. Несмотря на это – а может быть и благодаря этому – византийский император решил заключить с ним не только военный, но

и династический союз, женив своего сына-младенца Константина Дуку на одной из дочерей Роберта. Текст этого хрисовула также сохранился среди трудов Михаила Пселла, который был ближайшим советником императора Михаила VII и составителем всех его официальных посланий [издание: Michael Psellus 1994: 176–181; перевод: Кузенков 2016: 272–274]. Именно этот документ анализируется далее.

В отличие от проекта союза с Русью, наполненным историческими и «идеологическими» аргументами (общность вероисповедания, единство церковной системы, прецедент аналогичного союза при предыдущем императоре) и начисто лишенным меркантильной составляющей, договор с Робертом носит исключительно сухой и прагматичный характер. В обмен на военный союз император соглашается женить своего сына на дочери герцога, окружив ее царским великолепием, а также возвести одного из сыновей Роберта в сан куропалата¹ и пожаловать приближенному герцога определенное количество различных «ставок» сановников. Полный перечень и количество жалуемых чинов приведен в хрисовуле: куропалатикон (κουροπαλατικόν), 1 проэдрат², 2 магистрата, 2 вестархата, 2 вестата, 1 анфипатат, 4 патриката, 6 ипататов, 15 протоспафаратов и 10 спафарокандидататов. Однако размер причитающихся ежегодных выплат (так называемой *роги*, греч. ῥόγα от лат. erogatio ‘выплата, издержки’) указан только для трех низших чинов: 36 номисм (1/2 литры) для спафарокандидатата, 1 литра для протоспафарата и 2 литры для ипатата. Сообщается, впрочем, что общая сумма выплат (вместе с окладом куропалата) составляет два кентинария.

Итак, нам известны сумма и три слагаемых из десяти. Казалось бы, для определения семи неизвестных слагаемых данных категорически недостаточно. Попытаемся использовать отношение имеющихся в нашем распоряжении размеров *роги* соседних чинов, которое составляет 1:2. Применив ту же пропорцию ко всем чинам, получим сумму: $0,5 \times 10 + 1 \times 15 + 2 \times 6 + 4 \times 4 + 8 + 16 \times 2 + 32 \times 2 + 64 \times 2 + 128 + 256 = 664$ литры.

Это намного больше, чем указанные в хрисовуле 2 кентинария (т.е. 200 литр). Значит, где-то отношение между соседними окладами составляет не 1:2, а меньше. Естественно предположить, что размер *роги* возрастает наиболее удобным для расчетов способом. С помощью нехитрого компьютерного инструментария (например, таблицы в программе Excel) можно перебрать все возможные варианты. Чтобы не

¹ В IX–XI вв. этот сан замыкал список высших титулов, присваивавшихся только членам императорской фамилии: василевс, кесарь, новеллссим, куропалат.

² В хрисовуле, что редкость, приведены названия не самих чинов, а именно «должностных ставок», которые имеют латинизированную форму на -άτον (лат. -atum).

утомлять подробностями, скажу сразу, что довольно быстро удалось получить вариант, удовлетворяющий данным источника.

Вот как выглядит восстановленная картина размеров роги (реконструированные данные даны курсивом):

№	ставка	рога	рога	кол-во	сумма
1	сан куроалата	?	<i>40</i>	1	40
2	проэдрат	?	<i>30</i>	1	30
3	магистрат	?	<i>20</i>	2	40
4	вестархат	?	<i>10</i>	2	20
5	вестат	?	<i>8</i>	2	16
6	анфипатат	?	<i>6</i>	1	6
7	патрикат	?	<i>4</i>	4	16
8	ипатат	2	2	6	12
9	протоспафарат	1	1	15	15
10	спафарокандидатат	0,5	0,5	10	5
					200

Сравним полученные нами числа с данными из других источников. Их, сразу скажем, немного (что делает хрисовул ценным памятником по истории византийских финансов). В обобщающем очерке о зарплатах и ценах в Византии в X–XV вв. можно найти лишь информацию о жаловании протоспафария (72 номисмы, т.е. 1 литра) и магистра (16 или 20 литр) [Cheynet, Malamut, Morrisson 1991: 367]. Первая сумма совпадает с указанной в нашем хрисовуле, а вторая соответствует полученной в результате наших вычислений. Дополнительным косвенным подтверждением правильности размера принятой нами максимальной роги (куроалата) в 40 литр, служит и то, что таким же было жалованье стратигов высшего ранга [Cheynet, Malamut, Morrisson 1991: 367].

Итак, «расшифровав» сведения хрисовула, мы узнаем, что в 70-е гг. XI в. византийские сановники получали жалованье от 0,5 до 40 литр золота в год. Много это или мало? Исходя из относительной стабильности цен в средневековой Византии можно высчитать, что на самую низкую в списке рогу в 36 золотых номисм можно было купить: 36 коров, трех боевых коней, небольшой дом в провинции или одного-двух рабов [Cheynet, Malamut, Morrisson 1991: 350, 351]. Прожиточный

минимум (пропитание и одежда) составлял от 5 до 9 номисм в год [Каждан 2000: 40]. Следовательно, самый низкооплачиваемый сановник получал около 4-х прожиточных минимумов. При этом разница между низшим и высшим чинами в уровне жалования составляла 80 раз, и рога куроалата (2880 номисм) была в 300–500 раз выше прожиточного минимума. В современной России, где прожиточный минимум установлен в районе 10 000 руб., рассмотренная «вилка» соответствовала бы окладам от 40 тысяч до 3–5 миллионов рублей в месяц. Разумеется, такое сравнение лишь очень условно, но и оно помогает уловить главную особенность византийской должностной иерархии: весьма скромные доходы служащих низшего и среднего звена и резкий рост богатства высших должностных лиц. При всех своих недостатках именно такая «прогрессивная шкала» окладов позволяла наиболее эффективно стимулировать карьерный рост и одновременно противостоять коррупции.

Библиография

- КАЖДАН А.П. Византийская культура (X–XII вв.). – СПб., 2000.
КУЗЕНКОВ П.В. Русский вектор // ВВ. – М., 2016. Вып. 75 (100). С. 254–278.
CHEYNET J.-C., MALAMUT E., MORRISSON C. Prix et salaires à Byzance (X^e–XVe siècle) // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. / Ed. V. Kravari, J. Lefort et C. Morriison. – Paris, 1991. Т. 2. P. 339–374.
Michael Psellus. Orationes forenses et acta / Ed. G.T. Dennis. – Stuttgart; Leipzig, 1994.

В.В. МАЙКО
И.Б. ТЕСЛЕНКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**ВИЗАНТИЙСКАЯ КРАСНОГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ
КЕРАМИКА XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКОВ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ**

В последнее время проблемы византийского присутствия в Крыму и системы организации управления средневековой Таврикой в XII в. обсуждаются особенно остро. Минимальное количество письменных источников и практически полное отсутствие сфрагистических материалов вновь заставляют обратить внимание на археологические источники. В настоящее время проблема выделения закрытых комплексов XII в. на полуострове все еще остается одной из наиболее сложных для крымской медиевистики. Помимо немногочисленного нумизматического материала, одним из ярких хронологических индикаторов, позволяющих выделять стратиграфические горизонты этого времени, является византийская поливная керамика – так называемая группа Middle Byzantine Production (далее – MBP), объединяющая различные декоративные типы изделий, среди которых *Slip-Painted (SPW)*, *Green and Brown Painted (GBPW)*, *Fine Sgraffito (FSW)*, *Painted Fine Sgraffito (PSW)*, *Incised Sgraffito or Aegean Ware (IS/AW)*, *Painted Incised Sgraffito (PIS)*, *Champlevé (ChW)*, *Plain Glazed Wares (PGW)*, широко распространенные в Средиземноморье (в особенности Восточном) и Черноморском регионе в XII – первой половине XIII вв. [см. например: Waksman et al. 2014: 379–380; Waksman 2018].

Эта керамика довольно хорошо представлена в многочисленных научных публикациях и музейных каталогах, среди которых следует отметить работы Ч. Моргана, А.Х.С. Мегу, П. Армстронг, Дж. Врум,

Д. Папаниколы-Бакиртзи, М.-Л. вон Вартбург, Г. Сандерса, Л. Догер и др. (обзор см., например: [Waksman et. al 2014; 2018]). Благодаря разработкам Г. Сандерса, на основании материалов раскопок Коринфа [Sanders 2003], а также исследованиям стратифицированных комплексов в Стамбуле [Hayes 1992] и закрытого комплекса в Никосии [Wartburg, Violaris 2009] удалось уточнить предложенную ранее Ч. Морганом [Morgan 1942] хронологию отдельных типов МБР, хотя работа в этом направлении все еще продолжается. К более ранним из них относятся *SPW*, *GBPW*, *FSW*, *PSW*, хронологическая позиция которых определяется в рамках XII или середины – второй половины XII вв. [Hayes 1992: 46; Sanders 2003: 394; Wartburg, Violaris 2009]. Остальные – *IS/AW*, *ChW*, датируются преимущественно концом XII – началом/первой половиной XIII вв. [Hayes 1992: 46, 48; Waksman, Wartburg 2006: 371, др.]. Хотя некоторые экземпляры могут встречаться в слоях вплоть до третьей четверти XIII и даже начала XIV вв. [Waksman 2018: 379], а *SPW* – найдены как в комплексах второй половины XII, так и первой половины XIII вв.¹ При этом отмечены комплексы, в частности, кораблекрушение Каваллиани, где некоторые типы первой и второй хронологических групп встречаются вместе [Waksman et al. 2018]. Это свидетельствует о том, что они в какой-то период, например, в конце XII – самом начале XIII вв. могли выпускаться одновременно и что резких смен ассортимента продукции не происходило.

Различные типы МБР находят на наземных объектах от побережья Франции до Леванта и Северного Причерноморья. Затонувшие корабли с грузом этой керамики (Pelagonnisos-Alonnisos, Kastellorizo, Skopelos, Adrasan, Kavalliani и др.) доказывают ее преимущественное распространение морским путем (обзор лит. см.: [Waksman et al. 2014; 2018; Waksman 2018]). Новые археологические открытия, а также результаты недавних археометрических исследований, проведенных в керамологической лаборатории в Лионе под руководством С.Й. Ваксман, позволили определить Халкис (морской порт крупного регионального центра – Фив) как крупнейший центр длительного производства и экспорта различных серий МБР, а также амфор типа Гюнзенин II и III (GII, GIII) [Waksman et al. 2014; 2018; Waksman 2018]², который функционировал как до, так и после латинского завоевания 1204 г. Продукция

¹ Например, кораблекрушения Каваллиани и Каstellоризо, разница между которыми примерно в два десятилетия.

² Свидетельства широкого распространения продукции других гончарных центров, среди которых Коринф, Афины и Константинополь, также изготавливавших поливную посуду в схожем стиле, пока не обнаружены.

этого центра поступала, в том числе, в Крым. По крайней мере, происхождение некоторых херсонесских образцов *ISW* и *ChW* из халкидских мастерских доказано химическими исследованиями [Waksman et al. 2014; 2018; Waksman 2018].

Однако, в отличие от центральных регионов Византии, Восточного Средиземноморья и Эгейского региона, где такая керамика найдена даже на сельских поселениях, в средневековом Крыму группа МВР, в особенности ее ранние типы, встречается не так часто. В Херсонесе она представлена несколькими целыми формами и фрагментами [Якобсон 1979: 130–132; Рыжов, Голофаст 2000: 406, рис. 7; Голофаст, Рыжов 2003: 246, рис. 12,7; Ушаков 2005: 92, рис. 19,7; Рабинович, Седикова, Хеннеберг 2009: 267, рис. 29; Залеская 2011: 132, 133, 138, 142, 184; Седикова 2018: 442, рис. 8]. В единичных экземплярах МВР найдена на Эски-Кермене [Якобсон 1979: 130, рис. 81,2; Айбабин 2014: 273, рис. 19,3; 274, рис. 20,6-7; и др.], в Партените³, Алусте [Мыц 2016] и в переотложенных слоях на Мангупе [Герцен, Науменко 2005: 268, рис. 4, 6-10].

В то же время, довольно представительная коллекция МВР, происходящая из раскопок Сугдеи, лишь отчасти введена в научный оборот [Джанов, Майко 1998: 168–171; Гукин, Джанов 2013: 32; Майко 2016: 195, рис. 56; Майко 2019: 28, рис. 5, 6–9], что делает предлагаемую работу актуальной.

Среди материалов многолетних исследований этого памятника удалось идентифицировать около двух десятков обломков МВР, сопоставимых с различными декоративными типами этой группы (Рис. 1). Представлены они неравномерно. Наибольшее число относится к *FSW* – 11 фрагментов, в т.ч. серии с изображением птиц и рыб (3 ед.); *PSW* – 1 кольцевой поддон; *IS/AW* – 5 фрагментов, в том числе нижняя часть тарелки с изображением птицы с удлинённым клювом в окружении стилизованных флористических мотивов; *ChW* – 1 небольшой фрагмент поля; *SPW* – 1 частично реконструируемое блюдо. У большинства этих изделий плотный песчанистый черепок кирпично-красного цвета с хорошо заметными включениями извести.

Контекст находок следующий:

1. Комплекс на участке раскопа III в портовой части Сугдеи, изучен в 1967–1968 и 1994 гг. [Джанов, Майко 1998: 160–181]. Здесь, в слое, связанном с функционированием строения, обнаружены 3 фрагмента *FSW*,

³ См. публикацию И.Б. Тесленко и И.А. Александровой в настоящем издании.

3 обломка *IS/AW*, 1 – *ChW*. *Zeuxippus Ware (ZW)* и *Glazed White Ware IV (GWW IV)* отсутствуют.

Дата: XII – начала XIII вв.

2. Комплекс на участке раскопа VIII в портовой части Сугдеи, изучен в 2013 г. Слой темно-желтого суглинки, перекрывающий горизонты более раннего времени на полу крупной прямоугольной постройки. В составе комплекса обнаружен один фрагмент *PSW* и один обломок *FSW*. *ZW* и *GWW IV* отсутствуют.

Дата: XII – начало XIII вв.

3. Культурный слой на участке раскопа VIII в портовой части Сугдеи, изучен в 2010–2013 гг., подстилает конструкцию суфы и пол строения второй половины XIII–XV вв.; представляет собой верхний уровень заполнения крупной прямоугольной постройки, указанной выше. Среди находок из слоя – 2 фрагмента *FSW*. Кроме того, здесь найдены 2 фрагмента *ZW* и 6 обломков *GWW IV*.

Соответственно, слой может быть датирован временем не ранее первой половины (второй четверти?) XIII в. Фрагменты *FSW*, вероятно, перемещены из нижележащих отложений.

4. Культурный слой на площади квартала 1, изучен в 1994–1995 и 2001 гг. Представляет собой отложения серого глинистого грунта. Расположен на уровне фундамента кладки № XIII (крепостная ограда византийского периода), частично примыкает к ней. Из слоя происходит 3 фрагмента *FSW*, 1 – *ISW* и 1 – *ChW*.

Время формирования слоя можно определить в рамках конца XII в. – начала XIII в., что подтверждается находкой на полу одного из строений, примыкающего к куртине, монеты начала XIII в. [Майко 2012: 387–392].

5. Комплекс на участке раскопа IX в портовой части Сугдеи, изучен в 2008 г. [Майко 2012: 18–31]. Культурный слой на полу жилой постройки, связанный с её функционированием. Здесь обнаружены нижняя часть тарелки и 2 фрагмента стенок *IS/AW*. *ZW* и *GWW IV* отсутствуют.

Согласно стратиграфии и нумизматическому материалу, время формирования слоя может быть определено рубежом XII–XIII – первой четвертью XIII вв.

6. Культурный слой, подстилающий ремесленную постройку второй половины XIII–XIV вв. на участке Башни Бернабо ди Франки ди Пагано, изучен в 1971 г. Здесь обнаружен 1 фрагмент *FSW*. Однако полный состав находок из слоя до конца не ясен.

Датировка слоя предварительно может быть определена в широких хронологических рамках XII – середины XIII вв.

Таким образом, в Судакe, впервые для Крыма, на 6 участках (из них 4 в портовой части), выделены стратифицированные горизонты и комплексы, которые по встречаемости в них разных декоративных типов МБР могут быть датированы в рамках XII – начала/первой половины XIII вв. Это свидетельствует о том, что в течении указанного времени город продолжал поддерживать контакты с центрально-византийскими землями, причем как до завоевания их франками в 1204 г., когда сюда могла быть ввезена керамика типов *GBPW*, *FSW*, *PSW*, так и после. Ранние контакты с Латинской Романией, осуществлявшиеся, должно быть, посредством венецианских негодантов, маркируются находками *AW* и *ChW*. При этом место производства как ранних, так и поздних типов МБР с высокой долей вероятности можно связать с гончарными мастерскими Халкиса.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. – Симферополь, 2014а. Т. XIX. С. 240–277.
- АЙБАБИН А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. – Екатеринбург, 2014б. Вып. 42. С. 215–227.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Киев, 2005. С. 257–287.
- ГОЛОФАСТ Л.А., РЫЖОВ С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. Т. X. С. 182–260.
- ГУКИН В.Д., ДЖАНОВ А.В. Новые находки керамики византийского круга из раскопок портовой части средневековой Сугдеи в 2010–2011 годах // ТГЭ. – СПб., 2013. Т. LXIX: Византия в контексте мировой культуры. С. 30–39.
- ДЖАНОВ А.В., МАЙКО В.В. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI–XII вв. // ХСб. – Севастополь, 1998. Вып. IX. С. 160–181.
- ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV вв. – СПб., 2011.
- МАЙКО В.В. Стратиграфические исследования на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 363–393.

- МАЙКО В.В. Керамика Восточного Крыма второй половины X–XIII вв. – Saarbürcken. 2016.
- МАЙКО В.В. Византийский комплекс первой половины XIII в. в портовой части Сугдеи // Вестник ВолГУ. Серия 4 (История. Регионоведение. Международные отношения). – Волгоград, 2019. Т. 24. № 6. С. 18–31.
- МЫЦ В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики Монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в. // *Stratum plus*. – Кишинев, СПб., Одесса, Бухарест, 2016. № 6. С. 69–106.
- РАБИНОВИЦ А., СЕДИКОВА Л.В., ХЕННЕБЕРГ Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в Южном районе Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 196–274.
- РЫЖОВ С.Г., ГОЛОФАСТ Л.А. Поливная керамика из раскопок квартала X^a Северного района Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 2000. Вып. 31. С. 251–265.
- СЕДИКОВА Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 402–458.
- УШАКОВ С.В. Поливная керамика из комплексов XIII в. Северо-восточного района Херсонеса (квартал ХСVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Киев, 2005. С. 70–92.
- ЯКОБСОН А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979.
- HAYES J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The pottery. Princeton, N.J.; Washington, D.C., 1992.
- MORGAN C. Corinth XI. The Byzantine Pottery. – Cambridge, Mass., 1942.
- SANDERS G.D.R. Recent developments in the chronology of Byzantine Corinth // Williams C.K., Bookidis N. (eds.). Corinth. The Centenary: 1896–1996. – Princeton, 2003. Vol. 20. P. 385–399.
- WAKSMAN S.Y. Defining the main “Middle Byzantine Production” (MBP): changing perspectives in Byzantine pottery studies // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings (19–24 October 2015 Antalya), vol. 1. Koç University VEKAM. – Ankara, 2018. P. 397–408.
- WAKSMAN S.Y., WARTBURG M.-L. von. “Fine-Sgraffito Ware”, “Aegean Ware”, and other wares: New evidence for a major production of Byzantine ceramics”, Report of the Department of Antiquities. – Cyprus. 2006. P. 369–388.
- WAKSMAN S.Y., KONTOGIANNIS N.D., SKARTSIS S.S., VAXEVANIS G. The main “Middle Byzantine Production” and pottery manufacture in Thebes and Chalcis // Annual of the British School at Athens. – Athens, 2014. Vol. 109(1). P. 379–422.
- WAKSMAN S.Y., KOUTSOUFLAKIS G., BURLOT J., COURBE L. Archaeometric investigations of the tableware cargo of the Kavalliani shipwreck (Greece) and into the role of the harbour of Chalcis in the Byzantine and Frankish periods // Journal of Archaeological Science: Reports. – Elsevier, 2018. Nr. 21. P. 1122–1129.

WAKSMAN S.Y., WARTBURG M.-L. von. “Fine-Sgraffito Ware”, “Aegean Ware”, and other wares: new evidence for a major production of Byzantine ceramics // Report of the Department of Antiquities of Cyprus. – Nicosia, 2006. P. 396–388.

WARTBURG von M.-L., VIOLARIS Y. Pottery of a 12th century Pit from the Palaion Demarcheion site in Nicosia: a Typological and Analytical approach to a closed assemblage // Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval. – Ciudad Real, 2009. T. I. P. 249–264.

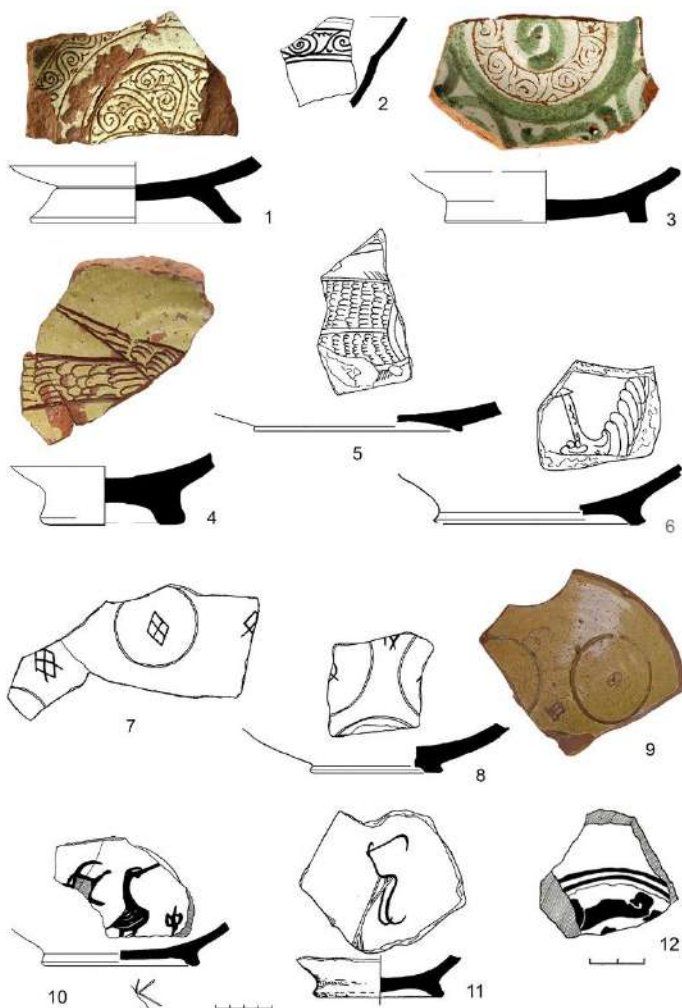

Рис. 1. Middle Byzantine Production из раскопок в Судакe и бухте Новый Свет. 1, 4 – из верхнего уровня заполнения постройки на раскопе VIII в портовой части; 2, 10, 12 – из слоя на уровне фундамента кладки № XIII на участке квартала 1; 3 – из культурного слоя на полу постройки на раскопе VIII в портовой части; 5–8, 11 – из культурного слоя на полу постройки на раскопе III в портовой части; 9 – из материалов подводных исследований в бухте поселка Новый Свет.

В.В. МАЙКО
Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПРЯЖКИ ИЗ СУГДЕИ

Судя по находкам с территории Судакской крепости и ее окрестностей, жители раннесредневековой Сугдеи носили привозившиеся из Византии небольшие цельнолитые или шарнирные пряжки (см. Рис. 1).

1. К самым ранним находкам этого типа относится щиток цельнолитой пряжки со стилизованным изображением листьев аканта типа «Сиракузы» (вариант Айбабин П4-1; тип Schulze-Dörrlamm D12) (Рис. 1,1) [Айбабин 1990: 43; Schulze-Dörrlamm 2002: 171–179], случайно обнаруженный на территории Судакской крепости [Захаров 2018: 101, № 47]. В Крыму однотипные пряжки найдены в Херсоне, гото-аланских могильниках Юго-Западного Крыма и на Боспоре [Хайрединова 2016]. Пряжки типа «Сиракузы» являются одним из самых распространенных видов византийских поясных застёжек, бытовавших в VII в. на широком пространстве от Пиренейского полуострова до Северного Кавказа и от Северной Африки до Южной Британии [Айбабин 1990: 43; Schulze-Dörrlamm 2002: 176, Abb. 62]. В Юго-Западном Крыму их продолжали носить еще и в начале VIII в. [Хайрединова 2016].

2. На территории посада Судакской крепости, возле подножия горы Перчем в 2018 г. найдена бронзовая цельнолитая пряжка с овальным кольцом с продолговатым фигурным щитком, украшенным перекрещивающимися линиями (Рис. 1,2) (вариант Айбабин П-8; тип Schulze-Dörrlamm D20). В Крыму такие пряжки известны в могильниках на склоне Эски-Кермена [Айбабин 1982, рис. 10, 12], Алмалык-Дере, Узень-Баш, Аромат [Лобода 1976, рис. 4,9-10], Скалистое [Веймарн, Айбабин 1993] и Лучистое [Айбабин, Хайрединова 2008].

В Лучистом все пряжки с продолговатым щитком и перекрещивающимися линиями лежали в детских погребениях, в области пояса [Хайрединова 2008: 168, рис. 4, 5–7].

Пряжки этого типа бытовали во второй половине VII в. – первой половине VIII в. В Лучистом пряжки зачищены: в склепе 186 – в слое с орлиноголовой пряжкой 5 варианта и солидом Константа II 647/48 гг., в склепах 10 и 105 – в слоях конца VII – первой половины VIII вв. На склоне Эски-Кермена однотипная пряжка выявлена в склепе 257 второй половины VII в. [Айбабин 1982: 185, рис. 10, 12]. На Крите, в Элеутерне, такая пряжка найдена в жилище, относящемся к периоду середины VII – начала VIII вв. с монетами Константа II (фоллисы выпуска 651/54 и 652/55 гг.) [Poulou-Paradimitriou 2005: 697], в Коринфе – в одной из могил у базилики Кранейон с монетами Константа II (641–668) и пряжкой типа «Сиракузы» [Pallas 1981: 298, fig. 5].

3. В 1987 г. в склепе 2 биритуального некрополя с внешней стороны куртины 14 Судакской крепости, в потревоженном во второй половине XIII в. гумусированном слое в южной части могилы найден бронзовой ажурный щиток сердцевидной формы от шарнирной пряжки типа «Болонья» (рис. 1,4) [Баранов 2003: 6, рис. 7,17]. По размерам пряжка относится к варианту 1-1, бытовавшему в Крыму во второй половине VII в. [Айбабин 1990: 46, рис. 42,10]. Однотипные пряжки известны на территории Италии, Греции, Северной Африки и Малой Азии, где время их бытования относится к первой половине – третьей четверти VII в. [Schulze-Dörrlamm 2009: 29–33, Typ E8, Abb. 12].

4. При проведении подводных исследований в Судакской бухте в 2006 г. найден бронзовый щиток шарнирной пряжки типа «Коринф» с небольшим диском на завершении варианта 2 (рис. 1,5). Аналогичные пряжки варианта 2 многочисленны в Крыму [Айбабин, Хайрединова 2008] и распространены на территории Италии, Греции и Малой Азии [Davidson 1952: Pl. 114,2192–2196; Avraméa 1997: Pl. III; IVa,2; Schulze-Dörrlamm 2009: 19–26, Typ E6, Abb. 7]. В Херсоне выявлены свидетельства производства данных пряжек. В Лучистом в склепе 54 в верхнем слое пряжка типа «Коринф» варианта 2 сопровождалась типичной для салтовской культуры второй половины VIII – IX вв. пряжкой варианта II-1, а в Скалистом в склепе 307а – рифлеными салтовскими бубенчиками [Веймарн, Айбйбин 1993: 64, рис. 2–4]. В Византии пряжки типа Коринф варианта 2, в основном, найдены без датирующих вещей или монет. На острове Крит однотипная пряжка

находилась в слое с керамикой VIII – начала IX вв. [Poulou-Papadimitriou 2005: 699]. Судя по стратиграфии захоронений в Лучистом в склепах 39 и 54, пряжки типа Коринф варианта 2 использовали в Крыму во второй половине VIII – начале IX вв.

5. В некрополе, расположенном с внешней стороны куртины 14 Судакской крепости, в 1988 г. в склепе 3, в области таза одного из костяков обнаружен бронзовый щиток шарнирной пряжки, отлитый с тремя выступами на завершении (Рис. 1,6) [Баранов 2003: 6, рис. 3,9]. В Крыму аналогичные пряжки обнаружены в Херсоне и в Суук-Су, в могиле 97. Крымские пряжки относятся к группе застежек с щитком в форме «насекомого», бытовавшим в Испании, на Сицилии, на Юге Италии и Греции, на Кипре и на Северном Кавказе [Schulze-Dörrlamm 2009: 36–38, Тур E11, Abb. 16]. М. Шульце-Дёррлам датировала их второй половиной VII – началом VIII в. В Судаке щиток описываемой пряжки найден в погребении вместе с салтовскими вещами второй половины VIII–IX вв.: наконечником с прорезным растительным орнаментом и коромыслообразной копоушкой с выделенной петлей на середине длины.

6. В 1994 г. в могиле 32 некрополя Судак-VI, в погребении взрослого, в области пояса выявлена бронзовая шарнирная пряжка с овальной рамкой и подтреугольным щитком со стилизованным растительным орнаментом (Рис. 1,7) [Баранов, Майко, Джанов 1997; Майко 2007: 157, рис. 100,2]. Подобные пряжки найдены на некрополе Эски-Кермена, в склепе 290 [Айбабин 1993: 368, рис. 3,1], в могильнике у с. Верхоречье [Волошинов 2005: 255, рис. 2,9], а также на территории Малой Азии [Schulze-Dörrlamm 2009: 34, 35, Тур E10].

7. В 1994 г. в могиле 42 некрополя Судак-VI, в погребении взрослого, в области пояса обнаружена бронзовая шарнирная пряжка (длина 5,5 см) с овальной рамкой и прямоугольным щитком с заостренной тыльной частью, с прорезанным по центру крестом с расширяющимися концами (Рис. 1,8) [Баранов, Майко, Джанов 1997; Майко 2007: 158, рис. 101,2]. Подобные пряжки с прорезным крестом на щитке бытовали в Византии в VIII в. [Schulze-Dörrlamm 2009: 147, F4].

Большинство цельнолитых и шарнирных пряжек, выявленных в Крыму, являются привозной византийской продукцией. В Юго-Западном Крыму импортная продукция поступала, в основном, через Херсон, который уже со второй половины V в. был главным экономическим партнером для местных жителей, снабжавших его недостающей сельскохозяйственной продукцией. В Сугдею византийские изделия могли поступать напрямую из империи. Находки в Судаке печатей коммерциариев подтверждают существование торговых отношений Сугдеи

с Малой Азией в первой половине VIII в. [Шандровская 1995: 120–122]. Из Судака происходит и печать второй половины VIII – рубежа VIII/IX вв. с именем Феофана халкопрата – лица, связанного с торговлей медью или изделий из меди (Рис. 2). По мнению В.С. Шандровской, печать халкопрата была ввезена в Сугдею вместе с деловым документом, сопровождавшим доставку груза (медных слитков или изделий из меди), либо ею было опечатано послание об отсылке товаров, или предложение об их продаже [Шандровская 2000: 253, 254].

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – Симферополь, 1990. Вып. I. С. 3–86.
- АЙБАБИН А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Т. III. С. 121–134.
- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Могильник у с. Лучистое. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. – Симферополь; Керчь, 2008. Т. I.
- БАРАНОВ В.И. Судакские склепы // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2003. № 2. С. 4–17.
- БАРАНОВ И.А., МАЙКО В.В., ДЖАНОВ А.В. Раскопки средневековой Сугдеи // Археологические исследования в Крыму 1994 г. – Симферополь, 1997. С. 38–45.
- ВЕЙМАРН Е.В., АЙБАБИН А.И. Скалистинский могильник. – Киев, 1993.
- ВОЛОШИНОВ А.А. Раннесредневековый склеп на могильнике у с. Верхоречье Бахчисарайского района // МАИЭТ. – Симферополь, 2005. Вып. XI. С. 252–257.
- ЗАХАРОВ В.А. Археологические разведки в 2016-2017 годах на территории объекта культурного наследия федерального значения Комплекс сооружений Судакской крепости VI–XVIII вв. (XIV–XV вв.). – Симферополь, 2018.
- ЛОБОДА И.И. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. – М., 1976. № 2. С. 236–252.
- МАЙКО В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – Киев, 2004.
- МАЙКО В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. – Киев, 2007.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 161–183.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // БИ. – Керчь, 2016. Вып. XXXIII. С. 242–265.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // АДСВ. – Симферополь, 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 119–123.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 247–255.
- PALLAS D. Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avars et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. // Byzantinobulgarica – Sofia, 1981. Vol. VII. P. 295–318.

POULOU-PAPADIMITRIOU N. Les plaques-boucles byzantines de l'île de Crète (fin IVe – IXe siècle) // Travaux et Mémoires. – Paris, 2005. Vol. 15. Mélanges Jean-Pierre Sodini. P. 687–704.

SCHULZE-DORRLAMM M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. – Mainz, 2002. Teil 1.

SCHULZE-DORRLAMM M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. – Mainz, 2009. Teil 2.

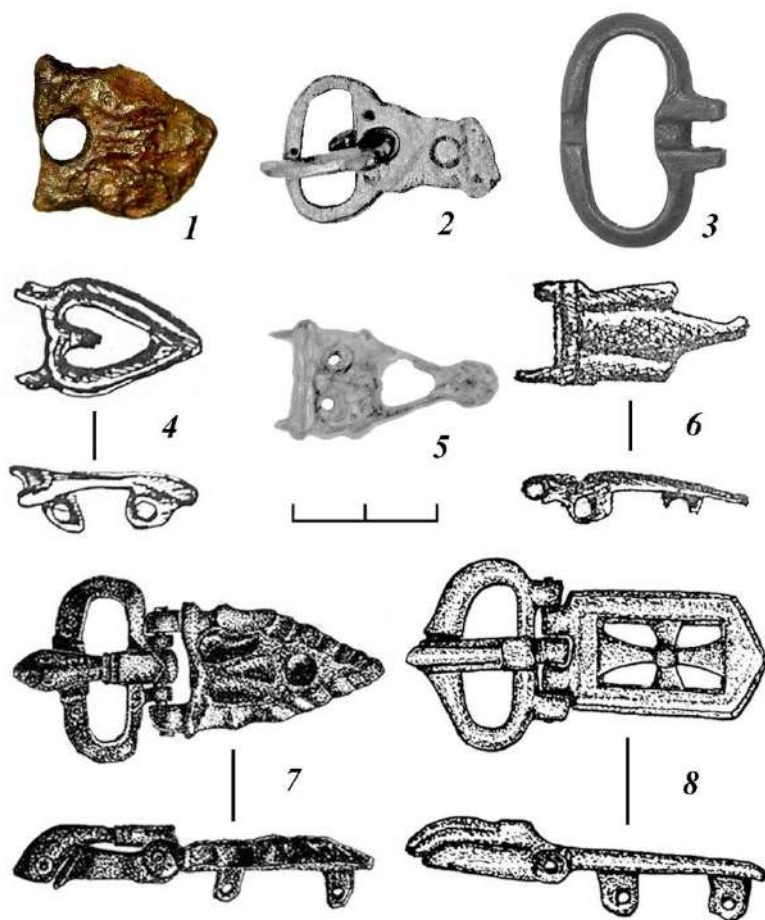

Рис. 1. Византийские пряжки раннесредневекового времени из Сугдеи.

ΤΩ-ΣΩ-ΔΥ-ΛΩ

Богородица, помоги своему рабу

+ΘΕΟ
⟨Φ⟩ΝΙΧΑ
⟨Λ⟩ΚΟΠΡΑ
ΤΗ

Феофану, халкопрату

+Θεο-
φάν(ε)ι χα-
λκοπρά-
τη

Рис. 2. Печать второй половины VIII – рубежа VIII/IX вв.
с именем Феофана халкопрата из Судака
(по: Шандровская 2000: 253–254).

А.М.Л. МАКАРОВА

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва)

**ЕВГЕНИЙ ТРАПЕЗУНДСКИЙ
И ЗАКАВКАЗСКИЕ СВЯТЫЕ В РОСПИСЯХ ТИМОТЕСУБАНИ
(около 1206–1215 гг.)**

На рубеже XII–XIII вв. процесс формирования состава святых в западных частях грузинских храмов приобретает выраженный региональный характер благодаря добавлению нового круга образов св. мучеников и воинов, почитаемых в Закавказье. Этот процесс становится все более интенсивным в памятниках времени царицы Тамары¹ и находит свою вершину в воинской программе Тимотесубани (около 1206–1215 гг.), по масштабам не имеющей аналогов в грузинской монументальной живописи [Привалова 1980].

Среди нового круга святых надо отметить образ св. Евгения Трапезундского. Впервые этот святой упоминается в сочинении Прокопия Кесарийского (около 500 – около 565 гг.) «О постройках»². Между 1028 и 1030 гг. патриарх Иоанн VIII Ксифилин, родившийся в Трапезунде, описывает связанные с ним чудеса, после чего в Византии св. Евгений начинает почитаться наряду с другими святыми, происходящими из понтийских земель, без специального подчеркивания его трапезундского происхождения.

¹ После захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. и распада Византийской империи для Грузии жизненно важными становятся вопросы участия в становлении самостоятельного Трапезундского царства. Царица Тамара поддерживает политику Великих Комнинов, способствуя установлению их господства в понтийских землях и рассчитывая на их помощь в отражении натиска сельджуков [об этих событиях подробно см: Карпов 2007].

² «Вот что было сделано императором Юстинианом в стране тзанов. За этими крепостями в области, которая лежит по берегу Эвксинского Понта, есть город по имени Трапезунт. Так как жители его страдали от недостатка воды, то император Юстиниан выстроил им водопровод, который называют водопроводом «мученика Евгения»; этим он избавил жителей города от недостатка в воде» (Procop. De aedificiis. III 7,1).

Именно так он представлен и в сцене мученичества на миниатюре в Минологии императора Василия II (Vat. gr. 1613, f. 335, 976–1025), вместе с Кандидом, Валерианом и Акилой.

С образованием Трапезундской империи культ святого воина Евгения приобретает новое звучание. Здесь он становится патрональным святым. С 1266 г. в Трапезунде начинают чеканиться монеты с изображением св. Евгения и императора. В Софии Трапезундской медальон со св. Евгением сопровождал несохранившийся образ императора Мануила I Великого Комнина [см. Карпов. 2007: 110].

Среди сохранившихся памятников монументальной живописи времени Трапезундской империи изображение св. Евгения известно намного раньше – речь идет о церкви Богородицы в Тимотесубани³. Здесь св. Евгений изображен на западной стене в ряду четырех ростовых фигур воинов, попарно справа и слева от входа. Е.Л. Привалова атрибутирует его на основании надписи на асомтавули [Привалова 1980: 100], в настоящее время уже едва читаемой: «Евгений Трапизонели». В контексте воинских образов это географическое указание надписи очень важно. Дело в том, что, по всей вероятности, в Тимотесубани есть изображение еще одного св. мученика с именем Евгений, но не трапезундского воина.

Речь идет об одном из пяти широко почитаемых в византийском мире мучеников Евстратии, Авксентии, Евгении, Мардарии и Оресте Араваркских, размещенных на южном устье западной части храма. В Тимотесубани надпись с именем Евгений не сохранилась, но Е.Л. Привалова, на основании чтения сохранившихся имен остальных четырех святых, делает убедительный вывод о принадлежности фигуры с утраченным именем св. Евгению [Привалова 1980: 102].

Аналогично можно предположить, что на западной стене Тимотесубани вместе со св. Евгением Трапезундским находятся воины Кандид, Валериан и Акила с утраченными надписями.

В целом, в Тимотесубани представлен развернутый цикл святых, связанных с закавказским миром и близкими Закавказью землями.

Интересно появление среди святых этого ряда князей-мучеников Давида и Константина Арагвечи [Привалова 1980: 102] (изображение второго не сохранилось), – имеретинских эриставов, которые подверглись

³ Как указывают А.Ю. Виноградов и Ю.А. Казачков, «...перед императорским периодом истории Трапезунда (1204–1461) традиция народного почитания св. Евгения на какое-то время была прервана» и возобновилось только в XIV в. [см. Виноградов, Казачков 2008: 95–103], однако для Грузии в этом смысле необходимо сделать исключение, о чем свидетельствует воинская программа в Тимотесубани.

мучениям и были утоплены в р. Риони в 740 г. при нашествии на Кутаиси арабского полководца Мурвана Глухого. Их мощи были обретыены при царе Баграте IV (1027–1072) и в настоящее время находятся в монастыре Моцамета вблизи Кутаиси. Из редчайших изображений св. братьев-князей фреска в Тимотесубани является самой ранней.

Таким образом, можно предположить, что росписи Тимотесубани (в которых впервые объединился сонм закавказских святых и воинов) несут отпечаток современных политических событий того времени, когда объединение всего понтийско-закавказского мира – от Картли до среднего течения Евфрата – являлось одной из главных региональных задач.

Библиография

- ВИНОГРАДОВ А.Ю., КАЗАЧКОВ Ю.А. Евгений, Кандид, Валериан и Акила // Православная энциклопедия. – М., 2008. Т. 17. С. 95–103.
КАРПОВ С.П. История Трапезундской империи. – СПб., 2007.
ПРИВАЛОВА Е.Л. Роспись Тимотесубани. Исследование по истории грузинской средневековой монументальной живописи. – Тбилиси, 1980.

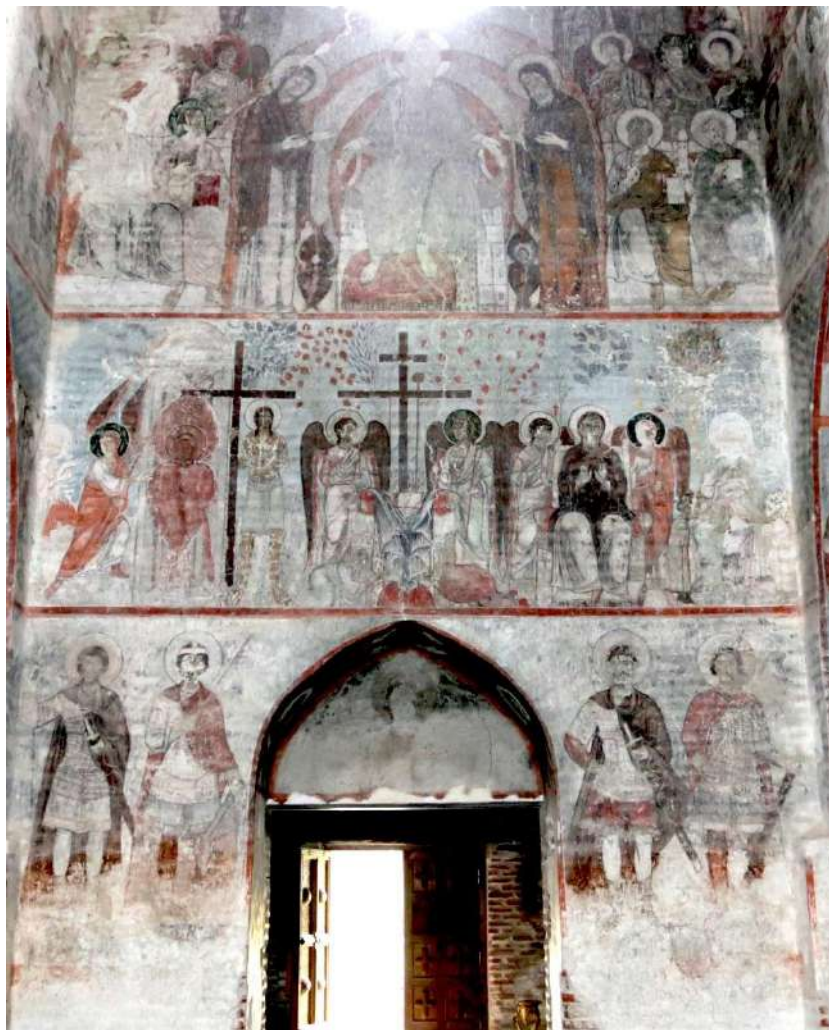

Рис. 1. Тимотесубани. Роспись западной стены храма.
Около 1206 – 1015 гг. Св. воины: вторая к северу от входа фигура –
св. Евгений Трапезундский (фото автора, 2015 г.).

С.Н. МАЛАХОВ

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
(Владикавказ)

АЛАНЫ В ВИЗАНТИИ В X–XIV ВВ.

После крещения правителя Алании в 914 г. и последовавшей за этим событием массовой христианизацией населения, военное наемничество со стороны алан все более сопрягается с исполнением союзнических функций по отношению к единой Византии. В сочинении «Об управлении империей» Константин Багрянородный отмечает важную роль Алании, которую она начинает играть на северо-восточном фланге византийской ойкумены с середины X в.: пресекает возможную угрозу со стороны Хазарского каганата для Херсона, Климатов и Боспора [Константин Багрянородный 1989: 11₁₋₁₁]. Вероятные операции со стороны эксусиократора Алании против западных провинций Хазарии были более эффективны в интересах империи, чем переброска аланских наемников для защиты границ Византии в Закавказье и Малой Азии. Переход через перевалы Северо-Западного Кавказа был затруднен для многочисленного конного войска и ограничен сезонной доступностью: пройти по горным перевалам можно было только с мая по сентябрь. Последнее обстоятельство создавало условия для длительных задержек аланских наемников в пределах Византийской империи.

По свидетельству арабских и грузинских источников, военный потенциал Алании мог достигать от 30 до 40 тысяч, но основную часть такого войска составляли ополченцы [Сланов 2007: 31, 32]; регулярное войско, которое под началом «властодержца» Алании отправлялось в дальние походы, было гораздо меньшей численности. По археологическим данным Змейского могильника, профессиональные воины составляли не более 22,6% от взрослого мужского населения [Кузнецов 1992: 264–267; Сланов 2007: 31]. Никифор Вриенний сообщает, что в помощь императору Михаилу VII Дуке (1067–1072) правитель Алании направил 6 тысяч воинов, но они отказались от службы, не получив денег [Nicephori Bryennii 1837: 83₁₆–84₁]. Вероятно,

это была максимальная численность профессионального войска, которое могло покинуть пределы Алании для оказания союзнической помощи Византии.

Фемное войско в Византии исчезает в правление Константина IX Мономаха (1042–1055). В середине XI – начале XII вв. укрепляются династические матримониальные связи империи и Алании, сопровождавшиеся ростом и активностью аланской диаспоры как при императорском дворе, так и в системе военной и гражданской службы.

В X – первой половине XI вв. аланские отряды преимущественно возвращались на родину. Свидетельств о переходе их в статус стратиотов с получением земли в византийских источниках не имеется (впрочем, это не означает, что не было исключений). Несколько иной была судьба представителей аланской военной знати из окружения, сопровождавшего заложницу-севасту, дочь аланского правителя при дворе Константина IX и Марию (Марфу) Аланскую, племянницу эксусиократора Алании, которая дважды длительное время жила в Константинополе, при императрице Феодоре (1054–1056) и после 1065 г., когда, вновь приехав в Византию, была выдана замуж за сына Константина X Дуки (1059–1067), будущего императора Михаила VII (1071–1078), а затем оказалась супругой Никифора III Вотаниата (1078–1081) [Leib 1950: 129–140; Mullet 1984: 202–211; Garland, Rapp 2006: 91–124].

Середина – вторая половина XI в. – период наиболее интенсивного вхождения алан в состав господствующего класса Византии. Аланский эксусиократор Росмик лично командовал своими соотечественниками, «отважными аланами», в сражениях византийцев против Бозмунда Тарентского в Эпире (Восточная Албания) в 1108 г. [Анна Комнина 1965: 353]. Придворное звание и православное имя эксусиократора алан Росмика отражено на печати начала XII в., опубликованной В. Зайбтом. На аверсе печати изображен апостол Андрей с крестом в рост. Надпись на реверсе гласит: «+ Господи, помоги рабу твоему севасту Росмику» [Seibt 1978: 311, 312, Nr. 170]. Этимология имени Росмик (Ῥωσμίκης) объясняется из иран. *razman*, ‘стоящий в одном боевом порядке’, ‘военный ряд’ [Seibt 1978: 312; Justi 1895: 260]. В.И. Абаев отмечал, что авест. *rasman*, – в осетинском неизвестно, но указал близкое по звучанию и значению ираноязычное имя – ორმარაქოს, ‘состоящий в том же отряде’, ‘боевой товарищ’ [Абаев 1949: 177]. Это имя, как и другие имена аланских наемников, прямо свидетельствует об их ираноязычности.

Сфагистические данные прямо указывают на аланское происхождение некоторых представителей византийской знати. Фиксация от этнонимического патронима на печатях в форме «Алан» не

позволяет конкретно говорить о происхождении алан, оказавшихся на ромейской службе – были они выходцами с Северного Кавказа или из Крыма, но дает основание датировать (хотя не всегда точно) процесс активного включения алан в состав придворной и провинциальной знати. По печатям известны должности и имена лиц, оставшихся на ромейской службе: протоспафария Сергия Алана (первая половина XI в.), анфипата и катепана Григория Алана, который в 1060–1090 гг. последовательно прошел разные ступени в своей карьере: имел придворные чины и военные должности патриция и стратига, протопроедра и дуки; к последней четверти XI в. относится печать протоспафария и ипата Леонтия Алана [Campragnolo-Pophitou, Cheynet 2006: nr. 84, 189, 193]. По сведениям Вриенния и Анны Комниной при дворе Никифора III Вотаниата находился магистр Иоанн, происходивший из алан и входивший в окружение Марии Аланской [Малахов 2015: 142, 143]. В 1045–1047 гг. «слуга» императора Константин Алан командовал византийскими, ивирскими и армянскими отрядами при неудачной осаде Двина, а затем подавлял мятеж Льва Торника в окрестностях Константинополя [Scylitzae 1973: 437³⁷⁻³⁸; 439⁹⁵]. Ко второй половине XI в. относится печать вестарха Никифора Алана, катепана Херсона и Хазарии [Алексеевко, Цепков 2012: 7–17].

Военная специализация аланской знати на ромейской службе находит отражение в именах святых патронов, изображенных на аверсе булл: святые воины Георгий, Феодор и Димитрий. Святой Георгий в образе пешего воина представлен на печати Константина (сына), протопроедра и экскусиократора всей Алании, относящейся к 1068–1078 гг. [Малахов 2019: 66]. Алано-византийские контакты в военной сфере поддерживались на протяжении всего XII в. В начале столетия аланы упоминаются среди жителей Константинополя; весной-летом 1156 г. они участвуют в кампании, развернувшейся в Южной Италии; «аланские союзники» воюют с врагами империи в 1177–1179, 1185, 1189 гг. [Малахов 2015: 88–94].

Децентрализация Алании, наступившая вследствие монгольского нашествия, а также временный распад Византийской империи после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г., привели к смене политических ориентиров аланской знати. Военный потенциал ослабшего Аланского государства стал использоваться в интересах Монгольской державы и Золотой Орды. Часть аланского населения переходит на кочевой и полукочевой образ жизни, хотя по возможности пытается найти спасение в землях Византии на правах колонистов.

В правление Андроника II (1282–1328) иностранные наемники – последняя надежда слабеющей империи. Аланы, оказавшиеся на ее территории, задерживались на длительный срок, переходили на положение воинов-стратиотов, получая в надел земельные участки, которые гарантированно обеспечивали им исполнение военной службы в качестве всадников. Как правило, аланские наемники, как и многие другие, ранее служившие в войсках Византийской империи в X–XI вв. (русские, варяги, венецианцы, амальфитяне, лонгобарды, ивиры, авасги, печенеги, турки, арабы, болгары, влахи и др.), получали от государства за выполнение службы жалованье-плату [Литаврин 1977: 252–253]. Эта особенность сохранялась и в начале XIV в.: от византийца-стратиота аланского наемника отличало то, что последний получал жалованье [Cantacuzenus 1828: 287²⁰⁻²²]. Выплаты осуществлялись из государственной казны за счет налоговых сборов и фискализации стратий. Землю наемники получали от имени императора, расселялись компактно, сохраняя определенное время (в первых двух-трех поколениях) этническую идентичность с последующей ассимиляцией и интеграцией в византийскую социально-экономическую систему. В дальнейшем третье-четвертое и последующие поколения осевших иноземцев воспринимались ромеями исключительно как «свои» в статусе воинов-стратиотов.

Как правило, источником земельных пожалований был императорский домен, но нередко власть осуществляла изъятие частных опустевших земель и распределение их между иноземцами, записавшимися на службу. В критические моменты наемников немедленно довооружали. Так, Андроник II приказывает снабдить аланские отряды, прибывшие в Византию, численностью от 10 до 16 тысяч, необходимым вооружением и лошадьми за счет стратиотов. Как отмечали Георгий Пахимер и Никифор Григора, аланские наемники, кроме выданного жалованья, получили лошадей, изъятых у стратиотов, и были обеспечены необходимым оружием [Pachumèès 1999: 337–339, 341–345; Gregoras 1829: 205].

С этим последним компактным расселением алан в первой четверти XIV в. в Византии, следует, вероятно, связывать хороним «Аская земля», упоминаемый между византийскими владениями и Сербским королевством: «За Сербскою землею на полпути меж Сербом и Царяградом небольшая земля, имя ей слово Аская...» [ПСРЛ 1977: 147]. В этом названии отразился автоэтноним аланов: *Ас*, *Асы*, от чагат. *Аз* [Фасмер 1987: 564] и известный в древнерусских летописях в форме

Ясин, мн.ч. *ясы* [ПСРЛ 1962: 65, 291, 446, 504, 525]; прилагательное *ясьскъ* (*ясьскый* > *асийскый* > *аскый*) имело этнонимическое происхождение и принадлежало к фонду древнерусской лексики домонгольского периода.

Письменные и сфрагистические данные указывают на тесные связи Алании и Византийской империи в X–XII вв., вызванные вхождением северокавказского государства в «византийское содружество». Аланские наемники служили за плату и выполняли договорно-союзнические обязательства по отношению к Византийской империи, особенно в период алано-византийского династического сближения во второй половине XI в. С началом XIII в. возникает кризис в двухсторонних отношениях. Распад аланской государственности привел к их фактическому разрыву в военно-политической сфере, но в эпизодической форме, со стороны отдельных групп алан, эти контакты продолжались до первой трети XIV в.

Библиография

- АБАЕВ В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.; Л., 1949. Т. 1.
- АЛЕКСЕЕНКО А.Н., ЦЕПКОВ Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии? // ХСб. – Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
- Анна Комнина. Алексиада / перевод и комментарий Я.П. Любарского. – М., 1965.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М., 1989.
- КУЗНЕЦОВ В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992.
- ЛИТАВРИН Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. – М., 1977.
- МАЛАХОВ С.Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. Избранные статьи. – М., 2015.
- МАЛАХОВ С.Н. Православные властодержцы Алании: антропонимы и небесные покровители // Аланское Православие: История и культура. Материалы VII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» / Отв. ред. М.Э. Мамиев. – Владикавказ, 2019. С. 55–82.
- Холмогорская летопись // ПСРЛ. – М., 1973. Т. 33.
- Лаврентьевская или Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. – М.; Л., 1962. Т. 1.
- СЛАНОВ А.А. Военное дело алан I–XV вв. / Под ред. Р.С. Бзарова. – Владикавказ, 2007.
- ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1987. Т. IV.
- CAMPAGNOLO-POPHITOU M., CHEYNET J.-Cl. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. – Genève, 2016.

- GARLAND L., RAPP Jr.S.H. Mary 'of Alania': Women and Empress between Two Worlds // *Byzantine Women: Varieties of Experience AD 800–1200*. – London, 2006. P. 91–124.
- GEORGES PACHYMÉRÈS. *Relationes historiquae* / Éd. par. A. Failler, trad. par. V. Laurent. – P., 1999. Vol. IV: Liv. X–XIII.
- Ioannes Cantacuzenus. *Historiae*: in 3 vols. – Bonnae, 1828. – Vol. 1.
- JUSTI E. *Iranishes Namenbuch*. – Marburg, 1895.
- LEIB B. Nicéphore III Botaneiatès (1078–1081) et Marie d'Alanie // *Actes du VI-e Congrès international d'etudes byzantines*. – Paris, 1950, T. I. P. 129–140.
- MULLET M. The «Disgrace» of the Ex-Basilissa Maria // *Byzantinoslavica*. – Pracha, 1984. T. 45. P. 202–211.
- Nicephori Bryennii *Commentarii* / Rec. A. Meineke. – Bonnae, 1837.
- Nicephorus Gregoras. *Historia Romana*: in 3 vols. / L. Schopen, I. Bekker (eds.). – Bonnae, 1829. Vol. 1.
- Scylitzae Ioannis. *Synopsis historiarum* / Ed. I. Thurn // CFHB. – Paris, 1973. Vol. 5.
- SEIBT W. *Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich*. – Wien, 1978. I. Teil. Kaiserhof.

О.В. ОШАРИНА

Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

ЛЕВ, КОТОРЫЙ «ВЕРУЮЩИХ СПАСАЕТ И ВРАГОВ ПОПИРАЕТ»

Лев, один из тех немногих христианских образов, символика которого отличается особой сложностью в интерпретации, что находит отражение и в письменных источниках. Уже ветхозаветная традиция показывает его двойственную природу. С одной стороны, лев символизирует царя зверей и, подобно орлу, может смотреть на солнце (Еккл.11:7), с другой, его изображения олицетворяют силы ада в сценах сражений и композициях с известными ветхозаветными героями Давидом, Самсоном и пророком Даниилом.

В античный период образ льва связан с дионисийским кругом сюжетов. Связь же с хтоническим аспектом дионисийского культа проявляется в том, что его изображения используются в качестве охранителя могил и водных источников.

В неканоническом «Евангелии от Фомы» из Наг-Хаммади Иисус говорит: «блажен тот лев, которого съест человек, и лев станет человеком. И проклят тот человек, которого съест лев, и лев станет человеком» [Апокрифы 1989: 250]. В данном случае, на наш взгляд, образно выражается идея борьбы в человеке животного и божественного начала. В александрийском «Физиологе», сочинении анонимного автора II века, вероятно, впервые ясно выражается одно из главных символических значений образа льва как символа Воскресения. Этот же рассказ содержится в более поздних средневековых bestiариях [Средневековый Бестиарий 1984: 75]. Уже ранним отцам церкви была знакома эта двойственность символики льва, поэтому Кирилл Александрийский, объясняя правомерность

сравнения Христа со львом, подчеркивает разницу между львом, «врагом нашим, который рыкает и поглощает обольщенных, и льва, который верующих спасает и врагов попирает» [Кирилл Иерусалимский 1991: 123].

Особенно много сведений о символике льва встречается среди коптских письменных источников, носящих иногда довольно противоречивый характер. В коптском «Апокалипсисе Ильи» (IV в.) говорится о Царе мира, который возлежит на море как рыкающий лев и убьет Царя несправедливости» [Изречения 1976: 215]. В коптской литературе львы часто сопутствуют египетским святым и пустынноикам. Сохранилось много историй и легенд о львах, покорно служивших египетским пустынноикам. Житие Павла Фивейского стало известно благодаря ученикам папы Антония и было записано Иеронимом Стридонским, рассказавшим о последних днях жизни святого, могилу которому вырыли посланные Спасителем львы.

Прототипом для создания композиций, включающих изображения льва, послужили многочисленные образцы эллинистического искусства, а также памятники, связанные с ветхозаветной традицией, идущей из Сирии, и ближневосточными мотивами, переработанными сасанидскими мастерами в течение нескольких веков. Образ льва как стража могил и водных источников в античный период продолжает использоваться в качестве апотропея на самых разнообразных предметах бытового и культового назначения и в раннехристианское время. Так, в собрании Эрмитажа хранятся парные скульптурные изображения львов, выполненные из известняка, представляющие собой подставку для сосудов с водой [Каковкин 2004: 92, № 84]. Также фигурки львов, служившие ручками для самой разнообразной бронзовой утвари: чаш, светильников и курильниц, выполняют здесь охранительную функцию.

Наиболее полно типология композиций с изображениями льва прослеживается на тканях, что, возможно, объясняется их многочисленностью. Один из самых ранних типов изображений животного на позднеантичных тканях датируется III–IV вв., представляя собой медальон, в котором помещается изображение прыгающего льва (Рис. 1). Эти медальоны нашивались на туники и одновременно являлись не только украшением, но и своеобразным защитным амулетом, что подчеркивается, например, использованием формы восьмиконечной звезды, которая с раннего времени была в Египте известным охранительным символом [Maguire 1990: 216].

Эти композиции продолжает свое дальнейшее развитие в VI–VIII вв. Изменяется только стиль изображений: плоскостность приходит на смену пластичности, античное подражание природе заменяется стилизацией.

Значительную группу памятников, включающих изображения льва, составляют сцены с дионисийской тематикой, в частности, с мотивом «населенная лоза», когда в медальоны, образуемые плетением пышных листьев аканфа или винограда, вписаны фигуративные изображения эротов, собирающих виноград, вакхантов и вакханок, воинов со щитами и копьями, различных животных: кабанов, ланей, львов, собак и зайцев. Чаще других животных встречается изображение льва, как символа христианского Воскресения [Grabar 1968: 74]. В коллекции Эрмитажа хранится фрагмент обрамления ворота туники с редким сюжетом – Дионисом, сидящим на льве (Рис. 2). Чаще всего Дионис изображается в сопровождении его священного животного – пантеры или, как на эрмитажном фрагменте, льва. Подобные композиции известны только на позднеантичных саркофагах.

Изображение льва часто встречается в сценах охоты. Они в аллегорической форме выражали победу добра над злом, наглядно демонстрировали триумф жизни над смертью. На фрагменте шерстяной туники (ДВ 11637) представлен раппорт, состоящий из атакующих львов всадников с копьями в руках и чередующихся фигур львов и собак в следующем ряду. Композиция туники напоминает византийские образцы со сценами охоты на изделиях из слоновой кости.

Охотничьи сцены с симметрично расположенными всадниками, которых сопровождают львы, возникли под влиянием памятников ближневосточного искусства. Особой тонкостью отличались работы, выполненные из шелка, несколько образцов которого хранятся в коллекции Эрмитажа (ДВ 9472). Изображения пеших охотников представляют собой реминисценции на тему сказаний о Гильгамеше в единоборстве героя со львом. Львы изображались здесь в вертикальном положении, стоящими на двух лапах, иногда вниз головами, или припавшими головами к ногам героя. «К стандартной для сасанидской глиптики древневосточной композиции (царь или герой сражается с вздыбившимся львом), – отмечал В.Г. Луконин, – достаточно было прибавить второго льва» [Луконин 1963: Табл. VI,188-189]. Так появляется сюжет «Даниил во рву львином», в дальнейшем получивший значительное распространение на сасанидских геммах, затем на раннехристианских памятниках и позднее в византийском искусстве.

Ближневосточное влияние прослеживается и в композиции с изображением львов по сторонам канфара (ДВ 12513), из которого вырастает виноградная лоза, символизирующая древо жизни, как, например, на известняковом рельефе VII–VIII вв. из Бауита [Effenberger 1975: Abb. 26]. Ткани с подобной композицией известны в нескольких музейных коллекциях [Шуринова 1967: 205, 206]. Здесь акцентируется внимание на виноградной лозе, как символе древа жизни. Иконография сюжета восходит к древневосточным образцам, но может отражать и связь с ветхозаветной традицией: древом Исаяи, охраняемым львом.

В сложении и формировании рассмотренных композиций одни изображения выполняли функцию оберега или защитного амулета, другие намекали на близость к картине рая, третьи воспринимались как символ христианского воскресения. Лев, символ неукротимых жизненных энергий, иногда олицетворял собой животное начало, без преодоления которого невозможно ни нравственное совершенствование, ни приобщение к Богу: иногда – силу самой жизни, сотворенной Богом, – неотъемлемую часть души любого человека.

Библиография

- Апокрифы древних христиан: Исследования, тексты, комментарии. – М., 1989.
Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. – СПб., 1993.
Кирилл Иерусалимский. Огласительное поучение. 10. № 3 // Поучения. — М., 1991.
КАКОВКИН А.Я. Сокровища египетских пустынников. Каталог выставки. – СПб., 2004.
ЛУКОНИН В.Г. Сасанидские геммы. – Л., 1963.
Средневековый Бестиарий / Автор статьи и комментариев К. Муратова. – М., 1984.
ШУРИНОВА Р.Д. Коптские ткани. Собрание Государственного музея Изобразительных Искусств. – М., 1967.
EFFENBERGER A. Koptische Kunst. – Leipzig, 1975.
GRABAR A. Christian Iconography. – New York, 1968.
MAGUIRE H. Garments Pleasing to God: The Significance of Domestic Textile Designs in the Early Byzantine Period // DOP. – Washington, 1990. Vol. 44. P. 216–252.

Рис. 1. Пурпурная ткань с изображением бегущего льва.
Египет. V–VI вв. Лен, шерсть.
Государственный Эрмитаж.
ДВ № 11271.

Рис. 2. Фрагмент ворота туники с изображением Диониса, сидящего на льве.
Египет. VII–VIII вв. Лен, шерсть.
Государственный Эрмитаж.
ДВ № 11538

В.В. ПАНЧЕНКО
М.В. СТУПКО

Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

НОВЫЙ КЛАД РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАЙОНА С. ОБОРОННОЕ

В окрестностях Севастополя существует целый ряд археологических памятников, определяемых исследователями как поселения и укрепления союзных Херсонесу варваров-федератов. Последний термин достаточно условный и употребляется традиционно для обозначения неких отношений между городом и населением округа. В пользу этого может говорить следующий факт. Все поселения данного типа характеризуются обилием монетных находок, что указывает на развитое монетное обращение в среде данного варварского населения. В основной массе это монеты чекана как Херсонеса, так и других имперских монетных дворов, относящиеся к периоду IV–VI вв. Еще одной характерной особенностью этих памятников являются многочисленные монетные клады различающиеся как по количественному составу [Коршенко, 2011: 21], так и по типологическому содержанию. По хронологии все клады можно условно разделить на три основные группы. К первой группе относятся клады монет чекана самого конца III – IV вв., находки которых известны в непосредственной близости от Херсонеса – на Гераклеяском полуострове (ул. Пирогова, 1988; авторынок, 1997; Парк Победы, 2004; Гераклеяский 2013), и на дальней округе (Капониры, 2005, 2008, 2009, 2013; Инкерман, 2007; Краснозоринский, 2000). Ко второй группе относятся клады, в которых верхняя хронологическая граница определяется выпусками Херсонеса-Херсона VI в., но нередко они содержат монеты предшествовавших выпусков (Казачья, 1969; Усадьба надела № 222, 1995; Капониры, 2000, 2005; Кучук Бурун, 2012; Родное, 2013; Хомутова балка, 2016; Оборонное, 2019 и т.д.).

Географическое расположение памятников данного типа уверенно маркирует границы Херсонесской округи, на которую распространялось его политическое влияние. На сегодняшний день известен целый ряд расположенных с севера на юг поселений: «4-й сектор СОР» (исследования М.И. Тюрина), Зиянкер, Капониры, Кунтыймес, Ыылана-дере, Кучук-Бурун, Кая-баш (Мекензиевы горы), Шулдан, Чильтер (Мармара), Текен-Тарла, Родное, Кучки, Морозовка, Безыманное (исследования О.Я. Савели, у подножия Чирка-Каясы), Оборонное-восточное, Флотское (Карань). Отдельной группой стоят поселения Варнутской и Байдарской долин.

Весной 2019 г. на поселении Оборонное-восточное был найден комплекс из 35 монет, относящийся ко второй хронологической группе кладов. В его составе присутствуют следующие монетные типы: 1 монета провинциального Рима, возможно, пантикапейского чекана (Рис. 1,1), 8 экземпляров позднеримского периода, в основном, IV в. (Рис. 1,2-9). Все они, за исключением одной, очень сильно стертые, вплоть до утраты изображений. Интересной особенностью является наличие 7 экз. пантикапейских медных статеров Фофорса, Радамсада и Рескупорида, (Рис. 1,10-16), что объединяет его с кладом 1995 г. из усадьбы надела № 222 (исследования Л.А. Ковалевской). 2 монеты начала V в. времени правления Аркадия или Феодосия II, что установить достоверно невозможно из-за сильной стертости (Рис. 1,17-18). Одна монета Зенона чеканки Херсонеса (Рис. 1,19), так же сильно потертая. К херсонесскому чекану относятся 4 экземпляра монет Льва I (Рис. 2,20-23) и одна – Верины (Рис. 2,24). К ранневизантийскому периоду относятся: декануммий Анастасия I (Рис. 2,25) и пять пентануммиев херсонесского чекана с монограммой имени города времени правления Юстиниана I (Рис. 2,26-30). Наиболее поздними в составе клада являются 2 херсонских фоллиса Юстина II (Рис. 2, 31, 32) и его же гемифоллис (Рис. 2, 33).

Стоит обратить внимание на обратную сторону одного из фоллисов, где крест расположен над знаком номинала Н. С точки зрения ряда исследователей такой тип изображения характерен только для выпусков от имени императора Маврикия. Монеты этой группы практически не имеют следов потертости, что указывает на малое время нахождения их в обращении.

Terminus ante quem комплекса дают два фоллиса Маврикия (Рис. 2,34-35). Монеты не имеют следов износа в обороте, что указывает на их выпадение в клад вскоре после выпуска, то есть в 80-е годы VI в.

Интересной деталью в составе клада представляется пряжка с самодельным проволочным язычком, очевидно, от ремешка, затягивавшего кошелек (Рис. 2,36).

Наличие в составе клада семи экземпляров пантикапейских монет, а также двух фоллисов Маврикия, относимых В.А. Сидоренко к выпускам пантикапейского же монетного двора (что, на наш взгляд, не бесспорно, но гипотеза имеет свои значимые аргументы), позволяет произвести ряд следующих наблюдений.

Все статеры относятся ко времени правления трех царей Боспора: Фофорса (285/286–309/310 (?) гг.), Радамсада (309/310–319/320 (?) гг.) и Рескупорида V (318/319 (?)-336/337 (?) гг.). Как известно, в правление Рескупорида V чеканка монет на Боспоре прекратилась. Из общего числа статеров два принадлежат Фофорсу (№ 12 и № 15), один – Радамсаду (№ 10), три – Рескупориду V (№№ 11, 14, 16). К сожалению уровень сохранности не позволяет датировать большинство монет с точностью до года, кроме статера Радамсада, который был отчеканен в 614 г. б.э. (317/318 г. н.э.). Остальные продатированы в том или ином временном диапазоне в зависимости от наличия соответствующих дифферентов. Один экземпляр (№ 13) не подлежит точному определению, но по характерным внешним признакам может быть отнесен к одному из перечисленных правителей. Если справедлива догадка о присутствии на его реверсе тамги, это статер Фофорса.

Все позднебоспорские монеты характеризуются достаточно высоким уровнем изношенности. Вес статеров ниже среднего для соответствующих типов. Это, прежде всего, может быть связано со временем нахождения монет в обороте, которое, в данном случае, очевидно, насчитывает более двух столетий. Также уровень износа может быть связан с качеством металла, из которого были изготовлены монеты. Насколько известно, практически с первых лет правления Фофорса (с 288/289 гг.) боспорские монеты чеканились из меди или из сплавов на ее основе, содержание серебра в металле стремится к фоновым значениям [Сапрыкина, Гунчина, 2017: 281–285].

Необходимо заметить, что по результатам проведенного А.М. Гилевич исследования в Херсонесе и его ближайшей округе фиксируется интенсивное поступление боспорских монет конца III – первой половины IV вв. Так, если общее количество боспорских монет I–IV вв. достигает 447 экз., то количество монет трех царей – Фофорса, Радамсада и Рескупорида V – насчитывает 379 экз. Из числа последних 238 монет не определяются, остальные – 141 статер – распределяются следующим образом: Фофорс – 41, Радамсад – 8, Рескупорид V – 92 экз.

[Гилевич, 1968: 12, 13]. Исследователи связывали поступление позднебоспорских монет с прекращением херсонесской чеканки и с возникшей необходимостью заполнить денежный рынок города. При этом боспорская медь начала обращаться в Херсонесе наряду с римской [Гилевич 1968: 16; краткая историография вопроса: Панченко 2020: 123]. Неоднозначно выглядит картина с наличием боспорских монет на дальней округе Херсонеса. При том, что среди находок в подъемном материале статеры Боспора широко представлены, в кладах они полностью отсутствуют [Коршенко 2011: 118]. В варварских могильниках, расположенных ближе к городу, боспорских монет практически не обнаружено, за исключением единичных находок на территории могильника «Совхоза № 10» [Храпунов, 2008: 347].

Как представляется, возможны несколько путей поступления боспорской меди в район выпадения рассматриваемого клада. Источником поступления как позднеримских и ранневизантийских монет, которые составляют основную часть клада, так и позднебоспорской меди, скорее всего, являлся расположенный в относительной близости Херсонес. Монеты могли поступать в район сокрытия клада в рамках торговых отношений, которые, видимо, существовали между Херсонесом и населением округа. Помимо торговли, возможен иной путь. Существует мнение о привлечении Империей варваров Таврики для охраны ее границ в конце III – VI вв. и даже позднее [см., например: Сидоренко 1994]. В этом случае монеты, входящие в состав клада, могли быть использованы в качестве выплат федератам.

В порядке гипотезы нельзя исключать еще один источник поступления позднебоспорских статеров как в Херсонес, так и в Юго-Западный Крым – перемещение отдельных групп населения, обитавших на Боспоре, в рамках бурных событий, которые происходили в эпоху Великого переселения народов, а точнее в IV–VI вв. Константин Багрянородный сообщает о том, что херсонеситы после победы над боспорянами в одной из херсонесско-боспорских войн забрали пленников, после чего часть из них расселили у себя для занятий земледелием (*De administrando imperio*, 53). Сообщение Константина Багрянородного носит спорный характер. Существуют разные точки зрения на его правдивость и, соответственно, на ход событий [разбор ситуации см. Болгов 2004: 44–50]. Те исследователи, которые склоняются к реальности херсонесско-боспорских войн, относят их к концу III – первой половине IV вв.

Во второй половине IV – V вв. на Боспоре и вокруг него происходили активные события (движения готов, гуннов, утигуров и др.) [Айбабин 1999: 55–90; Болгов 2004: 53–60], которые могли привести к подвижкам населения, в том числе к оттоку какой-то его части в более безопасные районы Таврики. В течение первой трети VI в. Византийская империя берет Боспор под свой контроль, который сохраняется до начала последней четверти VI в. [Айбабин 1999: 94–105; Болгов 2004: 64–67]. В 576 г. территория бывшего Боспорского царства подверглась опустошительному вторжению тюрок во главе с Турксанфом. Существенно пострадали город Боспор, окрестные поселения и городки. Многие постройки были разрушены, население сильно уменьшилось. Большая часть жителей малых городов, вероятно, погибла или была уведена в плен тюрками [Айбабин 1999: 134–141; Болгов 2004: 67]. Возможно, какие-то группы постоянного или пришедшего населения Боспора, которые привыкли использовать при расчетах позднебоспорские статеры, были вынуждены в результате различных катаклизмов покинуть прежние места обитания. Переместившись в Херсонес-Херсон и/или в его окрестности, они могли принести с собой традицию использования привычных монет и сами монеты в новые места обитания.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII века // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. – М., 1995. С. 25–26.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А., КОВАЛЕВСКАЯ Л.А. Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округа Херсонеса // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». – Симферополь, 1988. Часть 3. С. 231–232.
- АНОХИН В.А. Монетное дело Боспора. – Киев, 1986.
- БОЛГОВ Н.Н. Между империей и варварами: финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Центрально-Східній Європі. – К., 2004. № 4. С. 39–76.
- ГИЛЕВИЧ А.М. Античные иногородние монеты в Херсонесе // Нумизматика и сфрагистика. – Киев, 1968. Вып. 3. С. 3–61
- КОРШЕНКО А.Н. Крымские клады позднеримских медных монет // Нумизматика и эпиграфика. – М., 2011. Вып. XVIII. С. 108–138.
- ПАНЧЕНКО В.В. К вопросу о времени прекращения монетной чеканки античного Херсонеса // ХСб. – Севастополь, 2019. Вып. XX. С. 118–128.

САПРЫКИНА И.А., ГУНЧИНА О.Л. Химический состав металла боспорских статеров Фанагорийского клада 2011 г. // Фанагория. Результаты археологических исследований / под ред. В.Д. Кузнецова. – М., 2017. Т. 5. М.Г. Абрамзон, В.Д. Кузнецов. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. С. 272–483.

СИДОРЕНКО В.А. Федераты Византии в юго-западном Крыму (последняя четверть III – начало VIII вв.) Автореферат дис. канд. ист. наук. – СПб., 1994.

СТУПКО М.В. Клад позднеримских медных монет из поселения под Севастополем // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А. Античность и средневековье. – Севастополь, 2018. № XXVI (VIII). С. 65–79.

ТУРОВСКИЙ Е.Я., ГОРБАТОВ В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель. – Симферополь, 2013.

ФРОЛОВА Н.А. Монетное дело Боспора. – М., 1997. Ч. 2.

ХРАПУНОВ Н.И. Монеты из могильника Дружное // ПИФК. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. Вып. 21. С. 336–355.

ЮШКОВ В.Н. Боспорские монеты от Котиса III до Рискупорида V (каталог). – Краснодар, 2010.

НАНН, W. *Moneta Imperii Byzantini* – Wien, 1975. Teil 2. Von Justinus II. bis Phocas (565–610).

Таблица 1.

Состав клада

№	тип	описание, ссылка	ТХТ
1.	Пантикапей Котис I Ассарий, 48–49 гг.	Л.с. [ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ]. Бюст Клавдия в повязке, вправо. О.с. ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΚΑΙΣΑΡΟΣ]. Бюст Агриппины вправо. Фролова 1997: Табл. XXIV,24; XXV,1-3.	Ø 21,5 mm 12:12 5,4 g
2.	IV в. н.э. Æ2.	Л.с. Бюст императора в шлеме вправо. О.с. [GLORIA ROMANORVM]. Император в доспехах стоит на корабле, в левой руке держава, у ног согбенный пленник.	22×21 mm 12:12 4,5 g
3.	Феодосий I (378–395) Æ2.	Л.с. [DNTHE]ODO[SIVS PF AVG]. Бюст императора вправо. О.с. [GLORIA ROMANORVM]. Император в доспехах стоит на корабле, в левой руке держава, у ног пленник.	22,5×20,5mm 12:6 4,5 g
4.	Феодосий I (378–395) Æ2.	Л.с. DNTHEODO[SIVS PF AVG]. Бюст императора вправо. О.с. Император в рост с державой и лабарумом попирает пленника вправо.	22×23mm 12:6 3,9 g
5.	Элия Флакцилла (378–388) Æ2.	Л.с. Бюст императрицы вправо. О.с. Ростовая фигура.	22,5×21mm 12:12 4,2 g
6.	IV в. Æ2.	Л.с. Бюст императора вправо. О.с. [GLORI]A ROM[ANORVM]. Император в рост с лабарумом и державой.	19,5×21mm 12:6 3,3g
7.	Феодосий I (378–395) Æ2.	Л.с. [DNTHE]ODO SIVS PF [AVG]. Бюст императора вправо. О.с. VIRTVSE [XERCITVS]. В обрзе: ..S.. Император в рост с державой и Лабарумом попирает пленника вправо.	Ø21,5mm 12:12 5,6 g
8.	Феодосий I (378–395) Æ2.	Л.с. DNTHEODO SIVSPFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. О.с. GLORIA ROMANORVM. В обрзе: SMHB. Император в доспехах и плаще в рост, смотрит вправо, в прав. руке лабарум, в левой сфера. RIC IX: 24.	21,5×22mm 12:12 5,8 g
9.	Констанций II (347–355) Æ2.	Л.с. Бюст императора вправо. О.с. Император в доспехах поражает конного врага копьём сверху, все влево.	18,5×19,5mm 12:6 4,2 g

№	тип	описание, ссылка	ТХТ
10.	Радамсад (309/10–319/20) Æ. Статер. 614 г. б.э.	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔΙΣ. Бюст царя в диадеме вправо. Точечный ободок. О.с. Бюст императора в венке вправо, справа «палица», внизу год ΔΙΧ (614 г. б.э.). Точечный ободок. Фролова 1997: 112–117, 317–319; Анохин, 1986: 128, 173.	Ø19,5mm 12:12 6,4 g
11.	Рискупорид V (318/19–336/37) Æ. Статер.	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ (отсутствует). Бюст царя в диадеме вправо. Точечный ободок. О.с. Бюст императора в венке вправо, справа орел на шаре с венком в клюве. Точечный ободок. Фролова 1997: 117–138, 333–372; Анохин, 1986: 129–133, 173, 174.	Ø19,5mm 12:12 6,4 g
12.	Фофорс (285/86 – 309/10) Æ. Статер. 297–309 гг.	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΡΣΟΥ. Бюст царя в диадеме вправо. Справа три точки треугольником. Точечный ободок. О.с. Бюст императора в венке вправо, слева три точки треугольником, справа тамга (угадывается), внизу дата ΑΧ (601 г. б.э.?). Точечный ободок. (Фролова 1997: 75–95, 300–313; Анохин 1986: 126–128, 172, 173.	Ø19mm 12:6 6,7 g
13.	Фофорс / Радамсад / Рискупорид V. Æ. Статер. 285–336 гг.	Л.с. Бюст царя в диадеме вправо. Стерга. О.с. Бюст императора в венке вправо, дата стерга. Анохин 1986: 126–133, 172–174.	18×19mm 12:12 7,0 g
14.	Рискупорид V (318/19–336/37). Æ. Статер. 323–328 гг.	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ. Бюст царя в диадеме вправо. Справа венки. Точечный ободок. О.с. Бюст императора в венке вправо, слева угадывается буква Κ, справа Χ. Точечный ободок. Фролова 1997: 117–138, 337–372; Анохин, 1986: 129–133, 173–174.	Ø19mm 12:12 6,7 g
15.	Фофорс (285/86–309/10). Æ Статер.	Л.с. Бюст царя в диадеме вправо. Стерга. О.с. Бюст императора в венке вправо, справа тамга, дата стерга. Фролова, 1997: 75–95, 287–313; Анохин, 1986: 126–128, 172, 173.	19×20mm 12:12 6,4g
16.	Рискупорид V (318/19–336/37). Æ Статер.	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ (отсутствует). Бюст царя в диадеме вправо. О.с. Бюст императора в венке вправо, справа орел на шаре с венком в клюве или Ника на шаре с венком. Фролова, 1997: 117–138, 333–372; Анохин, 1986: 129–133, 173, 174.	17,5×19,5mm 12:12 6,4g

№	тип	описание, ссылка	ТХТ
17	Начало V в. (Аркадий или Феодосий II) Æ3.	Л.с. Бюст императора в шлеме анфас, справа щит, на правом плече копьё. О.с. Персонификация Константинополя на троне, анфас, держит сферу с Никой.	14,5×15,5mm 12:6 2,0 g
18	Начало V в. (Аркадий или Феодосий II) Æ3.	Л.с. Бюст императора в шлеме анфас, справа щит, на правом плече копьё. О.с. Персонификация Константинополя на троне, анфас, держит сферу с Никой.	Ø17,5mm 12:6 2,2 g
19	Зенон (474-491) Херсонес Æ3.	Л.с. [DN ZENO PF AVG]. Бюст императора вправо. О.с. [CONCORDIAR]; император в рост вправо, в правой руке – копьё, в левой – держава, ногой попирает пленника. Анохин 1977: 309.	16×18mm 12:6 3,9 g
20	Лев I (457–474) Константинополь Æ2.	Л.с. DNLEOP [RPETAC]. Бюст императора вправо. О.с. [SAL]VSREI PVRLICA. В обрезе: CON. Император в рост с лабарумом и державой попирает пленника вправо. Туровский, Горбатов 2013: 343.	19×20mm 12:6 3,6 g
21	Лев I (457–474) Константинополь Æ2.	Л.с. DNLEOP RPET[AC]. Бюст императора вправо. О.с. SALVSREI PVRLICA. Император в рост с лабарумом и державой попирает пленника вправо. В обрезе: CON. Туровский, 2013: 343.	Ø20mm 12:6 3,7 g
22	Лев I (457–474) Константинополь Æ2.	Л.с. DNLEONI SPFAAVC. Бюст императора вправо. О.с. [SALVS]R PVRL[CA]. Император в рост с лабарумом и державой попирает пленника вправо. Корщенко 2018: Табл. XXVII, L17.	19×20mm 12:6 3,7 g
23	Лев I (457–474) Константинополь Æ2.	Л.с. DNLEONI SPFAAVC. Бюст императора вправо. О.с. [SALVS]R PVRL[CA] Император в рост с лабарумом и державой попирает пленника вправо. Корщенко 2018: Т. XXVII, L17.	19,5×20,5mm 12:6 3,8 g
24	Элия Верина (457–474) Æ2.	Л.с. AELVER INAAVG. Бюст императрицы в диадеме вправо. О.с. SALVSRES PVBLICAE. Сидящая Ника вправо, на руках держит щит с хризмой. В обрезе: CONE. Туровский, 2013: 346.	19,5×20mm 12:6 3,4 g
25.	Анастасий I (491–518) Æ. Декнуммий.	Л.с. DNANASTA[S]IVSPPAVC. Бюст императора вправо. О.с. В центре номинал: I, по кругу [CON CORDI]. MIBE: 34a1.	16,5×17,3mm 12:6 2,2 g
26.	Юстиниан I (527–565) Херсонес Æ. Пентануммий.	Л.с. DNIIVSTINIANVSPP. Бюст императора вправо. О.с. Монограмма имени города. Туровский, Горбатов 2013: 352.	15×16mm 12:6 2,4 g

№	тип	описание, ссылка	ТХТ
27.	Юстиниан I (527–565) Херсон. АЕ. Пентануммий.	Л.с. [DNIVSTINIANVSPP.]. Бюст императора вправо. О.с. Монограмма имени города. Туровский, Горбатов 2013: 352.	14,5×16,5mm 12:6 2,7 g
28.	Юстиниан I (527–565) Херсон. АЕ. Пентануммий.	Л.с. DNIVSTINIANV[SPP]. Бюст императора вправо. О.с. Монограмма имени города. Туровский, Горбатов 2013: 352.	13,5×15,5mm 12:6 2,0 g
29.	Юстиниан I (527–565) Херсон. АЕ. Пентанумми	Л.с. [DNIVSTIN]IA NVSPPAV. Бюст императора вправо. О.с. Монограмма имени города. Туровский, Горбатов 2013: 352.	14,7×13,2mm 12:6 2,0 g
30.	Юстиниан I (527–565) Херсон. АЕ. Пентануммий.	Л.с. [DNIVSTINIA NVS]PPAV. Бюст императора вправо. О.с. Монограмма имени города. Туровский, Горбатов 2013: 352a.	14×13mm 12:6 2,0 g
31.	Юстин II (565–578) Херсон. АЕ. 8 пентануммиев.	Л.с. ХЕР CONOC. Император и императрица в рост. О.с. Знак номинала – Н. Фигура с процессионным крестом, сверху между ними крест. Туровский, Горбатов 2013: 353.	31×30mm 12:6
32.	Юстин II (565–578) Херсон. АЕ. 8 пентануммиев.	Л.с. ХЕР CONOC. Император и императрица в рост. О.с. Знак номинала – Н, над ним крест. Фигура с процессионным крестом, анфас. Туровский, Горбатов 2013: 353?	30×29mm 12:6
33.	Юстин II (565–578) Херсон. АЕ. 4 пентануммия.	Л.с. ХЕР CONOC. Император и императрица в рост. О.с. Знак номинала Δ. Ростовая фигура с процессионным крестом, сверху между ними крест. Туровский, Горбатов 2013: 356.	31×32mm 12:12
34.	Маврикий Тиберий (582–602) Херсон. АЕ. 8 пентануммиев.	Л.с. oNmAV RICPPAVGI. Император и императрица в рост. О.с. О.с. Знак номинала – Н, над ним крест, Фигура с процессионным крестом. Nahn 1975: 157a2, 157b2.	31×29mm 12:12
35.	Маврикий Тиберий (582–602) Херсон. АЕ. 8 пентануммиев.	Л.с. δNmAVRIC PPAVGAVG. Император и императрица в рост. О.с. О.с. Знак номинала Н, над ним крест, ростовая фигура с процессионным крестом. Nahn 1975: 157a1, 157b1.	25×24mm 12:12

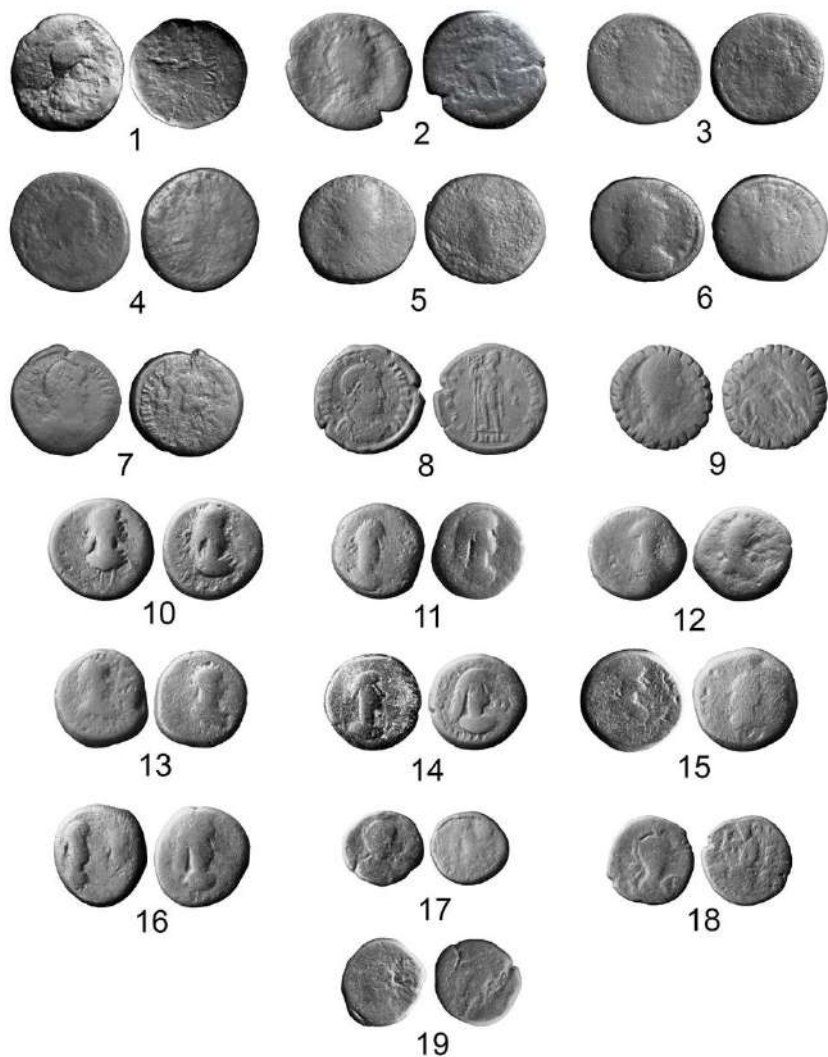

Рис. 1. Монеты из клада ранневизантийского времени из района с. Оборонное (Камары).

Рис. 2. Монеты из клада ранневизантийского времени из района с. Оборонное (Камары).

А.А. РОМЕНСКИЙ

Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

«КРЕЩЕНИЕ МЕРТВЫХ» В ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬЕ 6552 ГОДА: ВИЗАНТИЙСКИЙ, СКАНДИНАВСКИЙ И СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Под 6552 (1044) г. в ПВЛ сохранилась краткая запись о посмертной судьбе останков киевского князя Ярополка Святославича и его брата, древлянского правителя Олега: «И выгребоша в . Кнѣзѣ Ярополка и Сѡльга . сѣна Стѡславла . и крѣтиша кости єю . и положиша ѿ въ цркѣви сѣѣѣ Бѣѣ» [Лаврентьевская летопись 1926: 155]. Десятинная церковь Богородицы, возведенная в 989–996 гг., являлась княжеским домовым храмом и усыпальницей, в которой находились мраморные саркофаги четы Владимира Святого и порфирородной Анны [Каргер 1940: 78–79]. Погребение в этом храме останков представителей княжеского рода, умерших задолго до официальной христианизации Руси, выглядит парадоксальным, а посмертное крещение их костей противоречит церковным канонам (26-е правило Карфагенского собора 397 г.) и утвердившейся практике Византийской церкви.

В раннехристианскую эпоху крещение умерших осуществляли еретики-маркиониты и керинфиане, что порицалось Отцами Церкви [Ioannes Chrysostomus 1862: 347–348; Eriphanius 1858: 364]. Чудо воскрешения умершего ребенка после проведения над ним крещения описано и в Житиях херсонесских епископов [Могаричев и др. 2012: 46]. Но связь этих ритуальных практик с позднейшими случаями крещения останков на периферии христианской ойкумены нельзя доказать.

Исследователи выдвигали различные интерпретации, позволяющие объяснить суть загадочных событий 1044 г. Сам акт посмертного крещения чаще всего представляется как волевая инициатива киевского князя Ярослава, возможная в условиях конфронтации с Византией в 1043 г. и отсутствия в Киеве митрополита [Соколов 1913: 44–45; Назаренко 2001: 389]. В этом событии усматривалось влияние раннехристианских

ересей гностического толка [Щапов 1971: 72, 73]. Акция 1044 г. рассматривалась и в контексте представлений о культе рода среди Рюриковичей [Поппэ 1995: 60–61; Korpela 1998: 169–170; Успенский 2001: 408], и сквозь призму «религиозного оптимизма», якобы присущего раннему христианству на Руси [Алексеев 2003: 103, 104]. А.В. Назаренко связал ее с предполагаемым двухэтапным крещением Ярополка Святославича в 70-е гг. X в. от рук миссионеров императора Оттона II [Назаренко 2001: 380]. Ф.Б. Успенский привел аналогии на скандинавском материале, полагая, что Ярополк прошел процедуру оглашения — *prima signatio*. Аналогичная ситуация произошла в Дании, где конунг Гаральд Синезубый повелел перенести из кургана и перезахоронить в церкви Йеллинга прах своего отца-язычника, Горма Старого [Успенский 2001: 408–413]. Наконец, А.Е. Мусин допустил, что речь идет о византийском обряде посмертного омовения останков уже крещенного князя [Мусин 2002: 79].

Корпус источников, на основании которых можно строить предположения о крещении старших Святославичей, крайне скуден и недостаточно информативен. Это, прежде всего, сообщения «Жития Ромуальда» Петра Дамиани и хроники Адемара Шабаннского, связывающие крещение Руси с деятельностью архиепископа Бруно Кверфуртского [Petrus Damiani 1957: 57–60; Ademar de Cabannes 1897: 152–153]. Агиографические источники содержат топос о вхождении остающегося невредимым проповедника в огонь, книжный характер которого очевиден. Не проясняют ситуацию и сведения ряда поздних летописей о посольстве Св. Престола к Ярополку [Назаренко 2001: 356–360]; упоминания же о его крещении в перечне князей Комиссионного списка Новгородской первой летописи и Пискаревском летописце XVII в. содержат ошибки в расчете лет правления [Щавелев 2011: 79, 80] и также нуждаются в дополнительной верификации. Представляется небесполезным уточнить контекст перезахоронения останков князей в 1044 г., привлекая позднейшие материалы восточнославянской этнографии.

Следует отметить, что и Олег, и Ярополк умерли внезапной, преждевременной и насильственной смертью, что, согласно представлениям восточных славян, относило их к категории «заложных покойников». По сведениям «летописных заметок» из «Памяти и похвалы князю Владимиру» «оу Вроуча града мость сѧ вблочи с вои, и оудавиша Сѡлга въ гребли, а Ярополка оубиша в Киевѣ моужи Володимеровѣ» [Шахматов 2014: 349]. Для захоронения подобных мертвецов требовался особый способ погребения. Как правило, их стремились не зарывать в землю и хоронить вне кладбищ, в «местах

низменных и мочажинных» [Зеленин 1995: 92–116]. Иногда могилы умерших насильственной смертью (как и самоубийц, колдунов и т.п.) разрывали и обливали или заливали водой, что должно было предотвратить засуху. В более ранних источниках зафиксировано представление о связи «заложных покойников» с весенними заморозками. Церковь активно выступала против сохранения подобных языческих суеверий: так, епископ Серапион Владимирский обличал обычай эксгумации удавленников и утопленников в 1273 г. [Серапион Владимирский 1997: 382]. В начале XVI в. против практики выбрасывания тел «некоего утопленного или убитого неиздавна» выступил Максим Грек [Максим Грек 1862: 170–171], однако, рудименты этих обрядов сохранялись в Восточной Европе вплоть до начала XX в. При этом, что характерно, крестьяне не возражали против церковного отпевания подобных покойников – для них были важны исключительно способ и место погребения [Зеленин 1995: 94, 95].

Представляется, что летописная статья 6552 г. зафиксировала один из первых известных случаев перезахоронения заложных покойников. При этом в летописной записи соединились два последовательных события: эксгумация останков Ярополка и Олега, сопровождающаяся их возможным обливанием, и их последующее перезахоронение в Десятинной церкви, несомненно, под влиянием и по инициативе княжеской семьи. Ритуал обливания останков, языческий по форме и по сути, вероятно, был переосмыслен летописцем как «крещение костей». При этом источники не позволяют однозначно разрешить проблему возможного крещения Ярополка и Олега Святославичей. Их оглашение, а возможно, и полноценное приобщение ко Христу в условиях активных дипломатических и матримониальных связей со Священной Римской империей и Чехией нельзя исключить. Было бы, впрочем, излишним усматривать в акте перезахоронения их останков целостную идеологическую программу в условиях противостояния Руси и Византии.

Библиография

- АЛЕКСЕЕВ А.И. Крещение костей (к интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – М., 2003. № 1 (11). С. 102–106.
- ЗЕЛЕНИН Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н.И. Толстого, подгот. Е.Е. Левкиевской. – М., 1995.
- КАРГЕР М.К. К вопросу о саркофагах князя Владимира и Анны // КСИИМК. – М.; Л., 1940. Вып. 7. С. 76–80.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. – Л., 1926. Т. 1. Вып. 1.

- МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В., САРГСЯН Т.Э., СОРОЧАН С.Б., ШАПОШНИКОВ А.К. Жития епископов херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. – Харьков, 2012.
- МУСИН А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. – СПб., 2002.
- НАЗАРЕНКО А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М., 2001.
- ПОППЭ А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Mediaevalis*. – München, 1995. Т. VIII/1. S. 21–68.
- СОКОЛОВ П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. – Киев, 1913.
- Слова и поучения Серапиона Владимирского / Подгот. В.В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1997. Т. 5. XIII в. С. 370–385.
- Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 3. – Казань, 1862.
- УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // *Норна у источника судьбы. Сб. статей в честь Е.А. Мельниковой* / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. – М., 2001. С. 407–414.
- ШАХМАТОВ А.А. Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / Подгот. текста, предисл., вступ. статья Н.И. Милютенко; отв. ред. Д. М. Буланин. – СПб., 2014.
- ЩАВЕЛЕВ А.С. Летописные известия о крещении Ярополка Святославича // *Вестник РГГУ*. – М., 2011. № 12. С. 78–87.
- ЩАПОВ Я.Н. Устав князя Владимира и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // *ВВ*. – М., 1971. Т. 31. С. 71–78.
- Ademar De Cabannes. *Chronique* / Ed. J. Chavanon. – P., 1897.
- Epiphanius, Constantiensis in Cypro Episcopus. *Panarium sive arcula adversus octoginta haereses* // *Patrologia Graeca* / Ed. J.-P. Migne. – P., 1858. Т. XLI.
- Ioannes Chrysostomus. *Homiliae XLIV in Epistolam primam ad Corinthios* // *Patrologia Graeca* / Ed. J.-P. Migne. – P., 1862. Т. LXI.
- KORPELA J. «I krestisa kosti eju». Zur Vorgeschichte des Märtyrerkults von Boris und Gleb // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – Stuttgart, 1998. Bd. 46. S. 161–176.
- PETRUS DAMIANI. *Vita beati Romualdi* / A cura di G. Tabacco. – Roma, 1957.

Л.В. СЕДИКОВА
И.Е. ДОН

Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТОРГОВОЙ ЛАВКИ XIII В. ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Картина повседневной жизни византийского Херсона в последние годы активно дополняется исследованиями различных категорий находок из раскопок городища. Квартал L в Южном районе Херсонеса дает разнообразный материал, в значительной мере относящийся к последнему периоду жизни города [Рабинович, Седикова, Хеннеберг 2009; Седикова 2018: 402–458]. Если керамическому комплексу в публикациях уделено достаточно внимания, то другие категории находок представлены лишь единичными экземплярами.

Вместе с тем, в слое разрушения середины – третьей четверти XIII в. присутствуют находки, заслуживающие специального рассмотрения.

Как и в любом относительно крупном провинциальном городе, в Херсоне существовало собственное металлообрабатывающее производство. Вместе с тем, масштабы его развития были достаточно скромными [Голофаст 2008: 348].

На первом этапе существования квартала L, распланированного, видимо, во второй половине XI в., усадьба 2 принадлежала кузнецу, о чем свидетельствуют многочисленные находки отходов производства. Здесь же, возможно, занимались литьем мелких изделий из медных сплавов. В качестве сырья для производства бронзовых изделий можно рассматривать фрагменты лампадофора, найденные в двух помещениях усадьбы.

По всей вероятности, в связи с прекращением деятельности кузнеца, из усадьбы были выделены помещения 28 и 33. После небольших перестроек эти пространства начали использоваться в качестве торговой лавки. Среди большого разнообразия находок – сгоревшего зерна, пифосов

с оливковым маслом и рыбой, амфор, многочисленной керамической столовой посуды, найдены разнообразие металлические изделия.

Инструменты представлены тремя предметами – фрагментом бронзового стержня, а также железными теслом и зубаткой (скребницей?). Тесло с конической втулкой имеет аналогии среди новгородских инструментов XIII в. [Колчин 1959: 29, рис.16,2], а зубатки (скребницы), близкие нашему экземпляру, найдены в слоях разрушения домов XIII в. в Северо-восточном и Северном районах Херсонеса [Золотарев, Коробков, Ушаков 1998: 182, рис. 6–7; Белов 1941: 217, рис. 31,1; Белов 1959: 49, рис. 32; Белов, Якобсон 1953: 150, рис. 40в]. Аналогичная находка происходит из слоя XIII в. на Эски-Кермене [Айбабин, Хайрединова 2015: 395, рис. 8,1-3]; близкие аналогии происходят также из раскопок древнерусских городов [Кирпичников, Медведев 1985: 319, 362, табл. 148,7-9].

Запорные устройства составляют самую многочисленную группу металлических находок из торговой лавки. Они представлены фрагментами замков, засовов и шарнирных запоров.

Практически все найденные фрагменты замков использовались для запираания дверей и относятся к типу накладных (Рис. 1). Пластины имеют прямоугольную, круглую или квадратную со скругленными углами форму. Все они цельнометаллические. У двух замков сохранились пружинные запорные механизмы. Подобные замки встречаются в синхронных слоях херсонесского городища [Белов 1956: 18]. К запорным устройствам также относятся железные засовы.

В слое разрушения помещения 33 найдены многочисленные фрагменты накладок в виде плоских железных полос с округлыми расширениями, в центре которых в отверстия вставлялись гвозди. Можно предположить, что эти накладки принадлежали деревянным сундукам. Наиболее близкими по форме изделиями являются бронзовые шарнирные накладки VI в. из Иерихона [Marchetti, Nigro, Taha 2008: 592, fig. 9], шарнирные накладки из Коринфа X–XII вв. [Davidson 1952:132, 133, pl. 67,906], а также железные неатрибутированные предметы из слоев X – начала XII в. из булгарского Остолоповского селища [Руденко 2015: 147, рис. 6,27].

Единственной находкой, относящейся к конской упряжи, является массивная железная подпружная пряжка кольцевой формы. Такая форма пряжек была широко распространена у восточно-европейских кочевников и встречается в южных районах Руси в слоях XII–XIII вв. [Кирпичников 1973: 77, рис. 43,7].

Железный колокольчик – ботало, предназначенный для подвешивания на шею домашнему скоту, не является редкой находкой на территории Византии [Everyday life in Byzantium 2002: 132, cat. № 138–140], в Новгороде [Колчин 1959: 75, 76, рис. 63], на Билярском городище в слое X – начала XI в. [Халиков 1973: 36. обр. 10]. В слоях разрушения XIII в. в Херсонесе [Белов 1941: 250, рис. 86; Белов, Стржелецкий 1953: 94, рис. 59] и на Эски-Кермен [Айбабин, Хайрединова 2015: 396, рис. 10,3] также найдены аналогичные колокольчики.

Набор металлических предметов из торговой лавки в квартале L представлен, в основном, запорными устройствами. Вероятно, часть этих устройств обеспечивала безопасность содержимого и помещений самой торговой лавки, а часть могла служить товаром. Единичные находки орудий труда и конской упряжи могут рассматриваться как личные вещи владельцев. Железные накладки, являвшиеся частями деревянных сундуков, охраняли их содержимое, погибшее в пожаре середины – третьей четверти XIII в.

Библиография

- АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Металлические изделия из слоя пожара второй половины XIII в. на городище Эски-Кермен // Древняя и средневековая Таврика. – Київ, 2015. Археологический альманах. № 33. С. 393–415.
- БЕЛОВ Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. – Севастополь, 1941.
- БЕЛОВ Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1956 г. // Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Д. 728, л. 18.
- БЕЛОВ Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСб. – Севастополь, 1959. Вып. V. С. 13–74.
- БЕЛОВ Г.Д., СТРЖЕЛЕЦКИЙ С.Ф. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.) // Археологические памятники юго-западного Крыма // МИА. – М., 1953. № 34. С. 32–108.
- БЕЛОВ Г.Д., ЯКОБСОН А.Л. Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // Археологические памятники юго-западного Крыма // МИА. – М., 1953. № 34. С. 109–159.
- ГОЛОФАСТ Л.А. Ремесла и промыслы Херсонеса в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 345–384.
- ЗОЛОТАРЕВ М.И., КОРОБКОВ Д.Ю., УШАКОВ С.В. Кладовая дома в северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. – Севастополь, 1998. Вып. IX. С. 182–194.
- КОЛЧИН Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА – М., 1959. № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II.
- КИРПИЧНИКОВ А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. – М., 1973. Вып. Е 1–36.
- КИРПИЧНИКОВ А.Н., МЕДВЕДЕВ А.Ф. Вооружение // Археология СССР / под ред. Б. Рыбакова. – М., 1985. Т. 6. Древняя Русь. Город, замок, село. С. 298–363.

РАБИНОВИЦ А., СЕДИКОВА Л.В., ХЕННЕБЕРГ Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 196–274.

РУДЕНКО К.А. Хронология болгарских селищ конца X–XIII в. в Западном Закамье (по материалам исследований 1992–2011 гг.) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. – М.; Вологда, 2015.

ХАЛИКОВ А.Х. Столицита на Волжска България щт домонголско време // Археология. – София, 1973. Кн. 1. С. 21–37.

DAVIDSON G.R. The minor objects // *Corinth. Results of excavations.* – Princeton, 1952 Vol. XII.

Everyday life in Byzantium / Ed. Papanikola-Bakirtzi D. – Athens, 1999.

MARCHETTI N., NIGRO L., ТАНА Н.М. Preliminary Report on the Third and Fourth Season of Excavations of the Italian-Palestinian Expedition at Tell es-Sultan Jericho, 1999 and 2000 // *Proceedings of the 2nd International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East.* – Copenhagen, 2016.

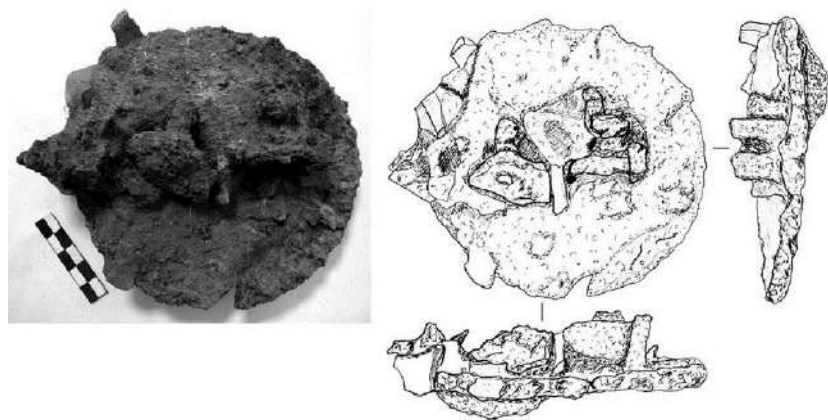

Рис. 1. Железный замок из торговой лавки Херсона. XIII в.

Э.И. СЕЙДАЛИЕВ

Крымский инженерно-педагогический университет
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**СЕЛЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ОКРУГИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА:
МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ
ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА**

Взаимоотношения золотоордынского города и его округа неоднократно становились предметом исследований [Недашковский 2010; Крамаровский 2012; Крамаровский, Сейдалиев: 2019]. В последнее время, после активизации археологических исследований, было выявлено и археологически изучено значительное количество сельских памятников эпохи средневековья, в том числе и в округе золотоордынской столицы Крыма – города Солхат. Материалы этих раскопок введены в научный оборот лишь частично. В то же время, детальные исследования этих поселений позволили бы более четко проследить структуру взаимодействия городского центра и сельской округи в Крыму в золотоордынское время. К рассмотрению были приняты лишь те поселения, которые изучены в той степени, чтобы можно было предположить их торгово-экономическую связь с Солхатом, определить уровень развития и характер хозяйства. Под округой Солхата понимаются зоны, представленные в виде концентрических колец, где каждое кольцо – это территория, окружающая поселение и эксплуатируемая населением в зависимости от удаленности, физико-географических характеристик и т.д. Соответственно, каждая такая зона имеет определенную экономическую функцию. Такой метод уже применялся в отечественной археологии, в том числе и на примере золотоордынских городов Поволжья [Афанасьев, Савенко, Коробов 2004: 66, 67; Недашковский 2010: 15]. Для исследования округа крупных

городов Поволжья Л.Ф. Недашковский рассматривал все памятники на расстоянии 60 км, то есть 2–3 дня пути [Недашковский 2010: 13]. В настоящем исследовании мы рассмотрим известные исследованные поселения, расположенные в 30-ти километровой зоне.

Исследования памятников округа Солхата начинаются в 20-е гг. XX в. [Акчокралы 2016: 53–65]. В последующее время археологические разведки на окружающей территории были проведены А.В. Гавриловым, но большинство обнаруженных им объектов не подвергалось шурфовкам и раскопкам (за исключением тех, что изучались в ходе строительства энергомота и трассы «Таврида» и приведены в настоящем докладе), поэтому они требуют дополнительных, более детальных исследований [Гаврилов 2016: 331–384].

Более масштабные исследования в округе Солхата продолжились в ходе работ Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (СКАЭГЭ) в 1998–2000 гг. на поселении Кринички II. Поселение располагается в 4 км к северу от Старого Крыма и 1 км от северо-западной окраины села Кринички Кировского района. В соответствии с исследованиями, поселение было расположено рядом с искусственным водоемом. По предположению М.Г. Крамаровского, водоем поделил поселение на две части: на возвышенности в северо-западной части располагались густонаселенные кварталы, а юго-восточная возвышенность, вероятно, представляла собой ремесленную слободу, о чем говорят обнаруженные здесь остатки ремесленного производства. Материалы из раскопок указывают на тесные экономические связи с Солхатом. Датируется поселение в пределах второй половины XIII – конца XV вв. [Крамаровский, Гукин 2002: 6, 178, 179].

В 2001–2008 гг. работы СКАЭГЭ сосредоточились на территории ремесленного поселения Бокаташ II и некрополе рядом с поселением. Селище расположено в 1,4 км к юго-востоку от Старого Крыма, в 1,25 км к югу от городского водохранилища и в 200 м на северо-восток от марки государственной геодезической сети № 3768. Общая площадь поселения составляет около 22000 м². В ходе исследований было установлено, что поселение функционировало как гончарный центр. Поселение обеспечивало городской рынок Солхата неполивной кухонной и столовой глазурованной посудой, достаточно высокого качества. Производилась и более простая посуда для местного рынка. Время функционирования ремесленного поселения укладывается в период второй половины XIII – конца XIV вв. [Крамаровский, Гукин 2006; Крамаровский, Гукин 2007; Крамаровский 2014: 145].

На основании разведок в Кировском и в Белогорском районах Республики Крым в ходе подготовки к строительству линии энергомота и трассы «Таврида» было выявлено несколько новых археологических памятников золотоордынского периода, расположенных в округе Солхата и разноудаленных от регионального центра. Наиболее близкими к столичному центру оказались поселения Чокрак-Найман 1, Жемчужина и Су-Баш 1.

Поселение Чокрак-Найман 1 расположено в 800 м к югу от села Абрикосовка Кировского района Республики Крым. Поселение возникает вокруг небольшого непересыхающего пруда, на широкой плоской равнине, имеющей уклон в северо-восточном направлении. Площадь памятника, по мнению исследователей, составляет более 200 тысяч м². Памятник многослойный и датируется в пределах от эпохи мезолита до позднего средневековья. В большинстве своем культурный слой был потревожен. Несмотря на значительную площадь, исследованную в зоне строительства трассы «Таврида», в культурном слое было обнаружено незначительное количество находок. Из материалов, относящихся к золотоордынской эпохе, исследователи выделяют глазурованную керамику группы «Юго-Восточный Крым», фрагменты кашинных сосудов, привезенных из Нижнего Поволжья, и люстровых сосудов испанского производства. По мнению Ю.В. Ковалья, наличие привозной испано-мавританской посуды может свидетельствовать о наличии на поселении богатых усадеб, которые пока не обнаружены. Среди находок на поселении исследователи также выделяют фрагменты неглазурованной керамики, в том числе импортных амфор, предметы из железа и медных сплавов. Нумизматический материал представлен джучидскими монетами. Золотоордынское поселение датируется в пределах XIV–XV вв. [Коваль 2019: 87–95].

Поселение Жемчужина расположено в 10 км к востоку от г. Старый Крым в долине рек Чурук-Су и Кхоур-Джила (Кхоур Джигле/Кхоур-Джилга). Появление поселения, вероятно, связано также с реками и родником, к которому поселение примыкает с северо-запада. В ходе спасательных археологических исследований была раскопана площадь в 8190 м². Общая площадь памятника составляет около 18 740 м². На изученной площади было открыто значительное количество хозяйственных и жилых построек: глинобитные печи, очаги, тандыры, хозяйственные ямы и др. Среди находок на территории поселения исследователи отмечают многочисленные фрагменты керамических

сосудов, в том числе глазурованных. Встречаются целые формы сосудов местного производства групп Юго-Восточный и Юго-Западный Крым. Жители поселения использовали и импортную столовую и тарную посуду византийского, испанского и поволжского производства. Эти материалы, а также многочисленные индивидуальные находки (костяные весы для монет, фрагменты бронзовых зеркал, фрагмент стеклянной лампы, украшения в виде колец и браслетов) могут также свидетельствовать о наличии на поселении богатых усадеб. Наличие каменных жерновов и зернотерок может указывать на земледельческий характер поселения. Нумизматический материал представлен значительным количеством монет, большинство из которых относится ко второй четверти – второй половине XIV в. По мнению А.Н. Хохлова и В.Р. Мельковой, возникновение поселения следует относить к началу XIV в., а пик его деятельности приходится на 1340–1360-е гг. Вероятно, с развитием городского центра, активно развивается и сельская округа, что наглядно демонстрируют материалы поселения Жемчужина [Хохлов, Мелькова 2019: 87–95].

Поселение Су-Баш 1 расположено приблизительно в 7 км от Старого Крыма у восточной окраины села Приветное. Часть памятника распахана, ввиду чего культурный слой памятника в значительной степени поврежден. Вероятно, возникновение поселения привязано к находящимся поблизости источникам воды. Рядом с поселением, представляющим собой многослойный памятник, локализован одноименный могильник. Всего было исследовано около 17 000 м² площади, на которой было выявлено 1005 погребений и 150 других объектов (хозяйственные ямы, каменные вымостки, участок древней дороги). Из хозяйственных ям происходит основной материал, представленный значительным количеством керамических сосудов, костями животных, монетами. Наличие среди керамического материала фрагментов, содержащих крупнодробленый шамот в тесте, говорит о производстве этой посуды в юго-восточном Крыму. Среди керамических изделий, имеющих широкую датировку в пределах XIV–XVIII вв., присутствует и посуда золотоордынского периода. Также среди находок выделяются монеты джучидского чекана, украшения и предметы вооружения, относящиеся, предположительно, к золотоордынскому времени [Мастыкова и др. 2019: 97–115; Мастыкова, Сейдалиев 2019].

К наиболее удаленным от Солхата исследованным памятникам мы относим объекты, расположенные на границе Кировского и Белогорского районов и территории Белогорского района Республики Крым и изученные в ходе строительства линии энергомота в 2016–2017 гг. Это поселения золотоордынского времени Тобен-Сарай и Старый Фонтан.

Поселение Тобен-Сарай расположено в 0,5 км от с. Добролюбовка Кировского района, в естественной низине в пойме р. Булганак. Выше по склону располагается некрополь, который фиксируется по разбросанным надмогильным камням и скоплениям камня. Расстояние от г. Старый Крым до с. Добролюбовка по прямой около 20 км. Площадь памятника составляет около 210 660 м²; учитывая, что раскопки носили спасательный характер, общая площадь исследованной территории составила 220 м². Территория поселения подвергалась хозяйственному освоению, верхняя часть культурного слоя не раз распахивалась. Мощность сохранившегося культурного слоя составила от 0,3 до 2 м, в разных участках раскопа. Всего в границах раскопа было обнаружено 14 объектов, представляющих собой 13 хозяйственных ям и одну постройку в виде землянки или полуземлянки, частично углубленной в материк. Стенки постройки были сложены из бутового камня, в такой же кладке были облицованы стены, углубленные в материк. Среди находок выделим значительное количество керамической посуды (в том числе глазурованной), которую предварительно можно отнести к керамике группы «Юго-Восточный Крым» (ряд сосудов содержит в керамическом тесте значительное количество шамота [Тесленко, Сейдалиева 2016: 87, 88, 99 (кат. № 82), 142; Сейдалиева 2019: 347]), железные (гвозди и изделия неясного назначения) и каменные (в том числе фрагмент жернова) изделия, кости животных, а также медные золотоордынские монеты. Предварительное определение монет показало, что поселение может быть датировано в пределах 90-х гг. XIII – 70-х гг. XIV вв.¹ Наличие керамических материалов местного производства также демонстрирует тесную связь с крупными центрами юго-восточного Крыма золотоордынского периода (и в частности с Солхатом). К сожалению, ограниченная площадь участка раскопок не дает возможности более детально воссоздать быт и уровень хозяйственно-экономического развития жителей поселения.

¹ Здесь и далее определение монет выполнено независимым исследователем А.В. Якушечкиным.

Поселение «Старый Фонтан» расположено в 1 км к юго-востоку от села Некрасово Белогорского района у подножья северного склона горного массива Кубалач. Отметим, что по прямой от г. Старый Крым до села около 30 км. Некоторые итоги спасательных археологических исследований памятника уже были опубликованы [Сейдалиев, Сейдалиева 2018: 499–509; Сейдалиев 2019: 363–386]. Общая площадь исследований на поселении составила 100 м². Судя по обнаруженным археологическим материалам, среди которых встречаются керамические сосуды местного производства группы «Юго-Восточный Крым», импортная византийская и поволжская керамика, это поселение экономически также тесно связано с Солхатом. Другие археологические находки представлены железными предметами (фрагменты замков и ключей, гвозди, подковы, ножи, серп), бронзовыми и медными изделиями (перстни и их фрагменты, монеты). Нумизматический материал представлен золотоордынскими монетами, датированными в пределах 1320–1390-х гг., а также монетами Крымского ханства, которые, вероятно, относятся к существованию здесь поселения и в позднейшее время. Вероятно, активная деятельность на поселении осуществлялась в период с первой четверти до конца XIV в. К сожалению, общая площадь, исследованная при охранных работах, как и в случае с выше упомянутым поселением Тобен-Сарай, не позволяет более детально реконструировать топографию памятника, хозяйственный уклад и социальную структуру его населения. Тем не менее, некоторые находки позволяют сделать вывод о земледельческом характере хозяйства жителей селища.

Таким образом, приведенные данные о сельских поселениях ближней и дальней округи Солхата позволяют предположить тесную хозяйственную и торгово-экономическую связь этих поселений со столицей золотоордынского Крыма – городом Солхат.

Библиография

- АКЧОКРАЛЫ О.Н. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии. – Симферополь, 2016.
- АФАНАСЬЕВ Г.Е., САВЕНКО С.Н., КОРОБОВ Д.С. Древности Кисловодской котловины. – М., 2004.
- ГАВРИЛОВ А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 331–384.
- КОВАЛЬ В.Ю. Археологические раскопки поселения Чокрак-Найман I // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. В 2-х томах. – М., 2019. Т. 1. С. 87–96.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г., ГУКИН В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты археологических исследований). – СПб., 2002.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г., ГУКИН В.Д. Отчет об археологических исследованиях средневекового поселения Бокаташ II в 2005 году. – СПб., 2007.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. ГУКИН В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г.). – СПб., 2006.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. – СПб., 2014. С. 138–153.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. – СПб., 2012.
- МАСТЫКОВА А.В., РЕШЕТОВА И.К., ЧАУКИН С.Н., ГАНИЧЕВ К.А. Исследования средневекового поселения и могильника Су-Баш I в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. В 2-х томах. – М., 2019. Т. 1. С. 97–116.
- МАСТЫКОВА А.В., СЕЙДАЛИЕВ Э.И. Предметы средневекового вооружения из раскопок поселения и могильника Су-Баш-I в Восточном Крыму // Stratum plus. – СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2019. № 5. Археология и культурная антропология. С. 179–191.
- НЕДАШКОВСКИЙ Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М., 2010.
- СЕЙДАЛИЕВ Э.И. Золотоордынское поселение Старый Фонтан в Центральном Крыму (предварительные итоги археологического исследования) // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV С. 363–386.
- СЕЙДАЛИЕВ Э.И. Научный отчет о научных археологических исследованиях (раскопках) на объектах культурного наследия: «Поселение «Чобан-Чокрак», «Поселение Тууш-1» Кировского района, «Поселение и некрополь Тобен-Сарай», «Городище и поселение Мелек» Белогорского района, «Поселение «Денисовка I» Симферопольского района Республики Крым в зоне строительства высоковольтной линии 220 кВ Кафа-Симферопольская II цепь в 2015–2016 гг. В 2-х томах. – Симферополь, 2016. // Архив Института археологии РАН. – М., 2016.

СЕЙДАЛИЕВ Э.И., СЕЙДАЛИЕВА Д.Э. Керамика как индикатор инноваций в традиционной кочевнической культуре Золотой Орды (на примере находок с поселения «Старый Фонтан») // МАИЭТ. – Симферополь, 2018. Вып XXIII. С. 499–509.

СЕЙДАЛИЕВА Д.Э. Изображения птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округи // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 335–362.

ТЕСЛЕНКО И.Б., СЕЙДАЛИЕВА Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV в. // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. – Симферополь, 2017. С. 85–106.

ХОХЛОВ А.Н., МЕЛЬКОВА В.Р. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. В 2-х томах. – М., 2019. Т.1. С. 71–86.

В.А. СИДОРЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

МАНГУПСКАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ГЕКАТОНТАРХΑ ΤΖΙΤ[ζικίου] И ХАН ТОКТАМЫШ

Сообщение о находке на Мангупе крупного фрагмента мраморной плиты с начальными буквами восьмистрочной греческой надписи, в которой упоминался хан Токтамыш, было опубликовано Ф.А. Брауном в Отчете Императорской Археологической комиссии за 1890 г., где помещена и ее прорисовка [Браун 1893: 19–20, № 12]. По мнению Ф.А. Брауна, «она взята из какой-нибудь Мангупской церкви, и свидетельствующая об основании храма и его основателе» [Браун 1893: 20; Латышев 1896: 54]. Другой рисунок (Рис. 1), сделанный по предоставленной А.И. Маркевичем фотографии, был опубликован В.В. Латышевым в его «Сборнике греческих надписей» с чтением и частичными восстановлениями текста [Латышев 1896: 54, 55, № 46].

Чтение надписи и восстановления В.В. Латышева:

1 + Ἐκ[τίσθη ὁ πύργος(?) οὗτος ἐκ β]-
ἀθρω[v.....διὰ]
κόπου [καὶ συνδρομῆς(?)]
Τζιτ[ζικίου τοῦ.....έκα-]
5 τοντάρ[χου]
ἐπὶ τῆς β[ασιλείας]
Τοχταμ.....
ἐπὶ ἔτους

В.В. Латышев не восстанавливает имя Токтамыша и в комментарии замечает, что это могло быть и имя Тохты. Н.В. Малицкий возражал В.В. Латышеву по части этой оговорки, апеллируя к отчетливо наблюдаемому на прорисовке камня *мю* и приводя общеисторические соображения. По его мнению, «Время царствования Тохты_(с) это время карательных экспедиций в Крым (ногайское нашествие), время разгрома Судака, Каффы, Керк-Йери и пр. (1299)_(с) и вторично Кафы (1308). Едва ли тогда

могли быть созданы благоприятные условия для строительства в Крыму, тем более отмечаемого по имени царствующего хана» [Малицкий 1933: 6]. Н.В. Малицкий невнимательно отнесся к тексту надписи, не заметив отсутствия связи между восстанавливаемым β[ασιλείας] и именем Токта[мышы], к тому же отрицал и возможность помещения на камне имени какого-либо греческого царя [Малицкий 1933: 7]. В.В. Латышев, рассматривая упоминание в надписи имени хана Токты или Токтамышы, говорит о некоем неопределенном «татарском владычестве» над Мангупом: «...надпись свидетельствует, что и под татарским владычеством в начале или конце XIV века в Мангупе сидело православное греческое население» [Латышев 1896: 55]. Н.В. Малицкий включал Феодоро в непосредственно подчиненные Золотой Орде территории, по крайней мере, со времени Токтамышы, рассматривая ситуации с походами ханов и темников Золотой Орды на города Таврики как попытки преобразования Готии в золотоордынский улус и апеллируя ко мнению В.Д. Смирнова, что после вторжения на полуостров Мамая и поражения его Токтамышем, Крым «был беспризорным и представленным своей собственной участи» [Смирнов 1887: 36].

Поскольку перед сохранившимся в ст. 6 βα- уверенно читается генетивная форма артикля женского рода τῆς, то за ним В.В. Латышев восстанавливает β[ασιλείας], подкрепляемое тем, что часть альфы видна на камне. Генетив от βασιλεία – «царствование», отличается только ударением от βασίλεια – «царица», что создает двойственность чтения, которую могли бы прояснить следовавшие несохранившиеся части речи. Впрочем, задачи *cherchez la femme* здесь не возникает. Возможно, архаичная форма ἐπὶ τῆς βα[σιλείας] побудила В.В. Латышева воздержаться от восстановления имени Токтамышы. Допуская более раннюю датировку надписи, чем время правления в Золотой Орде этого хана, он вынужденно пренебрегает отчетливо читавшимся *μιο*, на наличие которого указывал Малицкий, как на доказательство чтения имени Токтамышы, констатируя, «что сам Латышев в восстанавливаемом им тексте читал тоже Τοχταц и лишь в комментарии выдвинул имя Тохты» [Малицкий 1933: 6]. Можно предполагать, что В.В. Латышев не исключал возможности восстановления строк, как (cum dat.): ...[καὶ ἐπὶ] Τοχτᾶ μ[εγάλῳ κτλ.]. Подобное разграничивало бы «в царствование» и «при Тохте», к тому же удревняло надпись на столетие. Такое предположение, не объяснявшееся В.В. Латышевым, мог учитывать Н.В. Малицкий, заключая без связи с приводимыми им рассуждениями, что «...строитель, если он принадлежал к тюркской народности, носил греческое звание ἑκατοντάρχης. Мыслилось ли в этом принятии греческого звания какое-нибудь подчинение греческому императору, на

этот вопрос скорее можно ответить отрицательно» [Малицкий 1933: 7, 8]. Собственно, в этом «греческом звании» заключается другая причина, по которой В.В. Латышев мог допускать возможность более ранней, чем время Токтамыша, датировки надписи. Гекатонтарх, командующий подразделением в сто человек в греческой фаланге, является анахронизмом для XIV в. Н.В. Малицкий совершенно справедливо расценивает его «в соответствии с титулатурой татарских командных лиц» [Малицкий 1933: 8], но ему уже была известна другая строительная надпись из местного известняка, найденная Р.Х. Лепером на Мангупе в 1913 г. и сообщающая неблагозвучное для русского языка (в чтении Н.В. Малицкого) другое имя строителя с тем же «греческим званием» гекатонтарха [Лепер 1914: 298; Малицкий 1933: 9, 10, рис. 2]. В ней упоминалось Феодоро, что не оставляло сомнений в принадлежности ее Мангупу и бытованию здесь звания «сотника», одновременно это подтверждало местное происхождение надписи гекатонтарха Чичикиоса. В распоряжении В.В. Латышева не было найденной в 1913 г. надписи, которая бы развеяла бы его сомнения. После обнаружения ее появились все основания для восстановления в ст. 7 надписи Чичикиоса имени хана Токтамыша, что и было сделано Н.В. Малицким.

Х.-Ф. Байер вводит христианское княжество Феодоро в число прямо подчиненных Токтамышу улусов, повторяя чтение и восстановления В.В. Латышева с дополнением имени Токтамыша по Н.В. Малицкому со своей конъектурой: «Была построена [башня (крепость?) от] основ [через] усилие [и (?) поддержку (?) Тзитс [...co]тник[а] при ца[рствовании] Тохтам[ыша] в году [...]]» [Байер 2001: 189]. Это самое «при царствовании Токтамыша», бескомпромиссное, как приговор, возможно, получилось случайно, если Х.-Ф. Байер просто пропустил многоточие (почти в строку камня) между «царствованием» и «Токтамышем». Э.И. Сейдалиев пишет, что «... надпись В.В. Латышев реконструирует следующим образом: *"Построена эта башня от основания трудом и изживением Тцитцикия гекатонтарха в правление Тохтамыша"*», – ссылаясь на В.В. Латышева и В.П. Степаненко [Сейдалиев 2017: 379], но следует отметить, что В.В. Латышев не связывал слова «в правление» с именем Токтамыша, разделяя их многоточием.

Насколько было употребительно применять «царствование» к золотоордынским ханам, вопрос не праздный. Первые Золотоордынские правители Бату и Берке не именовались ханами, получая этот титул то ли посмертно, то ли, что касается Берке, только в конце своего правления – после принятия им и военной аристократией Золотой Орды мусульманства и обособления улуса от Монгольской империи с ее распадом. Правда, принятие Берке титула каана или хана не подтверждается в его монетной

чеканке, но именование его ханом в пересказе письма Иису Ногая, Тук Буги (Тука Тимура) и Уртимура (Уран Тимура) султану египетскими хронистами [Тизенгаузен 1884: 101, 102] можно принимать всерьез, если, конечно, оно не является их конъектурой. В документации двора султана Бейбарса употреблялось по отношению к Берке именование *малик*, что значит «правитель», «власть», «царствование», «царь». Подобными «правителями» были и подчиненные султанам малики Анатолии и др. Но на царство или царствование (ал-Малик Аллах!) никто из них не покушался. В иерархии Монгольской империи правители улусов и командующие крупными подразделениями являлись подчиненными каану нойонами, и даже особая каста принцев крови – огланы, не выпадали из этой категории установленного Чингизханом порядка. С принятием, начиная с последних лет Берке и с Менгу Тимура (1266–1282), правителями Золотой Орды титула хана в канцелярии мамлюкского султана вносятся изменения в оформление дипломатической почты, где непременно предписывалось помещать в колофоне письма выделяемые золотом титул хана и его мусульманский лакаб [Favereau 2008: 77; Фаверо 2016: 59]. Позволить себе называть ханов Золотой Орды царями (на своем языке) могли только русские летописцы. В документах генуэзской Каффы хан Золотой Орды именуется «господином императором Тартарии» (Татарии). Первый самостоятельный крымский хан Бек Суфи называется генуэзцами «императором Солхата». Посол Жильбер де Ланноа, направлявшийся в 1421 г. к нему по поручению Великого князя Литовского Витовта, не застав его в живых, писал: «Солхатский император недавно умер». Возвращаясь к мангупской надписи, заметим, что для грекоязычного населения Готии и Феодоро золотоордынский хан мог носить титул автократора Тартарии (т.е. «императора»), который, но на латыни, использовался по отношению к нему и генуэзцами Каффы.

Надпись гекатонтарха Чичикиоса от надписей о строительстве башен отличают материал (мрамор), большие размеры и находившимися в ее стл. 6–7 имена «базилевствующего» и Токтамыша, что отражало признание вассалитета княжества по отношению к его сеньорам. Эта традиция была продолжена в мангупских строительных надписях XV в. размещением на них изображений щитов с гербами или медальонов с монограммами сеньоров наряду с монограммой владельца крепости или замка, вассала. Таким образом, появление имен правителей в мангупской надписи времени Токтамыша (1380–1395) являлось предтечей геральдики Мангупа, зарождение которой значительно отставало по времени от геральдики Каффы. На «геральдических» плитах Каффы, относящихся к 1342 г., находится личный герб [Пастуро 2017: 224] хана Золотой Орды – геральдический щит с изображением джучидской тамги с бризурой-полумесяцем [Skrzinska 1928:

32–34, № 2а–b; Айбабина 2001: 187, табл. I,2; Тункина 2011: 100, 102; Вальков 2015: 172, 173; Юргевич 1863: 159; Яровая 2010: 135, рис. 8]. На плите 1346 г. также помещается подобный латинизированный герб золотоордынского хана [Dubois de Montpéreux 1843: 299; Waxel 1803: № 20; Юргевич 1863: 160, V; Skrzinska 1928: 35, 36, № 3; Айбабина 2001: 191, табл. V,2; Яровая 2010: 136, рис. 10]. Ко времени Токтамыша число каффинских плит с его личным гербом заметно увеличивается: 1384, 1386, 1389 и 1396 гг. [Skrzinska 1928: 58, 59, №№ 8а, 11, 12].

Среди строительных плит Феодоро XV в. особо выделяются схожие между собой по оформлению, палеографии надписей, а две из них – геральдикой щитов плиты 1402/3, 1425/6 и 1427/8 гг. От первой были известны три сообщающих дату 6911 (1402/3 г.) мраморных фрагмента, два из которых были найдены Р.Х. Лепером в 1913 г. при раскопках здания дворца на Мангупе, а третий – доставлен в музей Таврической ученой архивной комиссии М.И. Скубетовым [Латышев 1918: 19; Малицкий 1933: 25, 26, рис. 7]. Н.В. Малицким высказывалось предположение, что надпись, которую завершала читаемая на фрагментах дата, «возможно связывать с Алексеем и во всяком случае с его фамилией» [Малицкий 1933: 26–28, рис. 8]. Вторая надпись находится на двух фрагментах правой половины плиты, найденных Р.Х. Лепером в 1912 г. на Мангупе к юго-востоку от раскопанной раньше базилики [Лепер 1913: 48; Латышев 1918: 18; Малицкий 1933: 33–35, рис. 10]. Наконец, третья плита – 1426/7 г., сохранившаяся почти полностью с утратой части правой стороны по середину флангового щита с изображением стилизованного двуглавого орла. Место находки ее точно не известно и касательно ее принадлежности мнения исследователей разделяются – одни причисляют ее к Каламите (Инкерман), другие – к Феодоро (Мангуп), к последним присоединяется и В.В. Латышев [Латышев 1896: 52–53]. Ее рисунок впервые был опубликован П. Сумароковым и неоднократно переиздавался [Сумароков 1805: рис. 20; Raoul-Rochette 1822: pl. IX,8; Кеппен 1837: 218; Dubois de Montpéreux 1843: 258; Dubois de Montpéreux (Atlas): IV série, pl. XXVIIb, fig. 1; Латышев 1896: 50–53, № 45, табл. V; Малицкий 1933: 26]. На плите изображены три щита с геральдической символикой, ограничивающие с флангов и разделяющие посередине четыре верхних строки шестистрочной надписи. На первом щите изображен прямой крест, символика которого может относиться к Генуе (как считал ряд исследователей), но не исключено, что он является символом христианства, осеняющим плиту с надписью о постройке христианского храма в честь святых Константина и Елены. Отсутствие бризур на нем указывает на невозможность отнесения его к личным гербам. Прямо противоположное значение имеет средний щит с монограммой имени Алексія, в котором всеми исследователями бесспорно

усматривается имя феодоритского князя. Безусловным подтверждением этому является восхваление его заслуг в самой надписи. Третий щит украшает геральдическое стилизованное изображение двуглавого орла, близкое по стилю орлу Трапезундских Великих Комнинов или византийских Палеологов, снабженное сплетающимися лозами лилейного орнамента, восходящими над его головами и завершаемыми трехлистной пальметтой. Центральное положение монограммы Алексія, главенствующее над крайним правым гербом, заставляет рассматривать последний как не относящийся к личным гербам. Вероятно, он символизирует какую-то из христианских империй, отражая родственные связи с ней феодоритского князя, или конфессиональность (но не католического рыцарства «Гроба Господня», которую предполагает В.Л. Мыц [Мыц 2018: 177–192]). Помещенные здесь гербы в полной мере соответствуют ктиторской надписи церковной постройки.

Можно заметить, что на строительных плитах Каффы, не относящихся к фортификации, помещаются гербы меценатов строительству, и только на плитах с надписями о строительстве оборонительных сооружений вместе с другими инсигниями помещаются гербы сеньоров, в том числе и тамга с полумесяцем золотоордынского хана. Пушкинское «Твой щит на вратах Цареграда» (о Вещем Олеге) или В.С. Высотского «Еще б один щит...» – известное водружение щита победителя на врата покоренной крепости. Реминисценцией подобной традиции являются изображения геральдических щитов на башнях стен, отражающие покровительство сеньора. Мог ли поместить свой «рекламный щит» на башнях Каффы любой ктитор? Зависимость каффинской общины от Генуи в решении вопросов эксплуатации башенной геральдики если и существовала, то никак не касалась золотоордынского хана: все гербы меценатов, дополняющие в строительных башенных плитах Каффы генуэзский и ханский, принадлежат представителям знатных родов Генуи. Таким образом, сеньория золотоордынского хана, выраженная геральдикой, была весьма формальной. В утверждении права на ктиторство оборонительных сооружений Каффы решающее слово принадлежало консулу, массариям и Совету, что видно по эпизоду с невыполненным обещанием посла Каффы Великому князю литовскому Витовту поднять над Каффой его знамена и установить его герб на одной из башен. Послом были за это получены утраченные им по дороге в Каффу деньги, а в судебном разбирательстве по его делу рассматривались вопросы их компенсации Витовту и превышения своих полномочий послом [Карпов 1998: 46, 47]. Можно заключить, что геральдические эмблемы золотоордынских ханов размещались только на связанных с фортификацией строительных плитах.

Это наблюдение подтверждается строительной плитой крепости Фуна. Она была найдена при раскопках крепости В.Л. Мыцом [Мыц 1988: 104, рис. 5; Виноградов, Мыц 2005: 281, рис. 1] и датируется по сообщаемой ею дате 1458/9 г. Кроме монограмм Алексія и Александра, надпись располагает монограммой выраженного греческими буквами имени, определявшимся В.Л. Мыцом как «Ἀχμετος, Ἀχματος» [Мыц 1991: 192; Виноградов, Мыц 2005: 274, 275] и относимым им ко «второму (татарскому) имени Олубея». Аналогий подобным греческим транскрипциям имени Ахмат не находится, но в известных написаниях Ἀχμάτ, Ἀχμάτης, Ἀχμάτις, Ἀχμέτης [Moravcsik 1958: 81] оно действительно отражено средней монограммой, принадлежащей хану Большой Орды Ахмату. Как показали исследования монетной чеканки Каффы, в предшествующие надписи годы вассальное подчинение Большой Орде признавала и Каффа, чеканившая свои генуэзско-татарские монеты с именем хана Сейид Ахмада [Сидоренко 2015: 287–289]. Крымское ханство тоже на несколько лет попадает под его власть [Сидоренко 2016 194–197]. Позже В.Л. Мыц отказывается от чтения монограммы как имени Ахмата в пользу вымышленных В.П. Кирилко имен, а затем предлагает новое, также отсутствующее среди известных [Виноградов, Мыц 2005: 275; Мыц 2009: 399; 2018: 201, 202, прим. 34]. По его мнению, все три монограммы принадлежат соправителям Феодоро, а общие элементы, образующие обрамление с венчающим Т – представляют также монограмму, передающую слово τάφος – «Гроб» (Господень) [Мыц 2018: 177], но аналогий применению этого эпитета в качестве титула или подобных монограмм им не приводится. Несомненно, что монограммы объединяет общий для них титул, но, скорее, это могли быть то ли использующее расположенную внизу букву *πι* – *δηλότης* – *господин, властелин* (по аналогии с читавшейся В.А. Анохиным монограммой титула на литых херсоно-византийских монетах Иоанна Цимисхия), то ли синонимичное *αὐθέντης* (подобно, как в надписи о строительстве храма Константина и Елены), то ли иначе (что не принципиально), но именовать правителя «гробом», пусть даже Господним, вряд ли бы кто-то решился.

Владетель Фуны в геральдике ее надписи признает свой вассалитет перед Феодоро и Большой Ордой, а, кроме того, выражает свое происхождение от Алексія мангупской строительной надписи 1427/8 г., повторяя на флангах гербы его плит. Судя по этому, хозяин крепости Фуна – один из сыновей Великого князя (Олу-бея) Алексія – Александр, сестра которого Мария была выдана замуж за молдавского господаря Стефана Великого 14 сентября 1472 г. [Славяно-Молдавские летописи: 27, 64, 70, 118]. Сам Александр, возможно, после захвата его замка татарами Хаджике Ширинского (в письме его родного брата Эминека турецкому

султану сообщается о пребывании Хаджике в молдавском плену и захвате им «края неверных Менкупа» [Лунык 2016:194, 195], очевидно, Фуны), отпрямляется к господарю Стефану, откуда уже после взятия Каффы османами прибывает на Мангуп, чтобы вступить после Исаака «во владение отцовским наследством» на основании грамот, выданных королем Венгрии [Колли 1911: 12]. Здесь, несомненно, наблюдается независимость княжества от ордынских или крымских ханов.

В ст. 6 надписи времени Токтамыша могло находиться имя трапезундского императора, официальному титулу которого (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ) соответствует сопровождавшая его имя формула – τῆς βασιλείας]. На время правления в Золотой Орде Токтамыша приходится царствования Алексия III Великого Комнина (1349–1390) и Мануила III Великого Комнина (1390–1417). Византийские императоры при Токтамыше с 1380 по 1389 гг. лишены престола. Мануил II Палеолог только в 1391 г. начинает царствование (1391–1425), охватывающее пять последних беспокойных для Токтамыша лет правления в Орде. Вероятность нахождения на плите его имени также возможна, но решать вопрос однозначно не позволяет отсутствие более точной датировки плиты, чем время ханства Токтамыша.

Можно заключить, что по размерам мраморная табула превосходила примерные образцы башенных закладных плит. По сообщению А.И. Маркевича, на которое ссылается В.В. Латышев [Латышев 1896: 54, прим. 1], длина найденного Ф.А. Брауном фрагмента плиты составляет 27,5 дюймов (70 см), ширина – 14,5 (40 см). Это подтверждает и сам мраморный фрагмент надписи, хранящийся в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника [Степаненко 2018: 231–233, рис. 1]. Таким образом, высота плиты, имевшей прямоугольную форму, традиционную для строительных надписей, составляла 70 см, а ширина, при свободном, не уплотненном размещении букв на ней, была значительно больше метра. По примерному расчету длины строк в первой – обнаруживается значительно большее расстояние между уверенно читаемыми и восстанавливаемыми В.В. Латышевым Ἐκ[ίση ἔκ β]ῆθρων, чем необходимо для [ὁ πύργος οὗτος]. Очевидно, что там находились эпитеты, восхваляющие постройку, что вряд ли совмещалось бы с рядовой башней. Можно предположить, что это была стена.

Восстановление В.В. Латышевым имени гекатонтарха, принятое Н.В. Малицким, представляется достаточно обоснованным. При этом восстановлении В.В. Латышев не ставит знака вопроса. Варианты написания того же тюркского мужского христианского (!) имени в разночтениях приводятся Г. Моравчиком [Moravcsik 1958: 310, 314]. Вариант В.В. Латышева приближен к образующему тюркскому čičäk (по

Г. Моравчику – čiček). Вероятно, уместно объяснить, что В.В. Латышев следовал соблюдавшемуся в его время важному, если не сказать главному, принципу эпиграфики и не включал в читаемую часть текста фрагментарно сохранившихся букв, если они не определяются отчетливо или хотя бы однозначно. Пренебрегая этим принципом и исходя из случайного сходства видимых остатков буквы с прописанными на камне, в обрезанном сколом крае буквы в ст. 4, находящимся после четырех букв имени гекатонтарха (Τζιτ...), можно было бы видеть неуместный здесь *омикрон*, каким он представлен пятикратно в стгг. 3 (2), 5, 7, 9. Но, как видим, В.В. Латышев, безусловно обращавший на это сходство внимание, не изменил научному методу. Объяснять его принцип принуждают некоторые работы, посвященные ревизии переводов и восстановлений текста мангупской надписи, выполненных В.В. Латышевым [Байер 2001: 396, 397; Мыц 2009: 390–393; Степаненко 2008; 2017; 2018: 231].

Корректированное Н.В. Малицким восстановление В.В. Латышевым мангупской строительной надписи может быть дополнено без изменений в ее чтении:

1 + Ἐκτ[ίσθη τὸ τεῖχος(?) τοῦτο ὁ νῦν ὄρται(?) ἐκ β-]
 ἀθρων [.....διὰ]
 κόπου [καὶ συνδρομῆς(?)]
 Τζιτ[ζικίου.....ἐκα-]
 5 τοντάρ[χου]
 ἐπὶ τῆς βα[σιλείας τοῦ δεῖνος.....καὶ ἐπὶ]
 Τοχταμ[ύσου αὐτοκρατῶρου τῆς Ταρταρίας(?)]
 ἐπὶ ἔτους [ζω' ρ' vel ζω' φα' -θ' vel ζα' α' -γ' ...].

Перевод: По[строена эта стена как ныне зрится (?) от] основания ...[благодаря] труду [и иждивению (?)]...| Чи[чикиоса (?)].... сот[ника]...| в [царствование ... и при] Тохтам[ыше, императоре Татарии (?)] в лето [6890 (или 6891–6903)]... = 1381–1395 гг.

Заметное удлинение строк за счет предполагаемого титула Токтамышы, без которого его имя могло и не пониматься как имя хана, позволяет не исключать возможности помещения во второй строке имени правителя перед именем строителя-сотника: ...[ἐκ β]|ἀθρων [ὑπὸ ἡμερῶν(?) τοῦ δεῖνος(?)]... διὰ|κόπου к.т.л., или ...[ὑπὸ κυριοῦ(?) τοῦ δεῖνος(?)]... διὰ|κόπου к.т.л. Можно отметить, что отсутствие имени правителя при наличии имен его сеньоров – практически исключается, а должность «сотника» Чичикиоса не входит в число титулов правителя, не говоря уже о невысокой ее значимости в военной иерархии.

Н.В. Малицкий, публикуя надпись с именем гекатонтарха Чичикиоса, писал: «Возможно также допустить, что непосредственное подчинение власти татарского хана и имелось в виду подчеркнуть в рассматриваемой

надписи» [Малицкий 1933: 6]. Вопрос, какую форму подчинения отражает эта надпись, не может решаться без привлечения других надписей и всего доступного круга источников. Как видно, мангупские надписи отражают вассально-сюзеренные отношения между Феодоро и Золотой Ордой, позже – Большой Ордой, Крымским ханством, а также Феодоро и Трапезундской империей. Существование церковных связей крымских епархий с Византийской империей через ее патриархат освещает другой круг источников. Связи Мангупского княжеского рода Алексия I с Великими Комнинами и Палеологами, традиционная принадлежность приходов приморской Ялты на территории Готии Константинопольскому патриархату показывают сложность всех этих взаимоотношений, которые были бы невозможны в условиях подчинения Феодоро Золотой Орде в форме прямого администрирования. Симбиоз Готии во главе с крепостью (городом) Феодоро и Золотой Орды, несомненно, представляет важное направление в исследованиях. При этом выделение в археологической периодизации памятника «Золотоордынского периода» [Герцен, Науменко 2016а; 2016b] не может обойтись без привлечения эпиграфических источников.

Самостоятельность Готии с ее главным городом Феодоро во времена существования Крымского улуса Золотой Орды отражает одна из мангупских надписей, датируемая А.Ю. Виноградовым 6791 г. (1282/3 г.) и сообщавшая о победе над вторгшимися на его территорию разнужданными грабителями. Надпись (Рис. 2) неоднократно издавалась и комментировалась [Латышев 1896: 56, 57, № 47; Малицкий 1933: 15–19; Виноградов 2017: 292, 293, № V 175]. Она относится к строительным, несмотря на то, что в ней восхваляются заслуги неизвестного лица, заключавшиеся в отражении нападения Βαρζάρους силами организованного им ополчения. Плита найдена в кладке одной из башен оборонительной стены в балке Табана-Дере у входа в верхний город, что связывает надпись со строительством, во время которого и происходили увековеченные ею события. Датировка надписи и строительства стены главной системы обороны города незаменимы для истории Мангупа.

Нас интересует ст. 6, о которой Н.В. Малицкий пишет, что она «читается почти целиком», значительно увеличив число опознаваемых букв по сравнению с чтением В.В. Латышева [Малицкий 1933: 19]. Приведем фрагмент текста в чтении Н.В. Малицкого, охватывающий стт. 5–7: κῆ κατεδῆ|ξαν κ, κατέκοψαν αὐτοὺς ἕως τοῦ ζαζαλε κ, μέρης (?) ια; το | καὶ ἦκουσαν... В уточнении А.Ю. Виноградова: κῆ κατεδῆ|ξαν κῆ κατέκοψαν αὐτοὺς ἕως τοῦ Ζαζαλε κ(αὶ) μέρους ια': το | καὶ ἦκουσαν... Перевод Н.В. Малицкого: «и гнали их и рубили до Зазале (?)... частей (?) 11 ...». Не берясь проверять точность чтения по камню, который в настоящее время

уступает в своей сохранности тому состоянию, в котором он находился при Н.В. Малицком, мы имеем возможность высказать некоторые соображения к пониманию чтения этой строки. Речь, очевидно, идет о людях татарского владетеля Крымского улуса Саисале, которых зарубили числом 11. Саисале упоминается Абуль-Гази в числе правителей Крыма, потомков Тука Тимура, получившего во владение Крым при Берке. Название Βαρζάρους в подобном случае может пониматься как «базарцы», то есть жители Карасубазара (совр. Белогорск), места расположения ордабазара Тукатимуридов и центра Крымского улуса.

Вместе с тем, возникают сомнения в правильности прочтения даты А.Ю. Виноградовым на плите с надписью о Ζαζαλε, в связи с чем – и вопрос, не могла ли эта надпись быть на сто лет моложе, а годовое число на ней читаться как 6891? Для изменения даты на сто лет достаточно добавить вертикальную черту под грубо прописанной «омегой» (800), чтобы она превратилась в «пси» (700). Ср.: ,ζω'ρα' (6891) и ,ζψ'ρα' (6791), или случайной царापины, которых, как отмечают исследователи, немало на камне. Подобной черты под *омегой* цифры Н.В. Малицкий не обнаруживал в 1933 г. Выяснение даты надписи имеет значение хотя бы потому, что она из немногих, где упоминается Феодоро. Поскольку при наличии повреждений одной из цифр даты невозможно уверенно выявить это визуально, а выявив – доказать, куда большее значение обретает исследование самой надписи в контексте истории.

Время правления Саисале помогает установить запись в армянской рукописи «Соборника» из Национальной библиотеки Франции (MS 121) [Kevorkian, Ter-Stépanian: 182]. В ней священник Аристакес сообщает (перевод Т.Э. Саргсян): «Написана эта книга, вобравшая (в себя) понемногу из всего, имеющегося по теме, в лето Армянское 835 [1386], покровитель (года) – Телец, // в горькое время, в ханство Тохты и при господине <[...]> Крыма Сайисалэ, который и, сам снявшись в поход, на Кафу пошел, передовую стражницу [форпост] внезапно (атаковал) и много вреда нанес, и много пленных взял, и награбленного вынес, и много монастырей и церквей разорил и сжег снаружи крепости, но внутри не смог. А затем отправился на Сууга и вернулся побежденный, осрамленный и сломленный. // И (напав) на многие другие окружные села – до Хыпчага, включая и Йичэл (?), много нужды привнес в страну. И многие из его воинов, пронзенные, погибли, раздавившись под колесами [телег, арб?], и многие другие изранены были...» [Саргсян 2010: 188, № 103]. Мы удаляем из перевода конъектуру переводчика «[Города] Крыма», поскольку речь идет не о ханском наместнике в Солхате (городе Крыме), а о «господине» улуса Крым с центром в Карасубазаре, которых между собой путает, например, А.В. Джанов [Джанов 2018: 93]. О неверном

понимании исследователями титула *dominus Sorchati* как правителя Крымского улуса и одновременно даруги Солхата см.: [Крамаровский 2012: 313]. Обращает на себя внимание именование Токтамышша Тохтой, встречающееся в среде христианского населения Крыма, хотя армянским писцам книг было знакомо и полное имя «таджикского хана Токтамышша из рода Апу» [Саргсян 2010: 187, № 102].

Нападение Саисале на генуэзские Каффу и Судак с округой и селами Хыпчаг и Йичел, находящимися за ее пределами [Бочаров 2005: 283–287], являлось протестом против Токтамышша, который урезал его законные, подтверждаемые яссой Чингизхана права Тукатимурида. 27 ноября 1380 г. был заключен договор между представителем «императора Газарии» и администрацией Каффы (консулом и массариями). За титулом «императора Газарии», в которую, очевидно, входили Крым и Азак, скрывается Мамай, объявивший себя ханом (судя по чеканке серебряных азакских монет с его именем и титулом «хан») [Френ 1832: 20; Пачкалов 2012: 117–119] и снабжению надчеканкой в виде трехногой тамги с боковым ответвлением от кольцевого навершия – крымских, обращавшихся со времени Узбека и часто уже имевших более ранние надчеканки «хан» (Джанибека) и генуэзский «портал»). Одним из пунктов договора было возвращение Судаку деревень, прежде отобранных тем же Мамаем. Эта и другие уступки со стороны еще сохранявшего свой титул хана объясняются его намерением найти защиту от преследовавшего его войска Токтамышша за стенами Каффы.

О том, что местопребыванием Мамаея являлся Карасубазар – центр Крымского улуса и место локализации ордабазара (кочевой ставки) крымских Тукатимуридов, свидетельствует другая запись на армянском языке – приписка к лекционарию из Матенадарана (Рук. 4656) [Хачикян 1950: 467, 468]. Аветис, сын Натера, сообщает: «А написан этот (Лекционарий) в городе Крым, в Земляных жилищах верхних, в лето 814 [1365], месяца августа 23, в (пору) многонародного возмущения, ибо вся страна от Кеча до Сарук'армана здесь собралась – люди и скот, и Мамай в җарасу с бесчисленными татарами, и сей город (Крым) пребывает в сотрясении...» [Саргсян 2010: 158, 159]. В той же рукописи находится другая запись: «С войной скорбь объяла все границы города Крым, ибо начальник-князь его не смог противостоять, будучи побежденный, сбежал, и (напавшие) присоединили к войску около 2000 мужчин и, забрав вместе с припасами оружия, увели на мол» [Саргсян 2010: 158-159]. Можно понять, что в предпринятых Мамаем после объявления себя ханом в Азаке военных действиях против Солхата, принимали участие татары Карасубазара, люди оглана Саисале. Когда же постигнутый войском Токтамышша и пытавшийся найти защиту в стенах

Каффы Мамай оказался окончательно повержен, то 24 февраля 1381 г. Каффой был заключен новый договор, почти дословно повторяющий первый, но уже с Токтамышем, «Господином императором» или «Великим императором Татари» [Sasy 1826: 52–56; Desimoni 1887: 161, 162]. Принято считать, что Токтамыш возвратил Судаку его деревни, а также и передал генуэзцам Чембало, но это было сделано Мамаем, готовым и на большие уступки ради своего спасения. Очевидно, что ничем, кроме южного побережья Готии, он не располагал, а Готия-Феодоро сохраняла свою независимость от татар на урезанной завоеваниями Мамай территории.

Если надпись о набеге людей Сайисале (Зазале) относится к 6891 г. (1382/3 г.), а две первые цифры ее так и были прочитаны во времена ее лучшей сохранности, чем в настоящем, Н.В. Малицким, связывавшим описываемые события предположительно с концом XIV в. [Малицкий 1933: 19], то она, найденная в башне той же стены в балке Табана-Дере, что и вторично использованный в кладке другой башни фрагмент мраморной плиты находки 1890 г., придает уверенности отнесению последней к той же стене и уточняет ее датировку в рамках правления в Золотой Орде Токтамыша.

Библиография

- АЙБАБИНА Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001.
- БРАУН Ф.А. Мангуп / Производство археологических раскопок: Ia. В уездах Мелитопольском и Симферопольском // Отчет ИАК за 1890 г. – СПб., 1893. С. 2–21.
- БАЙЕР Х.-Ф. История Крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001.
- БОЧАРОВ С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Солдайское // АДСВ. – Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 282–293.
- ВАЛЬКОВ Д.В. Генуэзская эпиграфика Крыма. – М., 2015.
- ВИНОГРАДОВ А.Ю. Надписи княжества Феодоро в фондах Херсонесского музея // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. М.; СПб., 2000. Вып. 4. С. 444–446.
- ВИНОГРАДОВ А.Ю. «Геральдические» надписи византийского Крыма // ТГЭ. – СПб., 2018. Т. ХСIV. Материалы и исследования Отдела нумизматики: по материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма. С. 223–232.
- ВИНОГРАДОВ А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
- ВИНОГРАДОВ А.Ю., МЫЦ В.Л. Фунская надпись 1459 г. // АДСВ. – Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 273–281.

- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. О золотоордынском периоде в истории Мангупского городища: к постановке научной проблемы // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Под редакцией С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 272–274.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. – Казань, 2016. № 9. С. 247–258.
- ДЖАНОВ А.В. Каффа и Крым во второй половине XIV в. (преимущественно по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. – К., 2018. Вип. 1 (VII). С. 44–303.
- КАРПОВ С. П. Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. – М.; СПб., 1998. Вып. 3. С. 9–47.
- КЕШПЕН П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). – СПб., 1837.
- КОЛЛИ Л. П. Исторические документы о падении Кафы // ИТУАК. – Симферополь, 1911. № 45. С. 1–18.
- КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда, Византия, Италия. – СПб., 2012.
- ЛАТЫШЕВ В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896.
- ЛАТЫШЕВ В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИИАК. – Петроград, 1918. Вып. 65. С. 9–21.
- ЛЕПЕР Р.Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. // ИИАК. – СПб., 1913. Вып. 47. С. 73–79, 146–154.
- ЛЕПЕР Р.Х. Сообщение о раскопках на Мангупе в 1913 году / Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии: Заседание 30-го января 1914 года // ИТУАК. – Симферополь, 1914. № 51. С. 297–300.
- ЛУНЯК Е.Н. Письмо Эминек-бея из рода Ширин султану Мехмеду II о делах в Крыму (май 1476) // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы. Сборник научных статей (Библиография Крымоведения 26). – Симферополь, 2016. С. 193–197.
- МАЛИЦКИЙ Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК – Л., 1933. Вып. 71.
- МЫЦ В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев, 1988. С. 97–115.
- МЫЦ В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV–XV вв. // Византийская Таврика. – Киев, 1991. С. 179–193.
- МЫЦ В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. – Симферополь, 2009.
- МЫЦ В.Л. Двуглавый орел в «геральдике» князей Феодоро XV в. // ТГЭ. – СПб., 2018. Т. ХСIV. Материалы и исследования Отдела нумизматики: по материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». С. 162–222.
- ПАСТУРО М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб., 2017.

- ПАЧКАЛОВ А.В. К вопросу об именных монетах Мамая // Нумизматика Золотой Орды. – Казань, 2012. Вып. 2. С. 117–119.
- Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., русс. пер. и прим. Т.Э. Саргсян. – Симферополь, 2010.
- СЕЙДАЛИЕВ Э.И. «Гекатонтархи» мангупских строительных надписей XIV в.: золотоордынский экскурс // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 378–387.
- СИДОРЕНКО В. А. Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского Ханства (1442–1475 гг.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 263–302.
- СИДОРЕНКО В.А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475). – Симферополь, 2016.
- СИДОРЕНКО В.А. Бек Булат (Пулад) и начало выпуска генуэзско-татарских монет Каффы // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 423–453.
- Славяно-Молдавские летописи XV–XVI вв. – М., 1976.
- СМИРНОВ В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.
- СТЕПАНЕНКО В.П. К интерпретации мангупской надписи ГЕКАТОНТАРХА(?) ТЦИТС // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 485–490.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Современные проблемы изучения истории княжества Феодоро: полемические заметки // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 369–377.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Еще раз о мангупской надписи ТЦИТ // Археология античного и средневекового города / Ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. – Севастополь; Калининград, 2018. С. 231–233.
- СУМАРОКОВ П. Досуги Крымского судии или Второе путешествие в Тавриду. – СПб., 1805. Ч. II.
- ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб., 1884. Т. I. Извлечения из сочинений арабских.
- ТУНКИНА И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея Древностей. 1771–1871. – Киев, 2011.
- ФРЕН Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении; из прежнего собрания Г-на Профессора, Статского Советника и Кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету / Пер. с нем. М. Волкова. – СПб., 1832.
- Памятные записи армянских рукописей XIV века / Сост. Л. Хачикян. – Ереван, 1950. (на арм. яз.)
- ЮРГЕВИЧ В. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. – Одесса, 1863. Т. V. С. 157–177.
- ЯРОВАЯ Е.А. Геральдика генуэзского Крыма. – СПб., 2010.
- DESIMONI C. Trattato dei genovesi col chan dei tartan nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio Storico Italiano. – Firenze, 1887. Vol. 20. P. 161–165.
- DUBOIS DE MONTPÉREUX F. Voyage autor du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. – Paris, 1843. Vol. V.
- FAVEREAU M. Comment le sultan mamlok s’adressait au khan de la Horde d’Or. Formulaire des lettres et règles d’usage d’après trois manuels de chancellerie (1262 – v.1430) // Annales Islamologiques. – Paris, 2008. T. 41. P. 59–95.

KEVORKIAN R.H., TER-STÉPANIAN A. Manuscrits arméniens de la Bibliothèque nationale de France. Catalogue. – Paris, 1998.

MORAVCSIK G. Byzantinoturcica. – Berlin, 1958. Bd. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. 2 Aufl.

RAOUL-ROCHETTE M. Antiquités grecques du Bosphor Cimmérien. Paris, 1822.

SACY A.I.S. de. Pièces tirées des archives de Gènes // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi, Les au Comité établi par Sa Majesté dans l'Académie royale des Inscriptions & Belles-Lettres. – Paris, 1826. T. XI. P. 52–58.

SKRZINSKA E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // Atti della Società Ligure di storia patria. – Genova, 1928. Vol. 56.

WAXEL L. Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'empire de Russie: dessinées d'après les originaux en 1797 & 1798 avec une carte géographique ancienne du pays où ces antiquités furent découvertes. – Berlin, 1803.

SIDORENKO V.A.

The Building Inscription of Hekatontarches Τζιτ[ζίκιος] and Khan Tokhtamysh from Mangup

Summary

In the «Report of the Imperial Archaeological Commission for 1890» was published a message by F. A. Brown about the discovery of a marble fragment of a slab on Mangup in one of the towers of the wall in the Tabana-Dere beam, which preserved the initial letters of eight lines of the Greek inscription, which read the name of Khan Tokhtamysh. A new drawing based on a photograph with reading and partial restoration of the text was published by V.V. Latyshev in 1896 in the «Collector of Greek inscriptions». In the lines of the inscription it was reported about the construction of the [tower(?) from] the foundation [...because] to the work [and diligence(?)...] Τειτ[cikios ... heca]ntar[kh ...] in re[ign ...] Tokhtam... per year...

V.V. Latyshev did not dare to confidently restore the name of tokhtamysh, since he allowed the possibility to read the name of Khan Tokhta here as well. At earlier than the time of Tokhtamysh, date inscriptions could indicate «in the reign» and «hecatontarch». But after the discovery in 1913 by R. H. Lepper on Mangup of a construction inscription made of local limestone, dated 6870 (1361/2) and informing the name of the Builder and his «Greek title» of the hecatontarch, dispelled in the restoration of the name tokhtamysh in the hecatontarch Chichikios inscription doubts finally, which was done by N.V. Malitsky in 1933.

The article explores the question of the impossibility of connecting the word «reigning» with the name of Khan Tokhtamysh, who was called «Imperator-T(atarii)» in the early Genoese-Tatar coinage. In Kaffa the Genoese documents all the khans of the Golden Horde are called «Mr. Emperor Tartary». «Solihat Emperor» calls the first independent Crimean Khan Bek Sufi – Gilbert de Lannoa, who was an Ambassador of the Grand Duke of Lithuania Vytautas. In the Muslim world, the word «al-Malik», which translates as «Kingdom, rule», in the meaning of «reign» and «Kingdom» was not applied to «rulers», since this meaning was used in the Muslim slogan «al-Malik Allah!».

The article presents an addition («and under Toktamysch autocrator of Tartary») to the restorations of V.V. Latyshev, which does not affect his reading, which has been revised by some epigraphists in recent years. It separates the name of Toktamysch from the word «in the reign», referring to one of the emperors of the christian empires. Consideration of mangupsky building inscriptions of the XV century with heraldic symbols allows us to conclude that the inscription of hecatontarch Chichikios reflected the recognition of the vassalage of the principality in relation to its seniors – the Christian Emperor and Khan Toktamysch.

The independence of Gothia, with its chief city of Theodoro, during the existence of the Crimean ulus of the Golden Horde reflects one of mangupsky inscriptions, extracted from the tower of the same wall in the beam Tabana-Dere, same as reused in the masonry of another tower marble fragment with inscription Ciccios. It belongs to the construction, despite the fact that it praises the merits of an unknown person, which consisted in repelling the attack «Βαρζάρους» by the forces of the militia organized by him. It can be assumed that the events described in the inscription occurred during the construction of the wall. N.V. Malitsky, who significantly expanded its reading after V.V. Latyshev, was able to read only the first two digits of 68 from its date..., linking the described events presumably with the end of the XIV century. in recent times, the reading of this inscription was addressed by A.Yu. Vinogradov, who saw at the end of it the date 6791 (1282/3), which diverges from the Dating of N.V. Malitsky for at least a hundred years.

Line 6, about which N.V. Malitsky wrote that it «reads almost entirely», in his translation reports: «and drove them and cut down to Zazale (?) ... parts (?) 11 ...». Without undertaking to check the accuracy of the reading on the stone, which is currently inferior in its preservation to the state in which it was under N.V. Malitsky, we have the opportunity to express some considerations for understanding the reading of this line. We are talking, obviously, about the people of the Tatar ruler of the Crimean ulus Saisale, were cut down by the number 11. Saisale mentions Abd al-Ghazi as the ruler of the Crimean ulus, a descendant of Tuk Timur, who received possession of Crimea under Berk. The name Βαρζάρους in this case can be understood as «bazares», that is, residents of Karasubazar (modern Belogorsk), the location of the ordabazar of the Tuka-Timurids and the center of the Crimean ulus.

Saisale's reign helps establish an entry in the Armenian manuscript of the Sobornik from the national library of France (MS 121). The record dates back to the year 835 of the Armenian era (1386). In it, the priest Aristakes reports on the raid made by the «Lord of Crimea Sayisale» on Kaffa, and then on Sudak and the villages of his district, where he suffered defeat and losses, returning «defeated, shamed and broken». In connection with the Dating of Saisale's campaign to Kaffa and Sudak, there are doubts about the correctness of reading the second digit of the date «psi» (700) by A.Yu. Vinogradov on a plate with an inscription about «bazares» and Zazale, in which N.V. Malitsky saw «omega» (800). Probably, since the time of N.V. Malitsky, a new vertical line under omega appeared on the stone abounding with scratches, which turned it into a psi. After correcting the inaccuracy of reading the second digit and accepting the reading of the other two by A.Yu. Vinogradov, we get the date of the inscription 6891 (1382/3).

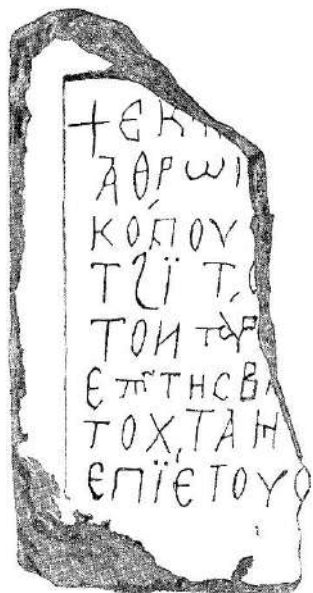

Рис. 1. Прорисовка В.В. Латышева фрагмента мраморной плиты с именем Токгамыша по фотографии, предоставленной А.И. Маркевичем [Латышев 1896: 55, № 46]. Высота фрагмента – 70 см, ширина – 40 см (по данным А.И. Маркевича).

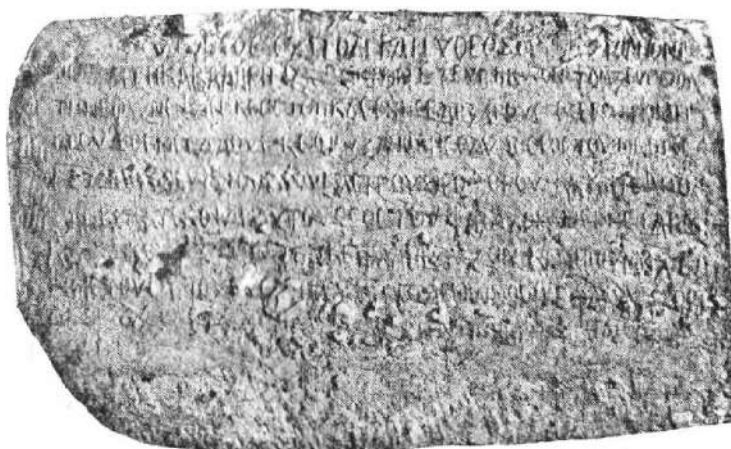

Рис. 2. Фото Н.П. Тихонова (фотолаборатория Института исторической технологии Академии Истории Материальной Культуры) с эстампажа мангупской надписи 1382/3 г., опубликованное Н.В. Малицким [Малицкий 1933: 17, рис. 4]. Плита хранится в фондах ГИАМЗ «Херсонес Таврический» [по Лепер 1914: 297; Мыц 1991: 180, 181; Виноградов 2000: 446].

В.П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

Г. ШЛЮМБЕРЖЕ, Н.П. ЛИХАЧЕВ, В.С. ШАНДРОВСКАЯ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕЧАТИ

В 1884 г. вышел из печати знаменитый труд Г. Шлюмберже «Византийская сигиллография» [Schlumberger 1884], создавший ему репутацию основоположника данной дисциплины. Материал для работы автор собирал по различным государственным и частным коллекциям Европы. На странице 502 была издана анонимная печать из его собственной коллекции с редким по иконографии образом конного святого Георгия.

Между 1905–1910 гг., как полагает Е.В. Степанова, часть коллекции Г. Шлюмберже была приобретена Н.П. Лихачевым и вошла в состав его собрания. Однако, какие-либо передаточные описи, если они и существовали, до сих пор не известны.

В свое время, в связи с работой над иконографией святых всадников, я обратился к В.С. Шандровской выяснить, не попала ли данная печать в коллекцию Эрмитажа. В это время она выделила группу принадлежавших Г. Шлюмберже печатей, среди которых оказался и интересующий нас моливдовул.

Изданная Г. Шлюмберже печать привлекла особое внимание Н.П. Лихачева, свидетельством чего является сохранившаяся инвентарная карточка с соответствующими пометками ученого. При поступлении в собрание Государственного Эрмитажа печать получила номер М-8759 (Рис. 1). Данный экземпляр, в первую очередь благодаря своему необычному сфрагистическому типу, привлекал внимание и А.В. Банк, и В.С. Шандровской [Шандровская 1977: 6, прим. 25; ср. 2019: 479, ил. 14].

Г. Шлюмберже, отмечая уникальность данного экземпляра и редкость должности владельца моливдовула, реконструировал надпись оборотной стороны моливдовула следующим образом:

[ΚΕ̅ ou ΘΚΕ̅ σκε]ΠΟΙC [ΜΕ Α]CΠΑΘ(αριον) Ε[ΠΙ] ΤΩ Χ(ρυσο)
ΤΡΙΚ(λινου) S ΔΟΜΕCΤΙΚ(ον) [Τ]ΙC VΠΩΡΓ(ειας) [Τ]Ω ΦΙΛΟΧ(ριστου)
ΔΕCΠΟ(του): *Seigneur ou Théotokos, protège-moi, protospatharie, chrysotriclinaire, domestique de l'hypourgie du despote (empereur) aimé de Christ* [Schlumberger 1884: 502].

Согласно легенде, печать принадлежала неизвестному по имени чиновнику, имевшему ранг *протоспафария ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου* и состоявшего в должности *доместика ипургии христолобивого деспота (императора)*.

Должность доместика ипургии (δομῆcτικός τῆς ὑπουργείας) была дворцовой. Однако, последний, будучи вторым человеком (после препозита стола) в службе снабжения и церемоний императорского стола, не обязательно назначался из внухов [Oikonomedès 1972: 306, note 96].

Исследователи сугубо предположительно датировали печать эпохой «поздних Комнинов», т.е. концом XII столетия, хотя и не аргументировали эту датировку. Правда, В.С. Шандровская, ссылаясь на автритетное мнение А.В. Банк, отмечает, что образ Георгия-драконоборца, привлекаемый ученой для «датировки мелкой пластики в плане сопоставления иконографических и стилистических особенностей ... появляется уже в конце XI в., а не в XII в., как это было принято раньше» [Шандровская 1977: 6].

Отметим, что изображение св. Георгия как всадника-змееборца на лицевой стороне печати было отмечено еще Г. Шлюмберже как редкое для иконографии святых воинов. Напомним, что аналогичной точки зрения придерживались А.В. Банк и В.С. Шандровская.

Таким образом, в нашем распоряжении оказалась почти исчерпывающая информация о памятнике со ссылкой на предшествующих исследователей.

Действительно, при незначительном количестве образов святых воинов-всадников в византийской сигиллографии в целом, в ней преобладает тип воина-триумфатора, тогда как сцены совершения подвигов, будь то св. Георгий с драконом или св. Дмитрий с Диоклетианом¹, предельно редки, будучи общим местом в иконописи и монументальной живописи стран византийского культурного круга (той же Древней Руси), хотя и более позднего периода. Был ли собственник печати соименен св. Георгию, установить невозможно. Не исключено, но

¹ Появление под копытами коня Калоюанна относится к более позднему времени.

недоказуемо. В византийской сфрагистике (в отличие от древнерусской) существовало право свободного выбора небесного патрона самим собственником печати.

Возможно, проведя иконографический анализ образов конных святых воинов, известных в византийских памятниках сфрагистики, произведениях мелкой пластики и декоративно прикладного искусства, нам удастся выявить аналогии сцене, представленной на лицевой стороне рассматриваемого моливдовула.

Библиография

ШАНДРОВСКАЯ В.С. Образ святого Георгия на византийских печатях // Материалы II Международного симпозиума по грузинскому искусству. – Тбилиси, 1977. С. 1–11.

ШАНДРОВСКАЯ В.С. Образ святого Георгия на византийских печатях // Византийская сфрагистика в трудах В.С. Шандровской /под ред. Е.В. Степановой. – СПб., 2019. С. 474–480.

OIKONOMIDÈS N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. – Paris. 1972.

SCHLUMBERGER G. Sigillographie de l'empire byzantin. – Paris, 1884.

Рис. 1. Печать неизвестного по имени,
протоспафария ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου
и доместика τῆς ὑπουργείας христолюбивого императора.
XII в. Государственный Эрмитаж. М-8759.
(по: Шандровская 2019: 479, ил. 14).

И.Б. ТЕСЛЕНКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

**КЕРАМИКА ЭСКИ-КЕРМЕНА
ЭПОХИ «ПОСТКАТАСТРОФЫ»**

(по материалам исследований в центральной части городища)

Византийский город на плато Эски-Кермен, просуществовавший не менее половины тысячелетия, был разрушен, по мнению А.И. Айбабина, вследствие набега Ногая 1298/99 гг. [Айбабин 2014а; 2014b]. И хотя время и причины этого события по прежнему вызывают дискуссию (1298/99?, 1278?. и др.)¹, факт гибели некоторых городов и поселений Южного Крыма, в том числе на плато Эски-Кермен, во второй половине XIII в., устанавливаемый по археологическим данным², неоспорим. Останки обитателей города со следами насильственной смерти, зафиксированные *in situ* на улицах и в сгоревших домах, выразительно свидетельствуют о внезапности и жестокости вражеского набега [Айбабин 2014а; 2014b]. Город после постигшей его беды так и не восстановился в прежнем масштабе. В то же время, археологические исследования фиксируют здесь следы антропогенной активности, осуществлявшейся после пожаров и разрушений. Наиболее выразительные из них отмечены в центральной части застройки – в районе трехнефной базилики, почти полностью раскопанной экспедицией ГАИМК в 1930 г. В 1979–1980 гг. Е.А. Паршиной был доследован оставшийся нетронутым участок вдоль северной стены здания. Здесь обнаружены руины часовни (небольшого однефного храма с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой), примыкавшей

¹ Обзор библиографии [см., например: Мыц 2016].

² В том числе по находкам монет второй половины XIII в., из которых одна византийская золотая монета Феодора II Ласкариса может быть датирована довольно точно – 1254–1258 гг. [Айбабин 2014а: 244, 249].

юго-западным углом к северо-восточному плечу базилики, а также погребальные сооружения и остатки усадьбы предшествующего периода [Паршина 1988]. На некрополе, связанном с часовней, исследовано 7 грунтовых могил, из которых две располагались внутри храма (№№ 11, 12) и пять – снаружи: одна (№ 2) – к юго-востоку и четыре (№№ 13–16) – к западу от здания. Последние четыре были впущены в слой пожара и разрушения усадьбы, синхронной базилике. Погребения преимущественно безинвентарные. Лишь одно захоронение подростка 12–14 лет в могиле № 2 сопровождалось крупным обломком донной части поливного сосуда открытой формы, уложенного днищем кверху у правого бедра погребенного [Паршина 1988: 46–47]. Саму находку отыскать в музейных собраниях пока не удалось. Тем не менее, по фотографии из отчета и опубликованному рисунку очевидно, что данное изделие относится к древностям золотоордынского круга (Рис. 1,6). Техника, стиль и манера декора, а также орнаментальная схема и ее элементы вполне типичны для керамики группы Юго-Восточного Крыма (ЮВК) XIV в. [Тесленко 2018а: 62, рис. 34,1,3-7]. Более точно определить дату изделия в данном случае затруднительно.

Выразительные материалы XIV в. получены также на участке некрополя к западу от базилики, исследованном в 2019 г. (раскопки А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой³). Здесь в одной из трех раскопанных гробниц, впущенных в слой разрушения каменной постройки, синхронной базилике, среди прочего найдена монета хана Узбека 1321–1340 гг. выпуска, золотые серьги в виде «знака вопроса» (XIV в.) и коричневоглиняный одноручный кувшин с росписью белым ангобом группы Юго-Западный Крым (ЮЗК) (Рис. 1,1), распространенной в Крыму с начала XIV до конца третьей четверти XV вв.⁴ [Айбабин, Хайрединова 2019]. Кроме того, из верхней части слоя разрушения постройки, сnivelированного при благоустройстве территории под некрополь, происходит мелкий фрагмент борта чаши группы «Новый Свет» (Рис. 1,5), далее – *NS*⁵, и фрагмент днища красноглиняной чаши византийского круга, декорированной пятнами пурпурно-коричневой краски («брызгами марганца») под слабо окрашенной в желтый цвет глазурью (Manganese Painted Ware), далее – *MPW* (Рис. 1,4). Хронологическая

³ Благодарю исследователей за предоставленную возможность публикации материалов их раскопок.

⁴ Детальнее о группе ЮЗК см.: [Тесленко 2014].

⁵ Детальнее о характеристике группы и основаниях ее датировки см.: [Waksman, Teslenko 2010; Тесленко 2018b: 463–466].

позиция первой из них определяется временем между 1260–1270-ми гг. и началом первой четверти XIV в.⁶ [Тесленко 2018b: 463–466]. Вторая группа изделий поступала в Восточную Европу в последние десятилетия XIII – первой половине XIV вв., будучи массовой лишь в первой четверти XIV в. [Бочаров, Масловский 2016: 20, 21; Тесленко 2018b: 468, 469]. По всей видимости, оба обломка оказались в слое при подготовке площадки под некрополь.

Кроме этого, важно отметить также заполнение одного из склепов (№ 7), расположенного в 4,3 м к северу от северной стены базилики (исследован в 1980 г.). Склеп представляет собой вырубленную в скале яму округлую в плане и грушевидной в разрезе формы. Глубина – 2,0–2,20 м, размер у дна – 2,4х2,5 м. В нижней части заполнения «зачищены беспорядочно расположенные человеческие кости и черепа не менее 30-ти погребённых» [Паршина 1979: 7, 8]. По мнению автора раскопок, это погребальное сооружение синхронно базилике [Паршина 1988: 45, 46]. Однако керамические находки из верхней части заполнения склепа позволяют предположить более длительный период его использования. Здесь обнаружено около десятка целых и фрагментированных красноглиняных поливных сосудов открытой формы [Паршина 1980: 7]. К сожалению, как и в случае с днищем чаши из могилы № 2, сами находки отыскать в музейных коллекциях пока не удалось. Однако, приведённые Е.А. Паршиной рисунки и описание предметов [Паршина 1980: 7, 21, 22, рис. 112, №№ 48–52] позволяют довольно уверенно предложить вариант их атрибуции. Отображенные на иллюстрации чаша и кубок (Рис. 1,2-3) обладают морфологическими чертами и декоративными особенностями, присущими керамике византийского круга уже упомянутой группы NS. Аналогичная керамика пока ещё не встречалась ни в жилищно-хозяйственных комплексах, ни на некрополях Эски-Кермена, функционировавших до катастрофы, равно как и не было зафиксировано использование в погребальном обряде жителей византийского города красноглиняных поливных сосудов открытой формы. Таким образом, логично предположить, что склеп № 7 мог использоваться в течение некоторого времени после трагедии для погребения останков ее жертв⁷. Захоронения, вероятно, осуществлялись спустя какое-то время

⁶ Отдельные вторично использованные изделия группы известны и в более позднее время [Тесленко 2018b: 466].

⁷ В пользу насильственной смерти одного из погребенных (ребенка) свидетельствует находка черепа с травмой на левой теменной кости без признаков заживления [Паршина 1988: 58].

после погрома, так как, во-первых – все костяки разрозненны, во-вторых – появилась новая традиция сопровождения погребенных поливными сосудами открытой формы, которые сами по себе также являлись новыми для керамического комплекса Эски-Кермена. С другой стороны, склеп № 7 мог быть одним из наиболее поздних сооружений на кладбище у функционирующей базилики, использовавшимся вплоть до ее разорения. Однако, в таком случае довольно сложно объяснить наличие здесь сосудов, отсутствующих в иных синхронных контекстах городища. То есть сосуды каким-то образом могли оказаться в склепе в процессе благоустройства территории вокруг руин базилики для организации тут очередного некрополя. Детальная стратиграфия, которая могла бы прояснить ситуацию, на данном участке не зафиксирована. Безусловно, все эти предположения нуждаются в более весомых доказательствах, которые в состоянии предоставить лишь новые археологические открытия.

Сейчас очевидно, что участок позднего некрополя в районе базилики в первой половине XIV в. занимал уже довольно значительную площадь⁸. Однако, вопросы о том, когда именно люди начали возвращаться к родным местам и святыням и хоронить здесь своих мертвых, а также, где располагались жилища живых, требует дополнительных исследований.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. – Симферополь, 2014а. Т. XIX. С. 240–277.
- АЙБАБИН А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. – Екатеринбург, 2014б. Вып. 42. С. 215–227.
- БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Археология евразийских степей. – Казань, 2016. Вып. 23. Материалы первого Маджарского археологического форума (Пятигорск – Буденовск, 2012) / Ред. Ю.Д. Обухов. С. 20–42.
- ПАРШИНА Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев, 1988. С. 36–59
- ПАРШИНА Е.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 1979 году // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». П. № 169, Инв. А-94. 36 с. 56 ил.

⁸ Среди других находок XIV в. А.Л. Якобсоном опубликована модель храма, высеченная из местного известняка и служившая в качестве надгробия. Найдена, вероятно, в начале 1930-х гг., хранится в Государственном Эрмитаже [Якобсон 1976].

ПАРШИНА Е.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 1980 году. Отчет Эски-Керменского отряда Южно-Крымской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР // Архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». П. № 208. Инв. А-114. 33 с. 173 ил.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // ИАКр. – Симферополь, 2014. Вып. I. С. 495–512, 541–560.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // АДІУ. – Киев, 2018а. Вип. 4 (29). С. 7–83.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Поливная керамика византийского круга эпохи Палеологов из раскопок крепости в Алуште // МАИЭТ. – Симферополь, 2018b. Вып. XXIII. С. 467–506.

ЯКОБСОН А.Л. Модель храма из раскопок Эски-Кермена в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // Зограф. – Београд, 1976. № 7.

WAKSMAN S.Y., TESLENKO I. 'Novy Svet Ware', an Exceptional Cargo of Glazed Wares from a 13th-Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine) – Morphological Typology and Laboratory Investigations // The International Journal of Nautical Archaeology. – 2010. P. 357–375.

Рис. 1. Городище Эски-Кермен. Керамика из верхних слоев и погребальных комплексов памятника:

1 – кувшин группы ЮЗК XIV в.; 2, 3 – импортная керамика византийского круга из склепа № 7, последняя треть XIII – начало XIV вв. [по: Паршина 1980, рис. 112]; 4 – фрагмент дна чаши византийского круга, конец XIII – первая треть XIV в., из верхнего слоя на участке к западу от базилики; 5 – фрагмент дна чаши группы ЮВК (?), XIV в. из могилы № 2 [по: Паршина 1979, рис. 12].

И.Б. ТЕСЛЕНКО

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

И.А. АЛЕКСАНДРОВА

Алуштинский историко-краеведческий музей
Центрального музея Тарвиды
(Алушта)

**ЭГЕЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ ПОСУДА ГОРОДИЩА ПАРТЕНИТЫ
(из коллекции Алуштинского историко-краеведческого музея)**

В коллекции поливной керамики из раскопок городища Партениты¹, хранящейся в фондах Алуштинского историко-краеведческого музея, выделяются изделия, которые по визуальным особенностям формовочной массы и морфологическим признакам могут быть соотнесены с довольно разнообразной и многочисленной семьей византийской столовой посуды, производство которой связывают с Эгейским регионом. Это так называемая *Middle Byzantine Production* (далее – МБР), объединяющая несколько известных стилистических типов – *Slip-Painted*, *Green and Brown Painted*, *Fine Sgraffito*, *Painted Sgraffito*, *Incised/Aegean Ware*, *Champlevé*, *Plain Glazed* и др., широко распространенных в Средиземноморье (в особенности Восточном) и

¹ Городище Партениты (VIII (?) – XVI–XVIII вв.) находится в юго-восточной части пгт. Партенит (1945–1993 гг. – пос. Фрунзенское), в Южном Крыму, на берегах р. Аян-Дере (Аян-Дере-Узень, Узень, Партенитка), на высоте до 165 м над уровнем моря, примерно в 0,0–0,4 км от берега моря. Охранно-археологические исследования здесь проводились в 1985–1988 гг. Партенитским отрядом Горно-Крымской экспедиции, а затем Фрунзенской новостроечной экспедицией ИА АН УССР под руководством Е.А. Паршиной. Изучен участок поселения у южного подножья массива Тепелер, на левом берегу р. Аян-Дере-Узень площадью около 0,15 га. Материалы раскопок переданы в Алуштинский историко-краеведческий музей.

Черноморском регионе в XII – первой половине XIII вв. [см. напр.: Waksman et al. 2014: 379–380; Waksman 2018]. Для них характерен довольно плотный песчанистый черепок приглушенного желто-красного или коричневатого-красного цвета, в структуре которого хорошо заметны включения мелких и средних крупиц извести и изредка – мелких слюдянистых частиц. Внешняя поверхность, включая дно, обычно покрыта тонким слоем белого ангоба.

В партенитской коллекции с этой группой сопоставимы 14 фрагментированных сосудов, найденных на двух различных участках памятника в 1985, 1986 и 1988 гг.² Они включают 5 стилистических типов изделий.

1. С росписью зеленой и коричневой краской под прозрачной бесцветной глазурью – *Green and Brown Painted Ware (GBPW)*. Серия представлена верхней частью корпуса глубокой полусферической чаши с отогнутым наружу, узким Г-образным бортом (Рис. 2,1), вполне типичной для GBPW [Morgan 1942: fig. 55; Sanders 2003: fig 9,4]. Роспись выполнена в виде флористической композиции в центре и бордюра из S-видных фигур в сочетании с точками и рядом радиальных штрихов вдоль края. Полива прозрачная, бесцветная.

2. С пятнами зеленой краски под прозрачной, слабо окрашенной в желтый цвет глазурью – *Green-Splashed Ware (GSW)*. В коллекции это фрагментированное днище на низком кольцевом поддоне, о деталях декора которого судить сложно из-за небольших размеров обломков (Рис. 1,7).

3. С врезным орнаментом, выполненным широким резцом – *Coarse Incision* или *Incised/Aegean Ware (IW)*. Это, пожалуй, наиболее распространённая серия в эгейской группе [см., напр.: Armstrong 1991; Papanicola-Bakirtzi 1999: 143–151; Doğer 2000; Waksman et al. 2018]. Из партенитской коллекции происходят 4 фрагмента стенок блюд или чаш, которые более-менее уверенно можно к ней причислить (Рис. 1,4-5,10-11). О деталях орнаментации судить сложно.

4. С врезным орнаментом, выполненным широким резцом и подцветкой пятнами зеленой краски – *Coarse Incision with Green Splash Ware (IGSW)*. Подобная техника в эгейской керамике, в целом, встречается значительно реже [Stern 2012: 68]. В Партените найдено

² Из них к настоящему времени опубликовано лишь одно днище блюда с врезным декором – случайная находка из строительного котлована у бывшей партенитской комендатуры в исторической части города по пер. Крутой [Паршина 1991: рис. 9; 2002: рис. 12].

фрагментированное блюдо с частично реконструируемым профилем (Рис. 2,2). Поле сосуда заполняет изображение птицы, развернутой влево, в окружении вьющихся побегов. Точной аналогии ему найти пока не удалось. Однако манера прорисовки растительного декора, заполнение тулова птицы чешуйками, а также форма хвоста и способ изображения его оперения в виде серии параллельных линий, вполне типичны для эгейской группы [см., например: Якобсон 1979: рис. 80; Wartburg 2001].

5. С декором, выполненном в выемчатой технике – *Champlevé Ware* (ChW). Этот декоративный тип представлен верхней частью корпуса толстостенного блюда с низким вертикальным округлым, зауженным к краю бортом, а также днищем на низком кольцевом поддоне другого сосуда открытой формы, соответственно, с зооморфным (заяц, развернутый вправо) и растительным изображениями в центральном медальоне (Рис. 1,1, 2,3). На днище хорошо заметно характерное для этой серии точечное углубление в центре от ножки циркуля. Выемчатая техника, как и гравировка широким резцом, была также довольно распространенной среди МВР. В особенности популярны изображения зайцев, которые часто встречаются как на родине этой посуды – в Центральной Греции [см., например: Armstrong 1991: 342, fig. 5,5; 9,10; Papanicola-Bakirtzi 1999: 65–68], так и за ее пределами, в том числе в Крыму [Романчук 2003: табл. 80–81]. Растительный мотив находит близкие аналогии среди материалов из Коринфа [Morgan 1942: pl. LIII, 1713].

Венчики еще пяти блюд (Рис. 1,2-3,6,8-9), исходя из их технологических и морфологических характеристик, могли принадлежать типам 2–5. Однако сложно определить, какому именно.

Датировка изделий несколько различна. Наиболее ранними из них считаются GBPW, хронологическая позиция которых определяется, в основном, в рамках XII или середины – второй половины XII вв. [Hayes 1992: 46; Sanders 2003: 394; Wartburg, Violaris 2009]. Остальные относятся, преимущественно, к концу XII – середине XIII вв. [Hayes 1992: 46, 48; Waksman, Wartburg 2006: 371, др.] Уточнить их хронологию на основании материалов раскопок в Партените не представляется возможным.

В вопросах происхождения группы МВР в последние годы достигнут значительный прогресс. Выразительные свидетельства соответствующего производства зафиксированы в Центральной Греции (Фивы, Халкис). Кроме того, как отмечает С.Й. Ваксман, специально уделив внимание

разностороннему изучению МВР, другие производственные центры, включая Коринф, Афины и Константинополь, также изготавливали поливную посуду в схожем стиле. Однако пока нет никаких доказательств широкого распространения их продукции, за исключением одной находки из константинопольской мастерской (современный район Сиркеджи в Стамбуле) на месте кораблекрушения Чамалты Бурну [Waksman et al. 2018]. В то же время, результаты недавних археометрических изысканий свидетельствуют о том, что одним из крупнейших производителей и экспортеров различных серий МВР, а также амфор типа Гюнзенин II и III (далее – GI, GII), был Халкис, порт крупного регионального центра – Фив [Waksman et al. 2014; Waksman 2018]. Причем после франкского завоевания 1204 г. и вплоть до середины XIII в. здесь продолжалось изготовление прежнего ассортимента продукции. Примерно со второй половины XIII в. в нем становятся заметны существенные изменения, происходившие в русле общих новых тенденции в керамическом ремесле³. То есть новоявленные хозяева Центральной Греции были заинтересованы в развитии местного гончарства, приносившего, по всей видимости, существенную коммерческую выгоду. Подтверждением торгового значения халкидской керамической продукции служит широкое распространение поливной посуды и амфор GIII от южного побережья Франции до Леванта и Северного Причерноморья, как до, так и после 1204 г., а также находки затонувших кораблей, груженных этой посудой и тарой, большинство которых концентрируется в Эгейском регионе и у берегов Ликии (Pelagonnisos-Alonnisos, Kastellorizo, Skopelos, Adrasan, Kavalliani и др.) [см., например: Stern 2012: 67–68; Waksman and Wartburg 2006; Waksman et al. 2014; 2018; Waksman 2018]. Химический анализ некоторых образцов *Incised Sgraffito* и *Champleve* из Херсонеса, а также амфор GIII из Новосветского кораблекрушения, предпринятый С.Й. Ваксман, доказывает происхождение и этих изделий из мастерских Халкиса [Waksman et al. 2014; 2018; Waksman 2018]. Безусловно, до проведения аналогичных исследований партенитских находок, безоговорочно соотносить их с продукцией Халкиса не следует, хотя такая вероятность очень высока. Кроме того,

³ Во второй половине XIII – начале XIV в. здесь производились изделия в стиле *Sgraffito with Concentric Circles*, получившие широкое распространение с последней трети XIII в. практически во всем Средиземноморском регионе [Waksman et al. 2015: 413–414].

нельзя пока с уверенностью разграничить изделия, завезенные в Партениты до франкского завоевания Константинополя и Центральной Греции и после, так как их детальная хронология по археологическому контексту затруднительна.

Таким образом, поступление эгейской посуды на городище могло быть связано как с торговлей самих ромеев до падения их столицы в 1204 г., так и с коммерческой деятельностью венецианцев, получивших после этого события значительные привилегии в регионе.

Библиография

- ПАРШИНА Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – Киев, 1991. С. 64–100.
- ПАРШИНА Е.А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времён до наших дней. – Киев, 2002. С. 89–109.
- ARMSTRONG P. A Group of Byzantine Bowls from Skopelos // Oxford Journal of Archaeology. – Oxford, 1991. Vol. 10 (3). P. 335–347.
- DOĞER L. İzmir Arkeoloji Müzesi Örnekleriyle. Kazıma Dekorlu Ege-Bizans Seramikleri. Ege Üniversitesi edebiyat fakültesi yayınları. – Izmir, 2000.
- MORGAN C. Corinth XI. The Byzantine Pottery. – Cambridge, Mass., 1942.
- Byzantine Glazed Ceramics / Ed. D. Papanicola-Bakirtzi. – Athens, 1999.
- SANDERS G.D.R., Recent developments in the chronology of Byzantine Corinth // Corinth. The Centenary: 1896–1996 / Eds. C.K. Williams, N. Bookidis. – Princeton, 2003. Vol. 20. P. 385–399.
- STERN E. 'Akko I. The 1991–1998 Excavations. The Crusader-Period Pottery. – Jerusalem, 2012. Part 1: Text.
- WAKSMAN S.Y. Defining the main “Middle Byzantine Production” (MBP): changing perspectives in Byzantine pottery studies // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings (19–24 October 2015 Antalya), vol. 1. Koç University VEKAM. – Ankara, 2018. P. 397–408.
- WAKSMAN S.Y., WARTBURG M.-L. VON. “Fine-Sgraffito Ware”, “Aegean Ware”, and other wares: New evidence for a major production of Byzantine ceramics. Report of the Department of Antiquities, Cyprus. – 2006. P. 369–388.
- WAKSMAN S.Y., KONTOGIANNIS N.D., SKARTSIS S.S., VAXEVANIS G. The main “Middle Byzantine Production” and pottery manufacture in Thebes and Chalcis // Annual of the British School at Athens. – Athens, 2015. Vol. 109(1). P. 379–422.
- WAKSMAN S.Y., KOUTSOFLAKIS G., BURLOT J., COURBE L. Archaeometric investigations of the tableware cargo of the Kavalliani shipwreck (Greece) and into the role of the harbour of Chalcis in the Byzantine and Frankish periods // Journal of Archaeological Science: Reports. – Elsevier, 2018, nr. 21. P. 1122–1129.

WARTBURG M.-L. von. Bowls and birds: Some Middle Byzantine glazed bowls from Swiss private collection. // HERRIN (J.), MULLETT (M.), OTTEN-FROUX (C.) dir. *Mosaic. Festschrift für A.H.S.* – Athens, 2001 (British School at Athens, Studies 8). P. 115–129.

WARTBURG M.-L. von, VIOLARIS Y. Pottery of a 12th century pit from the Palaion Demarcheion site in Nicosia: a typological and analytical approach to a closed assemblage. *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval.* – Ciudad Real, 2009. T. I. P. 249–264.

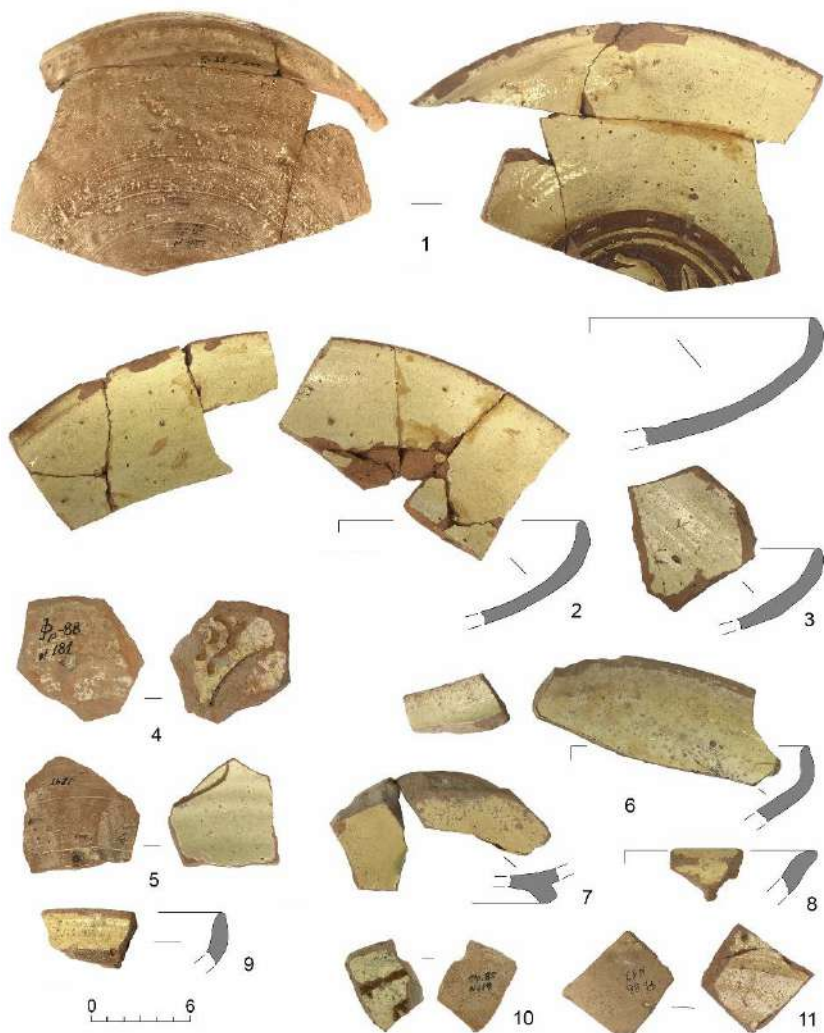

Рис. 1. Городище Партениты. Полевая керамика. Эгейский регион, Центральная Греция: *Chamlevé Ware* и *Aegean Ware*.

Рис. 2. Городище Партениты. Поливная керамика.
Эгейский регион, Центральная Греция: *Green and Brown Painted Ware*,
Aegean Coarse Incision with Green Splash, *Champlevé Ware*.

Е.Г. ТОЛМАЧЕВА

Центр палеоэтнологических исследований
(Москва)

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ЕГИПТА
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ:
ХРИСТИАНСТВО, ЯЗЫЧЕСТВО, ДВОЕВЕРИЕ?**

Вопрос о сущности и характерных особенностях погребального обряда в Египте в эпоху поздней античности обладает немалой актуальностью и представляет определенный научный интерес. Следует отметить, что его возникновение связано как с вводом в научный оборот новых данных, полученных в ходе археологических раскопок, обработкой архивной информации, публикацией музейных памятников, так и, главным образом, изменением самих подходов к анализу и трактовкам уже известных фактов.

Еще совсем недавно в работах, посвященных публикации памятников погребальной обрядности конца III – VII вв., главный акцент делался на проблеме определения сущности и хронологических рамок перехода от традиционных местных верований к христианству. Исследователи пытались проследить процесс смены верований, определить характерные черты христианского погребального обряда, его отличия от предшествовавшего ему (а на ранних этапах – одновременного) языческого. Однако отдельные материалы египетских некрополей, на которых одновременно совершались погребения как по языческому, так и по христианскому обряду (например, некрополя Келлис в оазисе Дахла, Фаг-аль-Гамус в Фаюме), свидетельствуют, что христианские захоронения, как таковые, практически не различимы в археологическом контексте вплоть до середины III в. [Bowen 2003: 168, 173, 174; South 2012: 48].

Определенные сложности добавляет и тот факт, что до сих пор не существует ни одной археологической периодизации египетских позднеантичных-раннеисламских некрополей. Несмотря на то, что публикуются отдельные материалы погребений, отсутствуют полноценные

публикации массового материала. Между тем, первые раскопки египетских позднеантичных некрополей были начаты еще в конце XIX – начале XX вв. (некрополи Арсиной, Антинополя, Ахмима). С конца XX в. ведутся археологически раскопки в некрополе, примыкающем к монастырю архангела Гавриила в Дейр аль-Наклуне (Фаюм). Обширный некрополь функционировал с VI вплоть до XI в.¹ Более 30 лет раскопки проводит американский университет Бригама Янга (Прово, США) на некрополе Фаг аль-Гамус (Фаюм) – на памятнике, судя по отдельным публикациям, известно более 1000 захоронений, относящихся к греко-римскому – позднеантичному периодам². Расположенный к северу от Фаюма позднеантичный некрополь Дахшура, также содержит обширный массовый материал [Cortes 2012: 75–88]. Следует упомянуть и до сих пор неизданные в полном объеме материалы среднеегипетских некрополей IV–VII вв. в Караре и Ком аль-Ахмаре³.

Таким образом, большая часть данных, которыми пользуются в своих построениях историки, представляет собой, зачастую, случайную выборку, материалы отдельных погребений, или, наоборот, музейные находки из раскопок начала XX века, археологический контекст которых вызывает сомнения. В условиях скудости погребального инвентаря и практически полного отсутствия керамики и монет, а также недостаточной изученности некрополей и иных факторов, у исследователей фактически отсутствует доказательная база для статистически значимых заключений.

В последнее время в западной историографии обозначилась тенденция говорить о синкретизме религиозных представлений и верований в эпоху поздней античности, особенно в части, имеющей отношение к погребальному обряду [Plesa 2017]. Обращается внимание на сохранение определенных черт погребальной обрядности, характерных для традиционных египетских верований, и «продолжение» их бытования в контексте христианского погребального обряда.

Так, практически на всех позднеантичных некрополях среди предметов погребального инвентаря присутствуют как разнообразные крестики, так и амулеты, которые некоторые исследователи относят к числу языческих, традиционных. Более того, собственно находок нательных крестов на некрополях не так много (на некрополе Дейр аль-Банат в Фаюме было найдено лишь несколько нательных крестов-подвесок, происходящих из детских погребений [Белова 2017]).

¹ См., например: [Godlewski 2007].

² Из последних публикаций см.: [Evans, Whitchurch, Muhlsetein 2015: 209–214].

³ См., например: [Huber 2006].

Опубликованные материалы других некрополей подтверждают эту характерную особенность [Plesa 2017].

Учитывая малое количество классического погребального инвентаря на египетских позднеантичных некрополях, важное значение приобретает изучение символики одежд, в которые были обряжены покойные. Именно захоронение тела в одежде становится одной из отличительных черт египетского позднеантичного погребального обряда, в отличие от характерной для более ранних эпох практики мумификации и обертывания тел бинтами и пеленами. Наличие следов бытования (потертости, заплат, практика вторичного использования) говорит о том, что в этот период еще не существовало специальных погребальных одежд. Погребальные пелены, в которые оборачивалось обряженное в одежды тело, напротив, по большей части изготавливались специально для погребения [Толмачева 2018; Орфинская, Толмачева 2018].

Изображения крестов зачастую встречается на одеждах погребенных: туниках, шалях, шапочках и капюшонах. Следует подчеркнуть, что нередко христианская символика соседствует с языческой, в частности, в сюжетах дионисийского круга, изображениях эротов/купидонов/ангелов, мотивах, связанных с изобилием природы. Подобного рода изображения нередко трактуются аллегорически, однако существует и иное объяснение столь продолжительного существования «языческих» образов, мотивов и представлений.

Термин синкретизм (или двоеверие) подразумевает соединение черт, присущих языческим верованиям, и определенного набора условно христианских представлений. Однако, не стоит забывать, что в период поздней античности еще не существовало четко зафиксированного канона христианского погребального обряда. Нам представляется более корректным говорить не о синкретизме или двоеверии, а о существовании так называемой народной религии, значительную роль в которой играли обряды и верования, имеющие отношение к области магии⁴. Христианские кресты, как и разнообразные языческие символы, мыслились, скорее, не как признаки религиозной идентичности (это, в большей степени, характерно для средневекового, исламского периода), а как универсальные апотропеи, уберігающие от сглаза и сил зла. Подобные представления были характерны как для Египта эпохи поздней античности, так и для Египта фараоновского и греко-римского, более того, отголоски их продолжают существовать в любой народной повседневной культуре вплоть до нашего времени.

⁴ Подробнее о значении магии в эпоху поздней античности см: [Maguire 1990].

Библиография

- БЕЛОВА Г.А. Предварительный отчет о работе миссии Центра египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН) на памятнике Дейр-эль-Банат (Фаюмский оазис) за 2017 г. // Египет и сопредельные страны / Egypt and Neighbouring Countries. – 2017 (4), 1–20, [Электронный ресурс.]. С.1–25.
- ОРФИНСКАЯ О.В., ТОЛМАЧЕВА Е.Г. Археологический текстиль и его значение при решении вопросов социально-этнической и религиозной принадлежности населения египетской хоры в греко-римское время: по материалам некрополя Дейр аль-Банат (Фаюм) // *Stratum plus*. – Кишинев; СПб.; Одесса; Бухарест, 2018. № 4. Археология и культурная антропология. С. 219–237.
- ТОЛМАЧЕВА Е.Г. Археологический текстиль ранневизантийского времени некрополя Дейр аль-банат (Фаюм, Египет) // *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Материалы X международного Византийского семинара* / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Севастополь 2018, С. 145–150.
- BOWEN G.E. Some Observations on Christian Burial Practices at Kellis // *The Oasis Papers III: Proceedings of the Third International Conference of the Dakhleh Oasis Project*. – Oxford, 2003. P. 167–182.
- CORTES E. Recovering contexts: the Roman mummies excavated by the Metropolitan Museum of Art at Dahshur, Egypt. // *Dressing the Dead in Classical Antiquity* / Ed. M. Carroll, J.P Wild. – Stroud, 2012. P. 75–88.
- EVANS P.R., WHITCHURCH D.M., MUHLSETEIN K. Rethinking burial dates at Graeco-Roman Cemetery: Fag el-Gamous, Fayoum, Egypt // *Journal of Archaeological Science*. – 2015. Reports 2. P. 209–214.
- GODLEWSKI W. Naqlun (Nekluni). The Hermitages, Cemetery and the Keep in Early 6th Century // *Greco-Roman Fayum-Text and Archaeology. Proceedings of the Third International Fayum Symposium, Freudenstadt, May 29–June 1, 2007* / Ed. S. Lippert, M. Schentuleit – Wiesbaden, 2008. P. 101–112.
- HUBER B. Al-Kom al-Ahmar / Sharuna: Different Archaeological Contexts — Different Textiles? // *Textiles in Situ: Their Find Spots in Egypt and Neighbouring Countries in the First Millennium CE* / Ed. S. Schrenk. – Riggisberg, 2006. (Riggisberger Berichte 13).
- MAGUIRE H. Garments Pleasing to God. The Significance of Domestic Textile Designs in the early Byzantine Period // *DOP*. – Washington, 1990. Vol. 44. P. 216–219.
- PLESA A. Religious Belief in Burial: Funerary Dress and Practice at the Late Antique and Early Islamic Cemeteries at Matmar and Mostagedda, Egypt (Late Fourth–Early Ninth Centuries CE) // *Ars Orientalis*. – 2017. Vol. 47. P.18–42.
- SOUTH K.H. Roman and Early Byzantine burials at Fag el-Gamus, Egypt: A assessment of the case for religious affiliation. Thesis submitted to the faculty of anthropology of Brigham Young University. – Provo, 2012. (unpublished).

Н.П. ТУРОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

НЕКРОПОЛЬ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА КИЛЬСЕ-БУРУН

Храмовый (монастырский) комплекс г. Кильсе-Бурун XI (?)–XV вв. расположен на западном склоне одноименной горы, на территории ГБУ РК «Ялтинского горнолесного природного заповедника» над пгт. Санаторное городского округа Ялта, на высоте около 650 м над уровнем моря [Турова, 2017: 70, 71; 2018а, 129–132; 2018б: 234–240; 2019, 269–274].

В результате полевых сезонов 2016–2019 гг. на объекте археологического наследия были выделены три строительных периода.

1-й период связан с ранним этапом существования храма, от которого на данный момент исследований визуально сохранились: западная и восточная стена, юго-западный угол постройки, а также отдельные находки. Реконструируемая длина здания 10 м (10,3 м с наружной ступенькой).

2-й – это период перестройки храма. В культовое здание IX (?)–XII–XIII (?) вв. был встроен поздний храм, который функционировал в XIV–XV вв. Храм длиной 8,4 м (по внешнему контуру), внутри – 6,1×3,2–3,95 м. Ширина северного плечика – 0,9 м, южного – 1,05 м. Стены сохранились на высоту около 1 м. Они сложены из бутовых камней и обломков пещерных натеков. В апсидной части и в дверном проеме присутствуют туфовые блоки. Толщина стен храма около 0,7 м.

3-й строительный период (XIV–XV вв.) связан со строительством и функционированием «пристройки» снаружи храма в западной его части и сооружением каменной стены, непосредственно вдоль южной стены храма над черепичным развалом XIV–XV вв. На данном этапе исследований об их характере и назначении судить сложно.

Всего на исследованной территории в 92 м² выявлено девять погребальных сооружений, ориентированных по оси запад-восток, относящихся к трем типам: могила № 1 вырублена в скале; могила № 7 является сводчатым склепом с наземными архитектурными конструкциями; семь могил (№№ 2–6, 8, 9) – грунтовые. Пять из них

(№№ 2–6), обнаружены к востоку от храма, две (№№ 8, 9) – в непосредственной близости от южной стены культового здания.

Вырубленная в скале у западной стены храма (снаружи постройки), к югу от входа, могила № 1, видимо, относится к раннему этапу храмового комплекса IX (?)–XIII вв. В ней находилось три костяка, принадлежавшие двум мужчинам (погребения 2, 3) возрастом 55–60 и более лет и женщине – до 30 лет (погребение 1)¹.

Костные остатки мужчин лежали в смещенном порядке. Женский костяк – сохранился в *in situ*, расположен в вытянутом положении, ногами на восток, руки согнуты в локте, в районе живота. Среди фаланг пальцев найдена медная монета Льва VI Мудрого (886–912). В грунте заполнения могилы обнаружены: ребристая бусина из египетского фаянса; две стеклянные бусины, среди которых одна – мозаичная; обломки металлических предметов; кремневые отщепы – сколы; фрагменты стеклянных лампад; отдельные фрагменты красноглиняной кухонно-столовой посуды и обломки высокогорлых кувшинов второй половины IX – первой половины XI вв., фрагменты известковой штукатурки от храмовой постройки; мелкие угольки, а также кости млекопитающих, раковины морских моллюсков и ракообразных (крабов) [Турова, 2018a:129].

В восточной части могилы возвышаются остатки западной стены раннего храма IX (?)–XII–XIII (?) вв. Здесь, между нижним (первым) и вторым рядом наружного панциря кладки, обнаружен вставленный горизонтально вотивный крест, свернутый из железного кованного прута.

Еще один аналогичный крест был заложен в забутовку наземной восточной стены склепа, исследованного в 2019 г.

Склеп представлял собой прямоугольную в плане наземную постройку длиной 3,36 м и шириной 2,57 м, ориентированную по оси запад-восток с подземной камерой, вход в нее находился в северо-восточном углу. По внутреннему контуру склеп имел Г-образную форму с небольшой привходовой частью – дромосом и прямоугольную камеру, впущенную в скальный материк. Длина погребальной камеры внутри – 2,02 м, ширина – 1,32 м, высота – 1,23 м. В результате удаления дерна и каменного завала был локализован сводчатый вход, заложенный плотно туфовыми блоками, без какого-либо раствора, с помощью некого «ключа» – камня клинчатой формы из пещерного натека.

¹ По определению к.и.н., старшего научного сотрудника Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма РАН А.В. Иванова.

Погребальное сооружение сложено из бутовых и туфовых блоков, имело каменный свод и было перекрыто снаружи черепицей, положенной на плотную известковую прослойку, фиксирующуюся по всей площади свода, кроме привходовой части.

В камере склепа обнаружено более 10 погребенных (детей и взрослых), лежащих на поверхности без анатомического порядка. Крупные фрагменты черепиц-керамид зафиксированы в ногах погребенных, у восточной стены склепа.

В результате зачистки погребальной камеры найдены обломки двух глиняных сосудов. Один из них являлся нижней частью гончарного кувшина или горшка. Он находился в западной части склепа, среди черепов, у южной стены. Другой фрагмент – часть грубогончарной миски с горизонтальным волнообразным краем, найден под входом у северной стены склепа. В восточной части камеры, у южной стены склепа, среди костей ног залегал на ребре большой железный процессионный пластинчатый крест (длинной 30 см). В центральной части найдены: проволочная серьга из белого металла, железная кованная «звездича», натальный железный крест, две кольцеобразные пряжки – медная и железная – и шесть стеклянных бусин, среди которых три мозаичные, а также подвеска из раковины каури. Анализ материала позволяет датировать данное погребальное сооружение XIII–XV вв.

Склеп и храм были соединены с помощью дополнительной стенки, длиной около 2 м, идущей перпендикулярно южной стене храма и северной стене склепа, переходящей в восточную наземную стенку погребения. Кладка сохранилась в один ряд, в забутовке ее обнаружена створка медного энколпиона с низкорельефным изображением распятого Христа; видимо, его использовали вторично в качестве погребенной реликвии.

В пространстве между северной стеной склепа и южной стеной храма, шириной около 2,3 м, зафиксирована грунтовая могила № 9, сооруженная ранее склепа, вырубленная в материковом глинисто-щебнистом грунте, с двумя погребениями. В восточной части она врезана в яму (пифосную?). Костяк № 1, расположенный севернее, более ранний, был сдвинут для захоронения костяка № 2, державшего в руках двустворчатый энколпион с гладкими поверхностями. У головы погребенного, южнее ее, стояла нижняя часть красноглиняного сосуда закрытой формы. При зачистке костяка № 1 на шейном отделе позвоночника найден фрагмент калиптера с прочерченными тонкой линией крестом и монограммой «Иисус Христос – Ника». Вдоль левой ноги погребенного (№ 1) зафиксированы следы тлена, представляющего собой узкую удлиненную плашку. Подобные остатки найдены в грунтовых могилах №№ 3 и 6.

Из обнаруженных семи грунтовых могил (№№ 2–6, 8, 9), четыре – детские (№№ 2–4, 8). Согласно, результатам антропологического исследования 2018 г., произведенного сотрудником отдела междисциплинарных исследований «Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» С.А. Даниловой, среди погребенных 2 женских костяка, возрастом до 30 и около 45 лет, 4 мужских – от 25 до 60 лет и 3 детских – от 6 месяцев и до 2-х лет (материалы 2019 г. находятся в стадии обработки).

Могилы №№ 3, 5, 6, 9 впущены в материк. Могила № 4 (детская) найдена в засыпи могилы № 5. В погребальных сооружениях могил №№ 6 и 9 обнаружено по 2 погребения. Могила № 2 (детская) лежит непосредственно на скале, могила № 8 – в каменно-черепичном завале. От современной дневной поверхности они залегают на глубине 0,38 м (могила № 2) и 0,46 м (могила № 8). Возможно, они являются более поздними.

В трех могилах (№№ 3, 6, 9) прослеживаются обкладки из бутовых камней, стенок керамических сосудов или черепицы. Каких-либо закладов могил не зафиксировано. В слоях над погребениями, расположенными восточнее храмовой постройки, наблюдается большое количество разномерных бутовых камней. В большинстве своем могилы безинвентарные. В могиле № 5, в погребении мужчины возрастом около 25 лет (определение С.А. Даниловой), обнаружена медная пуговица и одна серьга из белого металла [Турова, 2019: 269–274]. Судя по стратиграфическим напластованиям, участки некрополя, расположенные к востоку и югу от храма, относятся ко второму и третьему периодам храмового комплекса Кильсе-Бурун, т.е. XIII–XV вв.

Библиография

ТУРОВА Н.П. Новый средневековый храмовый комплекс на Ай-Петринской яйле (г. Кильсе-Бурун) (по результатам исследований 2016 г.) / Археология средневекового храма // Материалы научной конференции, посвященной 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. – Севастополь, 2017. С. 70–71.

ТУРОВА Н.П. Второй полевой сезон исследований храмового комплекса на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла) // ИАКр. – Симферополь, 2018а. Вып. VIII. С. 129–132.

ТУРОВА Н.П. Средневековый храмовый комплекс на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла) (по результатам исследований 2016 г.) // Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь С.Г. Рыжова – Севастополь; Калининград, 2018б. С. 234–240.

ТУРОВА Н.П. Раскопки 2018 г. храмового комплекса IX–XV вв. на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла) // ИАКр. – Симферополь. 2019. Вып. XI. С. 269–274.

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ВИЗАНТИЙСКИЙ АМУЛЕТ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ХНУБИСА ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

В Юго-Западном Крыму, в районе села Гончарное найден бронзовый пластинчатый круглый медальон с прямоугольной петлей с круглым отверстием для подвешивания (Рис. 1,1)¹. Размеры медальона: диаметр 3,5 см; высота 4,0 см. На его обеих сторонах по центру выгравированы фигура львиноголового змея Хнубиса, привязанного к алтарю и, расположенная напротив, извивающаяся змея в атакующей позе. Хнубис изображен схематично, но с характерными для него атрибутами: большой львиной головой влево, с семью или двенадцатью лучами, с длинным телом и хвостом, закрученным в одно или несколько колец. Над головой прорезан символ в виде трех С, перечеркнутых прямой линией, называемый «знаком Хнубиса». Между двумя персонажами выгравировано греческое слово ΠΙΝΟ, повторенное трижды.

Представленная на медальоне сцена имеет несомненное иконографическое сходство с изображениями на позднеантичных и ранневизантийских амулетах (Рис. 1,2-4). Прежде всего, речь идет о найденных на территории современных Сирии, Ливана, Палестины и Израиля бронзовых пластинчатых овальных подвесках V–VI вв., отлитых с петелькой для подвешивания, на лицевой стороне которых изображен святой всадник, пронзающий копьем распостертого под конем женского демона, и выгравирована надпись «*Единственный бог, побеждающий зло*» [Schlumberger 1892: 80–83, nr. 7–12; Bonner 1950:

¹ Медальон хранится в частной коллекции В.В. Булычева. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность Валерию Васильевичу за возможность опубликовать уникальную находку.

211–214, nr. 298–303, 306, 309, 311, 314, 315, 318, 319; CBMGD: nr. 809–812, 1488, 1493, 1700]. На обратной стороне этих подвесок прорезана привязанная к колонне или алтарю птица – ибис (цапля?), нападающая на змею, и надпись ΠΙΝΩ, которая трактуется как «я пью» [Seurig 1934: 3; Bonner 1950: 212–213]. Привязанного к алтарю ибиса гравировали на магических геммах, защищающих от болезней пищеварительного тракта, о чем свидетельствует и часто присутствующее на них трехкратное повеление больному желудку «Переваривай!» [Seurig 1934: 2, 3, fig. 2; Bonner 1950: 51–53; Dassen, Nagy 2012: 300]. Известно, что в Египте большие птицы с длинным клювом, особенно ибис, считались наделенными защитными свойствами. Они истребляли змей, скорпионов, саранчу – всех тех существ, которые в повседневной жизни угрожали человеку [Seurig 1934: 1]. В «Кирианидах», сборнике магическо-медицинских сочинений IV в., сообщается о том, что, если вырезать на камне фламинго со скорпионом в ногах и положить под такую гемму определенное растение, то можно получить защитное средство от всех ядовитых животных и против дурного глаза [Bonner 1950: 214]. Птицу, изображенную на амулетах, также интерпретируют как страуса, хорошо известного своим ненасытным аппетитом и сильной пищеварительной системой. В этом случае надпись ΠΙΝΩ интерпретируется как «я голоден» (от λείνω), а амулеты – в качестве защиты для слабого желудка [Foskolou 2014: 342].

На публикуемом медальоне привязанная к алтарю птица заменена Хнубисом – божеством, защищавшем желудок человека [Хайрединова 2014]. Известны многочисленные геммы позднеантичного времени с изображением Хнубиса, предназначавшиеся для улучшения пищеварения или для лечения болезней пищеварительного тракта, о чем свидетельствуют сопроводительные надписи: «Храни в здравии желудок Прокла!»; «Хнумис, избавь Юлиана, сына Нона, от всякого напряжения, всякого несварения, всякой боли в желудке»; «Хнубис, переваривай, переваривай!»; «Переваривай, переваривай!»; «Для желудка Сосибия»; «Хнубис, успокой боль желудка...» [Chambouillet 1858: 292, nr. 2189; Dassen, Nagy 2012: 310, Ap. 8]. На некоторых геммах змеиное тело Хнубиса стилизовано под изображение кишечника. На одной из инталий, найденной в Сирии, выгравирована надпись «для желудка или Хнубис». По предположению Р. Мутерда, резчик по камню механически скопировал рецепт, в котором предлагалось выбрать одну из двух надписей [Mouterde 1930–1931: 74]. Видимо, понятия «Хнубис» и «здоровье желудка» в представлении древних были синонимами.

В средние века изображение Хнубиса встречается и на бронзовых украшениях-амулетах. Известно несколько браслетов-амулетов VI–VII вв. с изображением Хнубиса, происходящих из Египта [Maspero 1908: 247, 248, fig. 1; Vikan 1984: 76, 77, fig. 8, 9; Vikan 1991/92: 35, 37, fig. 9b, 10d]. Браслеты сделаны из узкой пластины, украшенной медальонами со сценами из жизни Христа. Свободное пространство между медальонами заполнено первыми строками Псалма 90. В одном из медальонов видно уже знакомое по геммам изображение Хнубиса: тело змея выгравировано схематично, но зато хорошо проработана львиная голова на фоне солнечного диска с семью лучами. Рядом присутствуют и характерные для магических инталий знаки, из которых наиболее отчетливо читается пентаграмма. Зная свойства Хнубиса, можно говорить о том, что в «обязанности» браслета входило и обеспечение здоровья желудка.

Слово ΠΙΝΟ или ΠΙΝΩ входило в состав заклинаний, выгравированных на византийских амулетах VI в. с изображением волка и крокодила, предназначавшихся для улучшения пищеварения (Рис. 1,6) [Spier 2014: 62–65, fig. 12–14]. Содержание таких заклинаний сводилось к следующему: «Голодного волка кормили. Я пью воду, я хочу пить, я ем хлеб»; «Я голодный волк, пью в канаве, высушенной голодом»; «Голодного волка кормили (я пью) в канаве (или могиле), высушенной голодом». Смысл заклинания понятен, потому что сохранилась его латинская версия в медицинских трудах врача конца IV в. Марцелла Эмпирика, который рекомендовал для хорошего переваривания на ночь, в постели произносить трижды: «Волк шел по тропинке. Сырую пищу он пожирал, жидкости он выпил» (Marcellus Empiricus. De medicamentis liber. 20.78). Сокращенный вариант заклинания, усеченный до одного лишь слова ΠΙΝΟ и проиллюстрированный волком и крокодилом, встречается на ранневизантийских перстнях (Рис. 1,5).

Отметим, что заклинания против болезней живота, в содержании которых трижды говорится о выпивании жидкости, известны в греческом фольклоре вплоть до нового времени [Греческие молитвы 2005].

Таким образом, публикуемый медальон с изображением Хнубиса можно отнести к группе медицинских магических амулетов, предназначавшихся для улучшения пищеварения и для лечения болезней пищеварительного тракта. Терапевтические свойства амулета

подтверждаются надписью ΥΓΙΑ (здоровье) над Хнубисом на одной из сторон амулета. Именно в таком написании слово «здоровье» чаще всего встречается на различных ранневизантийских амулетах, перстнях, браслетах, штампах для просфор, атрибутике брачного ритуала.

К группе медицинских магических амулетов относится бронзовый перстень с изображением бога Хнубиса, в виде змеи с головой льва в нимбе, найденный в Лучистом, в одном из женских погребений первой четверти VII вв. [Хайрединова 2014]. Перстень входил в состав нагрудного ожерелья и находился в области желудка носившей его женщины. Именно так рекомендовали носить амулеты против болей в желудке авторы магических и медицинских трактатов.

Находки подобного рода позволяют говорить о долгом существовании и обширном распространении зародившихся в Египте еще в античный период представлений о защитных и терапевтических свойствах декана и солярного божества Хнубиса, расширяют наши знания о верованиях жителей раннесредневекового Крыма и о связях региона с провинциями Византии.

Библиография

- Греческие молитвы, заклинания и заговоры из Большой Каракубы / Вступительная статья, перевод, комментарии и подготовка текста Е. Чернухина. – Донецк, 2005.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Перстень – амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. – Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 69–89.
- BONNER C. Studies in Magical Amulets chiefly Graeco-Egyptian // University of Michigan Studies. Humanistic Series. – Ann Arbor, 1950. Vol. XLIX.
- CHAMBOUILLET M. Catalogue général et raisonné des camées de la bibliothèque impériale. – Paris, 1858.
- DASEN V., NAGY A.M. Le serpent léontocéphale Chnoubis et la magie de l'époque romaine impériale // Antropozoologica. – 2012. T. 47.1.
- FASKOLOU V. The Magic of the Written Word: the evidence of inscriptions on Byzantine magical amulets // Deltion of the Christian Archaeological Society. – 2014. Vol. 35. P. 329–348.
- MASPERO J. Bracelets – amulettes d'époque byzantine // Annales du service des antiquités de l'Égypte. 1908. Vol. 9.
- MOUTERDE R. Le glaive de Dardanos, objets et inscriptions magiques de Syrie // Mélanges de l'université Saint-Joseph. – Beyrouth. 1930–1931. Nr. 15.
- SCHLUMBERGER G. Amulettes Byzantins anciens destinées à combattre les maléfices et les maladies // Revue des Études grecques. 1892. T. V.

SEYRIG H. *Individiae medici* // Berytus. – 1934. T. I.

SPIER J. An Antique magical book used for making sixth-century Byzantine amulets?
// *Les saviors magiques et leur transmission de l'Antiquité à la Renaissance* / Eds.
V. Dasen, J.-M. Spieser. – Florence, 2014. P. 43–66.

The Campbell Bonner Magical Gems Database (CBMGD) [Электронный ресурс:
<http://classics.mfab.hu/talismans>].

VIKAN G. Art, medicine, and magic in Early Byzantium // *DOP*. – Washington, 1984.
T. 38. P. 65–86.

VIKAN G. Two Byzantine Amuletic Armbands and the Group to which They Belong
// *The Journal of the Walters Art Gallery*. – Baltimore, 1991/92. Vol. 49/50.

Рис. 1. Медицинские магические амулеты, предназначавшиеся для улучшения пищеварения и для лечения болезней пищеварительного тракта. 1 – с. Гончарное (Юго-Западный Крым); 2–4 – [по: The Campbell Bonner Magical Gems Database: 812, 3418, 811]; 5 – Восточное Средиземноморье, частная коллекция [по: Spier 2014: 62–65, fig. 12–14].

Н.И. ХРАПУНОВ

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

ПРИНЦ ДЕ ЛИНЬ В КРЫМУ, ИЛИ КАК ЗАМЕНИТЬ ВИЗАНТИЮ СКАЗКАМИ 1001 НОЧИ

«Приехав в Тавриду, я намеревался возвысить свою душу через те великие вещи, истинные и ложные, что здесь произошли. Мой разум был готов обратиться к героическому – с Митридатом, к сказочному – с Ифигенией, к воинскому – с римлянами, к изящным искусствам – с греками, к разбойному – с татарами, и торговому – с генуэзцами. Все эти народы мне хорошо знакомы; но, правда, вот дела! все они исчезли в “Тысяче и одной ночи”», – писал принц де Линь, рассказывая о путешествии в Крым в свите Екатерины II в 1787 г. [Lettres 1809: 51]. Эта фраза не только раскрывает впечатление путешественника, но и побуждает обратиться к следующей проблеме, историографией по-настоящему не изученной. Известно, что российская государственная идеология эпохи Екатерины II уделяла особое внимание наследию Древней Греции и Византии: оно позволяло русским, как виртуальным «потомкам греков» обосновывать право на владение Югом [Зорин 2004: 33–64; 100–114; Проскурина 2017: 160–194]. Однако масштабная пропаганда не оказала большого влияния на тех, кто смог увидеть Крым своими глазами. В итоге на протяжении без малого века в общественном сознании полуостров ассоциировался не с Византией или крещением Руси, но, прежде всего, с романтическим Востоком. Почему так произошло? Представляется, что рассказ принца де Линя о путешествии в Крым дает материалы к ответу на этот вопрос.

Шарль-Жозеф Ламорал де Линь (1735–1814) был одним из ярчайших деятелей эпохи Просвещения [о нем см: Бильбасов 1901: 381–522; Mortier 1993: 225–238]. Родившийся в Австрийских Нидерландах (совр. Бельгия), он был французом по культуре, но подданным Священной римской империи;

получил польское шляхетство, а Екатерина II подарила ему имения в Крыму; так что остроумный принц иронично называл себя «русским и татарским подданным» Ее Величества. Де Линь сделал выдающуюся карьеру, получив звания русского генерал-аншефа и австрийского фельдмаршала, но потерял почти все состояние в годы французской Революции. Он много путешествовал по Европе и повсюду встречал радушный прием благодаря своей красоте и очарованию, репутации героя войны и блестящего придворного, эрудита и остроуслова. «Люблю свое положение повсюду иностранца (...) Француз в Австрии, австриец во Франции, и тот и другой в России, – вот средство везде понравиться и ни от кого не зависеть» [Lettres 1809: 92]. Де Линь умер в Вене от простуды, подхваченной на любовном свидании, в дни конгресса, решавшего судьбы Европы после победы над Наполеоном. Когда надежды на выздоровление не осталось, монархи и дипломаты прервали заседания, чтобы попрощаться с пожилым фельдмаршалом. Символично, что напротив дома де Линя впоследствии возвели главный корпус Венского университета.

Французский посол в России Луи-Филипп де Сегюр однажды заметил: «Принц де Линь, будучи на двадцать лет старше меня, не переставал удивлять меня живостью своего воображения и молодостью своего духа...» [Mémoires 1827b: 153]. Эти слова характеризуют не только поведение бельгийца, но и стиль его сочинений, очевидно, способствовавший их невероятной популярности. Его литературное наследие включает несколько десятков томов. В одном из них опубликован рассказ о поездке в Крым в форме писем к очередной возлюбленной де Линя. Сначала они были изданы самим автором в составе книги воспоминаний и избранной переписки [Mémoires 1827a: 59–92], а затем стали частью его сочинений, опубликованных в редакции, подготовленной знаменитой французской писательницей мадам де Сталь [Lettres 1809: 51–83]. Эта книга неоднократно переиздавалась и переводилась на разные языки, в том числе и русский [Письма 1809: 94–150]. Правда, русский перевод пострадал от цензуры XIX в., лишившей его фрагментов, где автор с иронией говорит о религии, церкви и даже самой российской императрице.

Содержание заставляет предположить, что либо письма эти изначально сочинялись в расчете на последующую публикацию, либо были существенно отредактированы перед изданием, либо писались, как единое произведение через несколько лет после путешествия на основе воспоминаний и кратких дневниковых записей. Например, указанные в

письмах даты не совпадают с теми, что фигурируют в официальном дневнике путешествия императрицы и придворном камер-фурьерском журнале. Ничего особенного в этом приеме не было: эпистолярный роман был очень популярным жанром в эпоху де Линя.

Сочинению бельгийца свойственны несомненные литературные достоинства. Они гармонично сочетают легкость стиля с поэтичностью описаний, а сентиментальность с иронией. Крым для писателя место райское, где на лоне прекрасной природы живут неиспорченные цивилизацией благородные дикари – татары, идеальное укрытие от испорченной, шумной и суетной цивилизации Европы. Эмоции в описаниях зачастую преобладают над фактами, а реальность подменяют фантазии, в которых свободно смешиваются библейские мотивы, фрагменты арабских сказок, античные мифы, прошлое и современность. Вероятно, именно это и обеспечило успех книги.

Сочинение де Линя оказало большое влияние на следующее поколение путешественников и литераторов. Бельгиец был одним из тех, кто сделал античный миф об Ифигении символом Крыма [Храпунов 2019: 383–384]. Он же убедил многих последователей в том, что из городка Старый Крым открывается восхитительный вид на три моря и даже Кавказские горы [Храпунов 2019: 387–389]. С 30-х гг. XIX в. в селении Партенит близ г. Аю-Даг показывают огромный орех, в тени которого якобы писал де Линь – владелец подаренного ему императрицей здешнего поместья [см., например: Крымский миф 2017: 266]. Но записки бельгийца и его товарищей позволяют думать, что имение принца могло находиться юго-западнее, ближе к Балаклаве [Храпунов 2017: 333–334]. Восторгаясь Крымом, де Линь привел не так уж много конкретных деталей, характеризующих именно полуостров, его жителей и памятники, а не европейские представления о том, как должен выглядеть (мусульманский) Восток. Впоследствии, когда выйдет «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, окажется, что и в этой замечательной поэме почти совсем не отражены крымские реалии – что не мешает ей поспособствовать возникновению целого ряда городских легенд.

В библиотеке А.С. Пушкина было несколько томов сочинений де Линя и в том числе – книга, включавшая «крымские письма» в издании мадам де Сталь. Считается, что он использовал ее при работе над «Бахчисарайским фонтаном» [Пушкин 1910: 274–275, №№ 1102–1103]. Де Линь восхищался великолепием ханского дворца в Бахчисарае, характерным образом соединяя воедино реальности очень разных культур:

«В нашем дворце, где есть место мавританскому, арабскому, китайскому и турецкому, повсюду фонтаны, небольшие сады, картины, позолота и надписи» [Lettres 1809: 51–52]. С одной стороны, эти слова выразили увлеченность Европы Востоком, а с другой – восприятие этого Востока как континуума, практически неизменного не только во времени, но и в пространстве.

Российская культура склонна была перенимать интерес к Востоку от Запада, у которого училась [Схиммельпэннинк ван дер Ойе 2019: 56–63, 68–75, 79–80], но не только. В частности, мода на «турецкий стиль», охватившая высшее российское общество второй половины XVIII – первой половины XIX вв., во многом продиктована значительно интенсифицировавшимися контактам с Османской империей [Ориентализм 2017]. На Западе это было время повальной увлеченности восточной культурой, которую, разумеется, зачастую не понимали и переосмысливали [Кардини 2016: 255–268]. Крым же представлялся путешественникам «Востоком в миниатюре», потому не удивительно, что именно эта черта стала доминировать в описаниях и изображениях полуострова [см., например: Крымский миф 2017; Ориентализм 2017: 50–55, 125–151, 171–197].

Помимо литературной традиции, восприятию Крыма прежде всего, как Востока способствовали пейзажи. Легко проникнуться восточной романтикой, рассматривая ханский дворец в Бахчисарае, мусульманские кварталы Карасубазара (Белогорска) или мечети и бани Каффы (Феодосии). Куда сложнее было писать о Херсонесе, развалины которого были, по большей части, скрыты под землей, или о «пещерных городах», происхождение и история которых долгое время вообще оставались загадкой. Широкий интерес к «крымской Византии» в обществе, а не только у немногих исследователей, возникнет позже, когда раскопки в Херсонесе откроют остатки средневековых церквей, крымская епархия запустит амбициозный проект «русского Афона», а на развалинах древнего Корсуня возведут колоссальный собор [Храпунов 2016: 337–340].

Библиография

- БИЛЬБАСОВ В.А. Исторические монографии. – СПб., 1901. Т. 4.
ЗОРИН А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. – М., 2004.
КАРДИНИ Ф. Европа и Ислам. История непонимания. – СПб., 2016.
Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. – Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017.

- Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е. – М., 2017.
- Письма, мысли и избранные творения принца де Линь. – М., 1809. Ч. I.
- ПРОСКУРИНА В.Ю. Империя пера Екатерины II. Литература как политика. – М., 2017.
- Пушкин и его современники. Материалы и исследования. – СПб., 1910. Вып. IX–X.
- Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в русском сознании от эпохи Петра Велюкого до Белой эмиграции. – М., 2019.
- ХРАПУНОВ Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. – Симферополь, 2016. Вып. XXI. С. 317–358.
- ХРАПУНОВ Н.И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. – Севастополь, 2017.
- ХРАПУНОВ Н.И. Ричард Уэрсли и Крым // Боспорские исследования. – Керчь, 2019. Вып. XXXIX. С. 378-403.
- Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 4me éd. – Paris; Genève, 1809.
- Mémoires et mélanges historiques et littéraires, par le prince de Ligne. – Paris, 1827a. Т. 1.
- Mémoires ou souvenirs at anecdotes par M. le Comte de Ségur. – Bruxelles, 1827b. Т. 3.
- MORTIER R. Charles-Joseph de Ligne, écrivain dilettante et prince européen // Dix-huitième siècle. – 1993. – № 25.

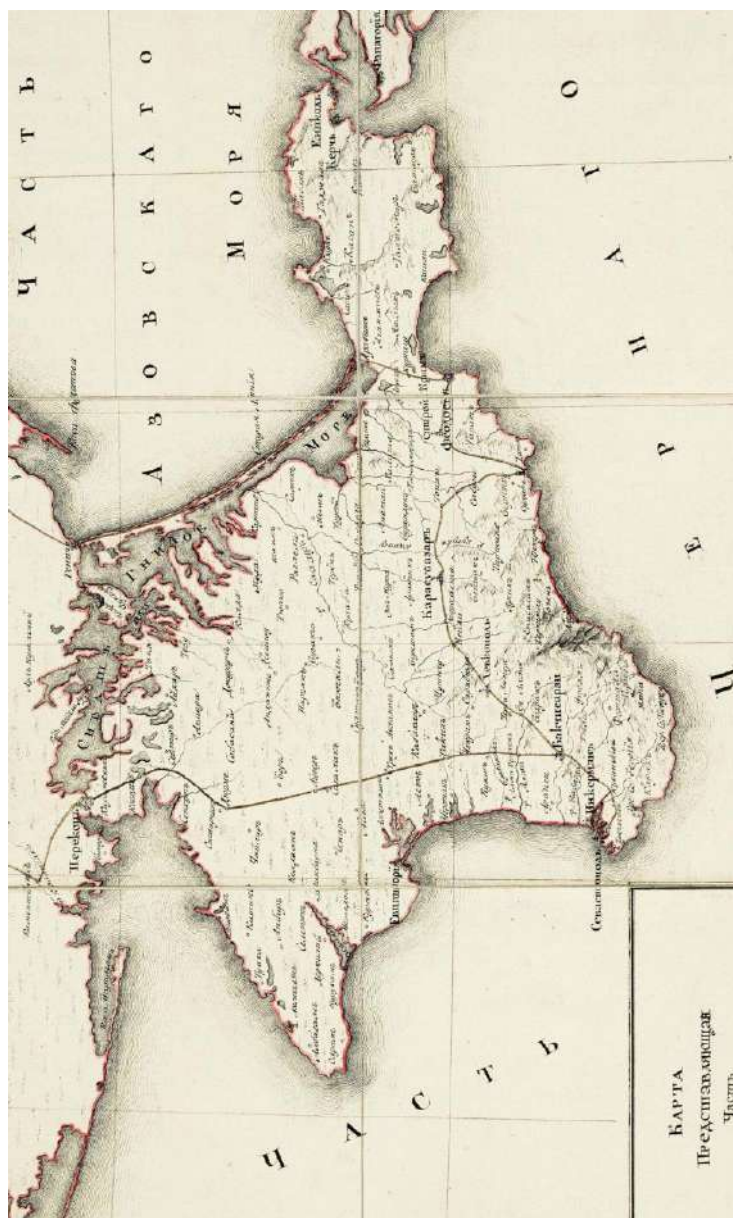

Рис. 1. Карта частей Екатеринославского наместничества и Таврической области из собрания карт для путешествия Ее Императорского Величества Екатерины II. 1787 г.

В.Н. ЧХАИДЗЕ

Институт археологии РАН
(Москва)

**О ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ВИЗАНТИЙСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕЧАТЕЙ:
СТРАТОРЫ ХЕРСОНА, КОГАН РОСКІ
И ПРОЧИЕ БЕЗГРАМОТНЫЕ ФАНТАЗИИ XXI ВЕКА**

*И что за великий лжец, который умеет обманывать только других?
Солги себе так, чтобы поверить, – вот это искусство.
Л. Андреев «Дневник Сатаны»*

Один из параграфов монографии Н.А. Алексеенко 2017 г., посвященной чиновникам Херсона VIII–XI вв., имеет заголовок «Страторы Херсона – вымысел или реальность?». Речь в нем идет о неоднократно опубликованных с 2012 г. трех печатях с указанием термина императорский стратор¹ Херсона, отнесенных в каталоге уже к разряду сомнительных [Алексеенко, 2017: 67, 450]. Сомнения исследователя вызвала необычность термина, происхождение этих экземпляров из частных коллекций, а также появление на черном рынке очевидных фальсификатов византийских печатей.

В 2019 г. стало известно о еще двух экземплярах, происходящих из Краснодарского края (г. Ейск).

Первый – пробит сбоку (Рис. 1, I).

Диаметр – 22–20 мм, толщина – 3 мм: вес – 9,57 гр.

Аверс. Крестообразная invocативная монограмма V типа [Laurent 1952: pl. LXX.V], в углах тетраграмма: .Ω-С. | ΔϞ-ΛΩ –
Θεοτόκε βοήθει [τ]ῷ σ[ῶ] δούλω.

¹ *Императорский стратор* в VII–VIII вв. – должность младшего командира в отрядах дворцовой стражи, а также должность, в основном, в столичных гражданских ведомствах или на придворной службе. С середины VIII в. появляется придворный титул *стратора* [Алексеенко 2015: 200–201].

Реверс: фрагментированная пятистрочная надпись:

+СЕРΓΙΟ | ΒΑΣΙΛΙΚ. | СТРАΤ. | .ΩΧΕ. | ... –

+ Σεργίο | βασιλικ[ῶ] | στράτ[ο-] | [ρ]ω Χερ[ρ-] | [χόνος].

Второй экземпляр аналогичного типа (Рис. 1,2).

Диаметр – 28–21 мм; толщина – 5 мм.

Аверс: крестообразная инвокативная монограмма типа V (Laurent 1952: pl. LXX.V), в углах тетраграмма: ΤΩ–CΩ | Δ8–ΛΩ –

Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ.

Реверс: фрагментированная пятистрочная надпись:

.СЕРΓΙ. | .ΑΣΙΛΙΚ. | СТРАΤΟ | ΡΩΧΕΡ | ΧΟΝΟΣ –

[+] Σεργί[ο] | [β]ασιλικ[ῶ] | στράτο- | ρω Χερ- | χόνος.

Полностью восстанавливаемая легенда: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Σεργίο βασιλικῶ στράτορω Χερχόνος – Богородица, помоги своему рабу Сергию, императорскому стратору Херсона.

Хорошо известна параллельная печать неясного происхождения, хранящаяся в частной коллекции – имя на ней не читается, т.к. выходит за край заготовки. Это же относится к литере X – первой в нижней строке (написание имени города с орфографической ошибкой), что заставило Н.А. Алексеенко сомневаться в принадлежности печати Сергию и неверном написании топонима. Должность стратора также записана с ошибкой в орфографии – вместо падежного окончания на *ιου* (!) проставлена *omega* (ω) (правильно στράτορι²). Предложенное прочтение: Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Σ[εργίω β]ασιλικῶ στράτο[ρ]ω Χερ[σ]όνος. Печать была отнесена к рубежу VIII–IX вв. [Алексеенко 2012: 7, рис. 1,5; 2013: 25, 26, цветная вкладка: fig. 2; 2017: 69, 455, № VIII.2.2; Alekseienko 2015: 57, fig. 2].

Отмечу, что та же матрица (идентичная всем трем рассмотренным выше печатям) использована еще на одном экземпляре, который оттиснут двумя оборотными сторонами булл: на одной из них все тот же Сергей, императорский стратор Херхона, а на второй – Зоил, ипат и архонт Херхона [Алексеенко 2012: 6, рис. 1,4; 2013: 25, цветная вкладка: fig. 1; 2015: 199, 200, рис. 8; 2017: 68, 454, № VIII.2.1; Alekseienko 2015: 56–57, fig. 1].

И можно было бы признать страторов Херсона исторической реальностью, если бы не несколько «но»! Помимо уже отмеченной малограмотности в написании легенды (что в принципе допустимо для

² Впрочем, следует отметить, что на эту особенность печатей «херсонских страторов» в свое время обратил внимание и сам их издатель [Алексеенко 2013: 25, 26].

средневековья), на обоих экземплярах из Ейска напрочь отсутствует сквозной канал для шнура, при этом невероятно, что это тессеры. Но самое главное – на первом экземпляре хорошо заметны следы травления. Все это в совокупности не оставляет сомнений, что перед нами современные подделки.

Мне уже приходилось писать об опасности появления поддельных монет и печатей, которые начинают проникать на страницы научных журналов, вследствие легковёрности современных исследователей [Чхаидзе 2018а: 40–41; и др.]. И приведенный выше пример более чем показателен.

Теперь не остается сомнений, что современными подделками (помимо перечисленных), причем, очевидно, изготовленными одним и тем же «умельцем», являются и неоднократно (!) опубликованные «печати»: неизвестного по имени императорского стратора Херхона [Алексеенко 2012: 7, рис. 1,6; 2013: 26, цветная вкладка: fig. 5; Alekseienko 2015: 57, 58, fig. 3; 2017: 69, 70, 456, № VIII.2.3]³; Зоила, ипата и архонта Херхона [Алексеенко 2012: 6, рис. 1,3; 2015: 195, рис. 2; 2017: 453, № VIII.1.2]; Феодота, ипата и архонта Херхона [Алексеенко 2012: 5, рис. 1,1–2; 2015: 193, 194, рис. 1,1–3; 2017: 451, 452, № VIII.1.1] – все они содержат орфографическую ошибку в написании топонима: Херχόνος. К ним можно приплюсовать и «печати» Сергия, императорского стратора без указания топонима (с той же ошибкой в падежном окончании должности) [Алексеенко 2013: 25, 26, цветная вкладка: fig. 5,3–4]⁴.

Появление ранее неизвестных «печатей» императорских страторов Херсона не могло не вызвать их научного обсуждения. Н.А. Алексеенко заметил, что представители провинциальной администрации в качестве императорских страторов не известны, и присутствие термина стратора на моливдовулах отмечено лишь в качестве рангового значения, за которым следует приписка к тому или иному ведомству. В этой связи предполагалось, что чин императорского стратора в Херсоне мог быть связан с ведомством имперских конюшен, в частности, с аплектами, предназначенным для снабжения региональных византийских войск

³ Между типом патриаршего креста на аверсе и шрифтом легенды на реверсе разница как минимум в 100–150 лет.

⁴ Справедливости ради отметим, что на необычность и не характерные особенности херсонских моливдовулов также указывал в своих работах и Н.А. Алексеенко [см. Алексеенко 2012; 2013, 2015], что в совокупности, в конечном итоге, и привело его к выводу о сомнительности экземпляров как с термином *стратор*, так и некоторых других печатей, выделенных в специальный раздел монографии об администрации Херсона, несмотря на то, что отдельные из них имеют и сквозной канал и сохраняют следы древней патины [см. Алексеенко 2017: 450–456] (– *Ред.*).

лошадьми и мулами, их оснасткой и фуражом, либо для выполнения отдельных дипломатических миссий [Алексеенко 2017: 70–72]. Обсуждался ранг этих чиновников в Империи [Сорочан, Роменский 2016: 670], в том числе и я предположил, что в Херсоне стратор мог являться не должностью, а титулом [Чхаидзе 2018б: 254].

Приведенные примеры служат знаменательным показателем того, как вследствие деяний современных «умельцев», в заблуждение могут быть введены не только публикаторы печатей, но и, как следствие, представители остального научного сообщества.

Однако если в случае с византийскими печатями, у российско-украинских изготовителей фальшивок возникают понятные трудности, то применительно к памятникам древнерусской сфрагистики «умельцам» есть где разгуляться.

Я уже имел возможность писать о деятельности коллекционера и сфрагиста-любителя И.А. Жукова [Чхаидзе 2018а: 41–43; 2020]. На страницы околонучных коллекционерских журналов с завидным постоянством он вбрасывает все новые и новые древнерусские печати. В своих работах он «классифицирует» сфрагистический материал, часть которого «определяется», оценивается и покупается им же (!) на грабительско-кладоискательских сайтах в России и на Украине. Тем самым он намеренно потворствует развитию черного рынка, а, следовательно, и незаконной деятельности грабителей, разрушающих археологические памятники в поисках наживы. Излишне говорить, что абсолютное количество «новых печатей», поставляемых И.А. Жуковым, имеют более чем смутное происхождение, часть из них – явные современные подделки.

Одним из таких произведений является «коган РОСКІ в пластиковых (sic!) бронях» – печать из частной коллекции, якобы найденная в Черниговской области с надписью: «Мстислав коган Роскі. Аминь». Ее владельца И.А. Жуков отождествляет с князем Мстиславом Владимировичем (ум. 1036). Посвятив этой находке несколько «публикаций» и включив ее в свои «классификационные схемы», наш автор недавно вновь вернулся к предмету своего увлечения и, комментируя мои сомнения в аутентичности печати, выдал следующий забавный пассаж: «...сообщаю (sic!), что эта булла была предоставлена частным коллекционером (Севастополь) для исследования в Институт археологии (Москва) и там осмотрена, взвешена, сфотографирована ведущими специалистами в области сфрагистики, которые пришли к выводу, что булла является подлинной

и ее прочтение не вызывает сомнения. Печать была зарегистрирована в Своде актовых печатей Древней Руси под соответствующем номером ... Поэтому уважаемому В.Н. Чхаидзе, прежде чем публиковать свои выводы относительно подлинности печати (которую он не держал в руках), следовало бы посоветоваться со специалистами. Публикации подобного рода «знатоков» древнерусской сфрагистики бросают тень не только на уникальный памятник, но и на компетентность ведущих специалистов в этой области» [Жуков 2019: 56].

Выше я уже показал, что и ведущие эксперты в области византийской сфрагистики могут быть введены в заблуждение, но все равно не оставляют своих сомнений. Одним из важных показателей поддельности печатей, конечно же, является текст их легенд. Поэтому при оценке его достоверности принципиально важно мнение профессиональных лингвистов. И вот что думает по поводу «КОГАНА РОСКІ» член-корреспондент РАН А.А. Гиппиус: «*‘когань русский’* не проходит по четырем параметрам: 1) в аутентичных источниках раннего времени находим только *‘кАган’*; 2–4) прилагательное может писаться в это время только как *р(о)усьскыи*»⁵.

«Знаток» И.А. Жуков, отстаивая свое «открытие», беспомощно пытается спрятаться за спиной (!) «ведущих специалистов в области сфрагистики», компрометируя «Свод актовых печатей Древней Руси», в который включены подобные современные подделки.

Роли коллекционера древнерусских печатей И.А. Жукову мало, он желает примерить на себя звание ученого-исследователя, а также легализовать свою коллекцию, состоящую из печатей и их подделок, купленных на аукционах грабительских сайтов [см.: Чхаидзе 2020]. И в свете сказанного я уверен, что этому дилетанту нечего «сообщить» научному сообществу.

В том же полукладоискательском сборнике «Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики» опубликована статья А.Н. Петрова и Д.В. Гулецкого, которые, оперируя древнерусскими печатями с надписью «ДЪНЬСЛОВО», изучают их палеографические черты. На веру принимается аутентичность всех известных в настоящее время экземпляров подобных печатей, большая часть которых «поставлена» все тем же И.А. Жуковым. Представляется, что в этой связи к «группировке и периодизации», предлагаемой авторами [Петров, Гулецкий 2019: 61–63],

⁵ Автор признателен А.А. Гиппиусу, А.Ю. Виноградову и Д.В. Каштанову за внимание к этой теме.

невозможно относиться серьезно. Сама ситуация напоминает историю с научным обсуждением «печатей» страторов Херхона, описанную выше.

Еще одна работа – А.Г. Гаева, предлагающего очередную гипотезу относительно идентификации владельца печатей протопродра Евстафия. Автор откровенно и беззастенчиво пишет: «В последнее время, благодаря (sic!) широкому использованию металлодетекторов, поиском охвачены многочисленные, в том числе практически уничтоженные хозяйственной деятельностью поселения древнерусской «глубинки», большие площади которых, заведомо не могущие быть охвачены планомерными раскопками, дают науке (sic!) интересный сфрагистический материал» [Гаев 2019: 78].

При подобном подходе к сфрагистике неудивительны рассуждения о додекосиллабе в византийской сигиллографии при полном отсутствии знака с «Корпусом византийских печатей с метрическими легендами» А.-К. Василиу-Зайбт. Отсюда, собственно, раздел этой работы под излишне смелым названием «датировка», которое также смело можно списать в утиль. То же самое можно сказать и об остальной «византийской части» публикации (автор даже не знает, сколько существует выпусков DOSeals!). В итоге предложенная гипотеза относительно идентификации владельца рассматриваемых печатей (большинство также происходит из ниоткуда) имеет под собой более чем шаткие основания, не говоря уже о лингвистически наивной попытке разделить имя владельца на: $\epsilon\upsilon + \sigma\tau\acute{\alpha}\theta\iota\omicron\varsigma$ [Гаев 2019: 82].

Вообще, бесхитростными выглядят попытки всенепременно связать какой-либо памятник сфрагистики с известными историческими персонажами (как, например, в случае с печатью протопродра Евстафия). Неужели здравый смысл мешает осознать очевидное: количество умерших в безвестности людей на порядки превышает число тех, о ком сохранились хоть какие-то сведения?

Уже приходилось отмечать [Чхаидзе 2020], что именно в последние годы проблема подделок встала очень остро – с появлением специализированных сайтов, промышленно выпускающих куплей-продажей археологических памятников, с возникновением многочисленных частных коллекций печатей, очень часто стали «появляться» (у грабителей это называется «обретением») исключительно уникальные, ранее неизвестные типы и виды печатей. Такие «находки» могут заставить пересматривать те или иные концепции и построения. При этом неизменное отсутствие точных сведений об обстоятельствах обнаружения печатей и их локализации, помимо снижения информативности и достоверности источника, не могут не вызвать закономерный вопрос о

современных подделках. Как было показано выше, при нынешних технологиях и уровне знаний можно изготовить «уникальную» или лучше читаемую, дублирующую ранее известную, печать в таком качестве, что профессиональные сфрагисты, безусловно, будут введены в заблуждение. К тому же свинец, из которого изготовлены печати, не позволяет определить время их изготовления, особенно если повторно использовать аутентичные средневековые печати или их заготовки, что, собственно, нередко и происходит.

С моей точки зрения, в настоящее время к этой проблеме следует подходить радикально и начинать оперировать в научных исследованиях только тем новым материалом, происхождение которого может быть подтверждено археологически. В противном случае, обнаглевшие от безнаказанности «умельцы», их посредники и коллекционеры-любители преподнесут еще много сюрпризов доверчивым ученым.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Несколько новых моливдовулов византийского Херсона // II Международный Нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняля: деньги местного рынка». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 5–8.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Еще раз об особенностях административного управления в византийской Таврике: моливдовулы страторов Херсона // Международный коллоквиум по русско-византийской сфрагистике «Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ/ΧΕΡΣΟΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ». Программа и материалы. – Киев; Севастополь, 2013. С. 23–27.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Новые сфрагистические данные по истории Византийского Херсона VII–IX вв. // АДСВ. – Екатеринбург, 2015. Вып. 43. С. 192–207.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. – Севастополь, 2017.
- ГАЕВ А.Г. Печати протопродра Евстафия // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. – М., 2019. Вып. 6. С. 72–87.
- ЖУКОВ И.А. О новых находках вислых печатей князя Мстислава (Константина) Владимировича // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. – М., 2019. Вып. 6. С. 51–57.
- ПЕТРОВ А.Н., ГУЛЕЦКИЙ Д.В. Палеографические черты вислых актов печатей сфрагистического типа «Господне Слово» XI–XII вв. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. – М., 2019. Вып. 6. С. 58–66
- СОРОЧАН С.Б., РОМЕНСКИЙ А.А. Рец. на кн.: Н. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt / Eds. Byzantine and Rus' Seals. Kyiv, 2015 // МАИАСК. – Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2016. Вып. 8. С. 666–687.
- ЧХАИДЗЕ В.Н. Тмутаракань: печальный опыт историографии начала XXI века. Addenda et Corrigenda. – М., 2018а.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Рец. на кн.: Алексеенко, Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017 // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 2018б. Серия 4. История. Религиоведение. Международные отношения. Том 23. № 5. С. 252–256.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Рец. на кн.: Запечатлевшие историю. Византийские и русские печати из частных собраний. Каталог выставки / Сост.-отв. ред. М.Н. Бугырский, И.А. Орецкая. – М.: Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, 2018 // 2020 (в печати).

ALEKSEIENKO N. The Particulars of the Byzantine Administration in Taurica: Seals of the Stratores of Cherson // Byzantine and Rus' Seals. – Kyiv, 2015. P. 55–60.

LAURENT V. Documents de sigillographie Byzantine. La collection C. Orghidan. – Paris, 1952.

1

2

Рис. 1. Современные фальшивки византийских печатей.
1-2 – Поддельные печати Сергия, императорского стратора Херсона (XXI в.).

П. ШРАЙНЕР

Universität zu Köln
(Köln, Deutschland)

ВИЗАНТИЙЦЫ И ЧЕРНОЕ МОРЕ

В византийской литературе Черное море практически не играет никакой роли. В данном докладе я хочу обратить внимание на те немногие тексты, в которых оно все-таки упоминается.

Два автора, историограф Феофан в 764 году [Theophanis 1883: 434, 435; Nikephoros 1990: 144–148] и анонимный автор «Чудес св. Евгения в Трабзоне» в 1035 году, описывают климатические особенности Черного моря. Но византийским авторам города у Черного моря (такие, как Трабзон и Мангун) были важнее, чем само море [Bayer 2003; St. Albrecht 2012], и они упоминают его только походя.

Более подробно о Черном море сообщается в описаниях чудес святого Евгения Трабзонского. [Hagiographic dossier 1996].

И только Андрей Либаденос, живший в середине XIV века, в описании своего путешествия из Египта через Константинополь в Трабзон большую часть своих записок посвятил Черному морю [Ανδρέου Λιβαδηνοῦ 1975].

Библиография

- Ανδρέου Λιβαδηνοῦ βίος καὶ ἔργα / Rec. O. Lampsidis. – Athens, 1975.
BAYER H.-V. Die Erzählung des Matthaios von der Stadt Theodoro // Byzantinische Zeitschrift. – 2003. Bd. 96. S. 25–57.
Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Rec. C. Mango. – Washington, 1990.
St. Albrecht, Quellen zur Geschichte der byzantinischen Krim. – Mainz, 2012.
Theophanis. Chronographia / Rec. C. de Boor. – Leipzig, 1883. T. I.
The hagiographic dossier of St Eugenios of Trapezunt in Codex Athous Dionysiou 154 / Ed. J.O. Rosenqvist. – Uppsala, 1996.

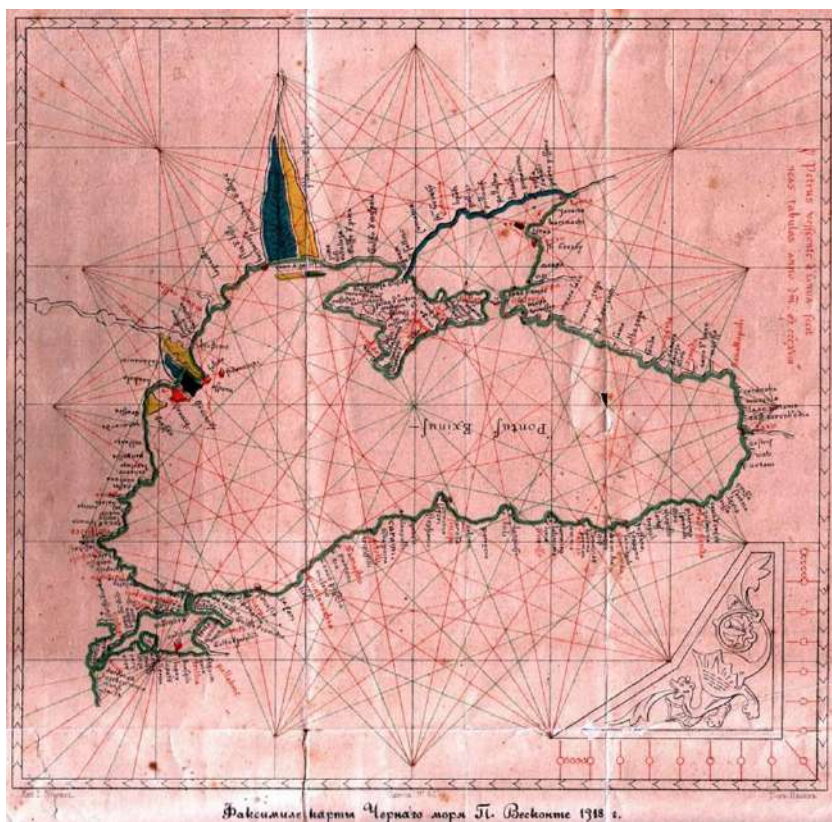

Рис. 1. Факсимиле карты Черного моря П. Веконте. 1318 г.
(по материалам сети Internet).

О.Е. ЭТИНГОФ

НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ
Российский Государственный гуманитарный университет
(Москва)

ОБРАЗ ГОРОДА В МОЗАИКАХ БАЗИЛИКИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ВИФЛЕЕМЕ И АНИКОНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ВИЗАНТИИ

На южной стене центрального нефа базилики мозаики были посвящены первым семи Вселенским соборам. Из них сохранились три фрагмента, на которых читаются изображения и тексты: Первого Никейского 325 г., Второго (1-го Константинопольского) 381 г., Третьего (Эфесского) 431 г., Четвертого (Халкидонского) 451 г., Пятого (2-го Константинопольского) 553 г., Шестого (3-го Константинопольского) 680/81 г., а также Седьмого (2-го Никейского) 787 г. [Kühnel: 59–104, 158–164].

На северной стене размещен цикл древних шести Поместных соборов. Из них полностью сохранились мозаики, где представлены два из них: Антиохийский (268 г.) и Сардикийский (342 г.), уцелели фрагменты изображений еще двух соборов: Анкирского (314 г.) и Гангрского (около 340–342 гг.) (Рис. 1–2). Цикл включал еще два образа Карфагенского (251 г.) и Лаодикийского (до 380 г.) соборов [Kühnel: 59–104, 152–157].

В мозаиках Вифлеемской базилики для образов Вселенских соборов представлены двойные арки с престолами. Поместные соборы изображены в виде архитектурных композиций: городов с драпировками и богослужебными сосудами, а также с престолами. Между ними расположены орнаментальные растительные канделябры. В центре северной стены помещен крупный геммированный крест с двумя деревьями по сторонам.

Датировка завершения мозаик, согласно надписи, относится к 1169 г., то есть к периоду владычества крестоносцев в Святой земле. Ктиторами поновления базилики, в том числе мозаичных работ, были византийский император Мануил Комнин и король Иерусалимского королевства Амальрик

[Kühnel: 110–113]. На основании сохранившихся надписей и их нового исследования Г. Кюнель полагает, что в декорации участвовали два мастера: Ефрем – византийский грек и Василий – местный сириец [Kühnel: 145–165].

Паломники XI – начала XII вв., Иакинф и русский игумен Даниил, который посетил Вифлеем в 1104–1106 гг., сообщают о мозаичной декорации, которая уже была в базилике к этому времени [Wilkinson: 270–271]. Благодаря этим сообщениям, очевидно, что при крестоносцах была проведена реставрация существовавшего ранее мозаичного ансамбля. Это подтверждается и реставрационным исследованием памятника, которое фиксирует наличие в мозаиках 1169 г. смальты IX–X вв. [Kühnel: 117–118].

При реставрации 1169 г. могла быть повторена более древняя иконография программы декорации. Г. Кюнель связывает сознательное обращение к раннехристианским корням в программе базилики Рождества Христова с идеологией крестоносцев. Этим исследователь объясняет аниконический характер изображений мозаик [Kühnel: 92, 93, 110–113]. А. Грабар датировал мозаики с изображением Поместных соборов началом VIII в., что соответствует аниконическому характеру их иконографии [Grabar: 51–61]. Ранняя датировка мозаик справедливо пересмотрена.

Аниконическая иконография церковных соборов в виде архитектурных мотивов – редкость в сохранившихся византийских памятниках. В рукописи Актов Вселенских соборов из Парижской Национальной библиотеки (suppl. grec 1085, IXe-X^e cc.), тексты некоторых соборов сопровождаются архитектурными композициями. Так, в начале текстов Вселенского Никейского собора (fol. 97), изображены базилика и колоннада, обрамленные деревьями. Уже К. Уолтер обратил внимание на сходство этих миниатюр с вифлеемскими мозаиками [Walter: 61, 62, 75–77; fig. 28, 35–36].

Примечательна роспись церкви св. Юлиана де лос Прадос (Сантуллано) близ Овьедо (812–842 гг.), где представлены архитектурные композиции, подобные образам городов, драпировки, в центре – геммированный крест. Г. Кюнель предположил здесь аниконическое изображение Вселенских соборов [Kühnel: 93–97].

Иногда встречается комбинация архитектурных композиций и антропоморфных изображений групп участников соборов. Такие примеры мы находим в рукописях IX–XII вв. Второго иконоборческого собора 815 г. в Константинополе, в афонской псалтири монастыря Пантократора середины IX в. (cod. 61, fol. 16) и Первого Вселенского Константинопольского собора в Гомилиях Григория Назианзина 883 г. из Парижской Национальной библиотеки (gr. 510, fol. 355) [Walter: 27, 28, 34–37, fig. 1, 7].

В миниатюрах хроники Иоанна Скилицы из Мадридской библиотеки (MS Graecus Vitr. 26-2) середины XII в. имеется целая серия изображений церковных дискуссий на соборах конца IX – раннего X вв., где группы епископов представлены в интерьерах базиликальных сооружений (fol. 107-107 v., 128-128 v) [Grabar, Manussacas: 65, 75, 76, pl. 26, 152-154].

Встречается подобная комбинация архитектурных и антропоморфных изображений и в западных рукописях. Такова иконография соборов в Кодексе Эмилианус, из Эскориала, I D 1, около 992 г., где при изображении Поместного собора в Толедо (fol. 129 v) представлена сложная комбинация архитектурных городских элементов [Walter: 56-61, fig. 23; Kühnel: 95-99].

Однако, обычно и традиционно преобладала антропоморфная иконография церковных соборов в виде группы епископов и византийского императора, которая окончательно сложилась как раз к XII в.

Одной из основных форм аниконической декорации был крест. Аниконическое искусство существовало долго, расцвет его относится к периоду иконоборчества, когда фигуративное изобразительное искусство эдиктом Льва III Исавра (730 г.) было полностью запрещено. Поклонение иконам не разрешалось, стены церквей на территории византийской империи в VIII – первой половине IX вв. украшала почти исключительно аниконическая декорация [Cormack: 35-44].

В Византии она встречается в этот период на огромной территории: в Константинополе, Фессалонике, на полуострове Мани, в Никее, на островах Эгейского моря, особенно на Наксосе и на Крите, в Турецкой Фракии, в Херсонесе и других центрах [Cormack: 35-44]. Подобным же образом с помощью пейзажных и сложных орнаментальных мотивов в VIII – первой половине IX вв. украшали и церкви на о. Наксос, где аниконическая декорация фрагментарно сохранилась в одиннадцати или даже четырнадцати храмах [Chatzidakis et al.: 50-65].

Однако аниконическое искусство возникло гораздо раньше, до периода иконоборчества, и не исчезло, а продолжало существовать в Византии, по крайней мере, вплоть до XII в. Такая символическая форма образности являлась важнейшей частью восточно-христианского искусства параллельно с фигуративным и антропоморфным.

Ярким примером аниконического искусства после эпохи иконоборчества служат пещерные церкви Каппадокии. По мнению А. Вартон-Эпштейн, значительная часть росписей с аниконической декорацией в этом районе относится к пост-иконоборческому периоду. Исследовательница датирует росписи, содержащие нефигуративные изображения, концом IX – началом X вв. [Wharton-Epstein: 103-112].

Аниконическая декорация была широко распространена в монофизитских храмах. Среди монофизитов не было сформулированной доктрины, запрещающей антропоморфные изображения; такого рода декорация была, скорее, традицией. Так, в монофизитском монастыре Мар Габриэль близ Картмина в Тур Абдин (Турция), основанном в 512 г., изображение включает архитектурную купольную композицию с престолом под киворием, фланкированным деревьями [Mundell: 59–74, fig. 12].

Аниконическая декорация с архитектурными композициями и образами городов известна не только по христианским храмам, но и по исламским памятникам в центрах, примыкающих к Вифлеему. Так, в Куполе скалы в Иерусалиме конца VII в. и в мечети Омейядов в Дамаске, 705–711 гг., использованы пейзажные композиции с постройками и деревьями, восходящие к эллинистическим прототипам. Восточно-христианская монофизитская традиция и исламские памятники могли также оказать некоторое влияние на аниконические мотивы в мозаиках Вифлеемской базилики.

И, наконец, важно обратиться и к одному из самых поздних памятников с аниконическим изображением архитектуры в росписях капеллы св. Павла на о. Икария, основанной, согласно надписи, в 1103–1104 гг. [Pallas: 271–314]. Они относятся ко времени незадолго до реставрации Вифлеемской базилики. Здесь в схематическом виде представлена архитектурная композиция, сопоставимая с изображениями Поместных соборов в базилике Рождества Христова. Тем самым обращение к аниконической иконографии в Вифлеемской базилике соответствовало не только повторению древней программы этого памятника при реставрации XII в. или идеологии и политике крестоносцев, но и общей традиции нефигуративного искусства византийского мира, существовавшей вплоть до XII в.

Библиография

- CHATZIDAKIS M., DRANDAKIS N., ZIAS N., ACHEIMASTOU-POTAMIANOU M., VASILAKI-KARAKATSANI A. Naxos. – Athens, 1989.
- CORMACK R. The Arts during the Age of Iconoclasm // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. University of Birmingham. March 1975 / Eds. A. Bryer and J. Herrin – Birmingham, 1977. P. 35–44.
- GRABAR A. L'iconoclisme byzantin. Dossier archéologique. – Paris, 1957.
- GRABAR A., MANUSSACAS M. L'illustration du manuscrit de Scylitzes de la Bibliothèque Nationale de Madrid. – Venise, 1979.

KÜHNEL B. and G. The Church of the Nativity in Bethlehem: The Crusader Lining of an Early Christian Basilica. With a new edition of the mosaic inscriptions in appendix by Erich Lamberz. – Regensburg, 2019.

MUNDELL M. Monophysite Church Decoration // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. University of Birmingham. March 1975 / Eds. A. Bryer and J. Herrin – Birmingham, 1977. P. 59–74.

PALLAS D. Eine anikonische lineare Wanddecoration auf der Insel Ikaria, zur Tradition der bilderlosen Kirchengausstattung // JÖB. – 1974. Bd 23. S. 271–314.

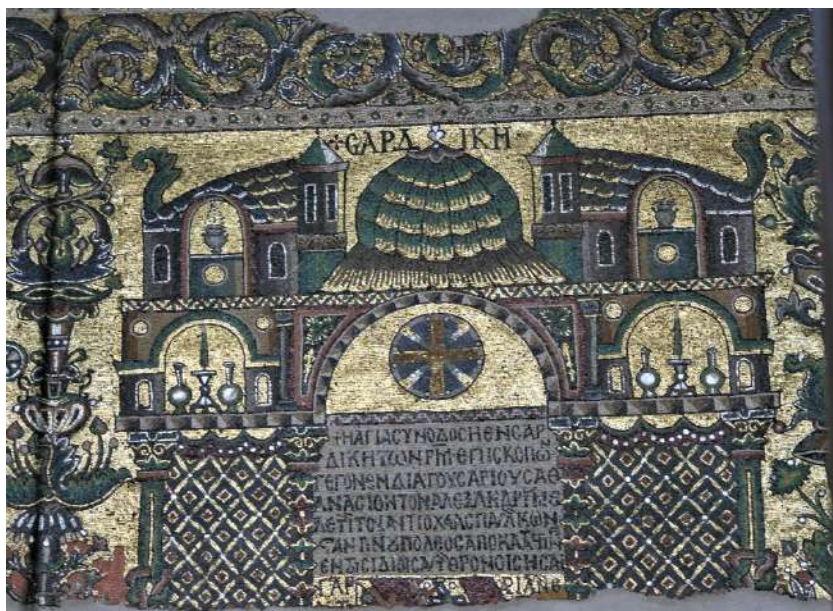
WALTER CH. L'Iconographie des Conciles dans la tradition byzantine. – Paris, 1970.

WHARTON-EPSTEIN A. The 'Iconoclast' Churches of Cappadocia // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. University of Birmingham. March 1975 / Eds. A. Bryer and J. Herrin. – Birmingham, 1977. – P. 103–112.

WILKINSON J. Jerusalem Pilgrims before the Crusaders. – Warminster, 1977.

Рис. 1. Поместный собор в Антиохии. 1169 г. (Фото автора).

Поместный собор в Сардике. 1169 г. (Фото автора).

В.Ю. ЮРОЧКИН

Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

«СЛАВЯНСКИЙ КРЫМ». ОБ ИСТОКАХ ИДЕИ

Весь начальный период становления в Крыму академической археологии (1948–1952 гг.) проникнут идеей поиска на полуострове славянских древностей или их гипотетических предков [Юрочкин, Майко, 2017]. До недавнего времени господствовало представление, что это направление было искусственно навязано извне, а крымские ученые лишь покорно исполнили эту установку.

Документы Крымской научно-исследовательской базы (КНИБ) и Крымского филиала (КФ) АН СССР, хранящиеся в архиве Института археологии Крыма РАН, показывают, что оно не вполне соответствует действительности.

Существует заблуждение, что Тавро-Скифская экспедиция под руководством П.Н. Шульца, прибывшая в Крым летом 1945 г., уже ставила задачей поиск доказательств в пользу связи крымских скифов со славянами. Действительно, на Всесоюзном археологическом совещании, состоявшемся в Москве незадолго до окончания войны (на котором присутствовал и П.Н. Шульц), отмечалась актуальность археологического изучения скифских древностей, подготовивших почву «для пересмотра вопроса огромной важности – о славянстве, в частности о восточной его ветви, об образовании в Восточной Европе обширного русского государства». Теоретической основой для археологических поисков предков славян академик Б.Д. Греков называл этногенетическую схему, намеченную академиком Н.Я. Марром, благодаря которой были «вскрыты глубочайшие местные корни восточного славянства, восходящие к племенам трипольской культуры и степной бронзы, скифам и, наконец, к эпохе полей погребений» [Альтман 1945: 89, 90]. Но речь шла не о скифах в целом, а об исключительно земледельческих племенах Среднего Поднепровья скифского периода, а крымское направление поиска тогда серьезно не рассматривалось. На этом совещании

и возникла идея создания Тавро-Скифской экспедиции в Крыму для исследований столицы позднейшей Скифии [Шульц, Головкина 1951: 150].

Но первоначальные цели Тавро-Скифской экспедиции были гораздо скромнее. Их отразила со слов П.Н. Шульца газета «Красный Крым»: «Основной задачей экспедиции является исследование вопросов о возникновении и развитии в Крыму скифского государства. Экспедиция также исследует вопрос о взаимосвязях культуры поздних скифов с культурой тавров с одной стороны, и греков с другой» [Красный Крым 1945: 21 августа].

Но когда экспедиция уже приступила к работе, выяснилось, что идея «славянского Крыма» уже витала на полуострове. Как записал в своём дневнике П.Н. Шульц: «На раскоп днем зашел канд. истор. наук капитан Вольный... Завязалась с ним интересная беседа о роли государства скифов в процессе сложения русской государственности. Капитан Вольный предложил прочитать на эту тему доклад на научном заседании Музея» [Дневник...: л. 27]. Доклад В.Ф. Вольного «Скифы и проблемы возникновения русской государственности» действительно состоялся, но, по оценке П.Н. Шульца, «носил характер лекции несколько догматического характера» [Зайцев 2015: 7, 8]. При этом В.Ф. Вольный поделился с П.Н. Шульцем планами направить в ЦК ВКП(б) докладную записку «о необходимости усиления работ над проблемой преемственной связи скифов и славян» [Дневник...: л. 229].

Судя по дальнейшему развитию событий, он был в этом не одинок. Пример тому – рассказ «Урок истории» писателя П.А. Павленко. Его персонаж – школьный учитель, сетует, что историки много рассказывают об эллинской, римской, византийской цивилизации, но вовсе забывают о наследии славянской культуры [Павленко 1946: 187–198]. Для него обращение к этому вопросу, своего рода, тест на патриотизм.

Мнение о необходимости и перспективности поисков истоков славянской культуры в Крыму разделяли и другие ученые-крымоведы, в частности, главный хранитель Центрального Краеведческого музея Крыма В.П. Бабенчиков и преподаватель кафедры истории Крымского Пединститута И.Ф. Дрига [ИАК РАН НА РО 1946: 27].

Истоки повышенного интереса к «славянскому вопросу» очевидны. После освобождения Крыма произошла искусственная смена части населения, вызванная выселением крымских татар и прибытием на полуостров новых переселенцев-славян из разоренных войной районов СССР. Руководствуясь намерениями их патриотического воспитания, творческая интеллигенция полуострова видела своей задачей подчеркнуть связь истории полуострова с историей СССР, которая в эти

годы мыслилась, прежде всего, как история русского народа. С другой стороны, это была ответная реакция на использование немецкими оккупантами «готского вопроса» для обоснования исторических прав на Крым [Юрочкин 2017: 327–344; Кизилов, 2015: 235–250]. Вопрос имел как идеологический, так и сугубо практический аспект, прежде всего, на региональном уровне.

Сознавали это и в столице СССР, но не столь остро. Стоит обратить внимание, что при создании КНИБ АН СССР в конце 1947 г. в числе направлений работы в области истории и археологии учредительные документы Президиума АН СССР предлагали достаточно обтекаемую формулу: «...изучение истории Крыма как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории». Вопрос о славянах в Крыму рассматривался наряду с проблемами взаимоотношений полуострова с Московской Русью, борьбой за выход к Черному морю и т.п. [Стрижова, Киселев 2015: 74,75].

И даже позднее, «славянский вопрос» не пользовался абсолютной поддержкой ни в Москве, ни в Крыму. Ситуацию вокруг него обрисовал директор областного лекционного бюро Л.И. Кондрашов. По его словам, еще в 1948 г. на лекцию об историческом прошлом Крыма поступили рецензии двух докторов исторических наук (не названных по имени), в которой предлагалось изъять «основной тезис о том, что Крым является исконно русской землей». Его пришлось защищать сначала в Обкоме Комсомола, затем в Москве в ЦК ВЛКСМ и ЦК ВКП(б), а потом в беседе с А.Д. Удальцовым, который «согласился... и осудил рецензентов» [ИАК РАН НА РО 1949: 19–21].

Но важность такой постановки вопроса была все же оценена и в конце зимы 1948 г, когда на должность директора КНИБ АН СССР был назначен член-корреспондент АН СССР А.Д. Удальцов [Стрижова, Киселев, 2015: 76], ставший параллельно и руководителем темы «Славяне в Крыму» [ИАК РАН НА РО 1948: 3]. Правда, в дальнейшем А.Д. Удальцов (вероятно, не веривший в перспективность данного направления) от реального руководства направлением воздержался, и основная деятельность велась исполнителем – В.П. Бабенчиковым.

Таким образом, тема «славянского Крыма» не была навязана извне, а явилась следствием роста патриотических настроений на полуострове в среде крымской творческой интеллигенции, а лишь затем была официально определена одной из основных в деятельности КНИБ, а затем и КФ АН СССР.

Библиография

- АЛЬТМАН В. Всесоюзное археологическое совещание // Исторический журнал. – М., 1945. № 5. С. 88–95.
- Дневник Тавро-скифской археологической экспедиции Государственного Музея Изобразительных Искусств им. Пушкина и Института Истории Материальной Культуры им. Марра АН СССР, проводимой совместно с Центральным краеведческим музеем Крыма, составленный собственноручно П.Н. Шульцем. 13.08 – 24.10. 1945 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН.
- ЗАЙЦЕВ Ю.П. Начало. По страницам дневника П.Н. Шульца «Тавро–Скифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР» 1945 года // 70 лет Тавро–Скифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции (Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). – Симферополь, 2015.
- КИЗИЛОВ М.Б. Крымская Готия: история и судьба. – Симферополь, 2015.
- Красный Крым. – Симферополь, 1945. 21 августа.
- Научный архив Института археологии Крыма РАН. Рукописный отдел (далее – ИАК РАН НА РО). – Д.: № 1 (1946); № 1 (1948); № 6 (1949).
- ПАВЛЕНКО П.А. Урок истории // Советский Крым. – Симферополь, 1946. № 2. С. 187–198.
- СТРИЖОВА Т.П., КИСЕЛЕВ М.Ю. «Крым с давних времен привлекал к себе внимание выдающихся деятелей науки». Документы об организации Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. 1947–1948 гг. // Исторический архив. – М., 2015. № 1. С. 66–79.
- ШУЛЬЦ П.Н., ГОЛОВКИНА В.А. Неаполь Скифский // По следам древних культур. – М., 1951. С. 143–168
- ЮРОЧКИН В.Ю. Готский вопрос. – Симферополь, 2017.
- ЮРОЧКИН В.Ю., МАЙКО В.В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи (глава 8) // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. – СПб., 2017. С. 157–231.

Н.В. ГИНКУТ

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**О ВИЗАНТИЙСКИХ ПОЛИВНЫХ СОСУДАХ
XIV В. С МОНОГРАММАМИ
ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО
И ИХ ВОЗМОЖНОМ НАЗНАЧЕНИИ**

Поливная керамика поздневизантийского времени черноморского региона выделяется разнообразием форм, техник исполнения и сюжетов. Расширение связей, благодаря активной торговой предприимчивости итальянских купцов, усилило процессы как появления на рынке разнообразных товаров, в том числе, и различных видов поливной керамики, так и развития местных локальных мастерских, производивших практически полный спектр глазурованной посуды, популярной на средиземноморско-причерноморском рынке. В XIV столетии в регионе все же остаются популярными сосуды так называемой группы Elaborate Incised Ware, производство которой связывают с византийскими мастерскими в Константинополе и Фессалониках, а распространение – с активной деятельностью в регионе итальянских негоциантов. Для палеологовского времени характерно появление керамики с выгравированными на дне подглазурными монограммами. Появляются они под непосредственным влиянием западноевропейской моды на изображение гербов и геральдических щитов и надписей. [Dark 2001: 94–96]. Разнообразие монограмм на таких чашах достигает 20–25 видов. А. Кузев, рассматривая монограммы из Варны, разделил их по содержанию на 8 групп [Кузев 1974: 155–169]. Предложенной им классификации придерживаются и другие исследователи (А.А. Кравченко, В.Л. Мыц, V. François). Монограммам на поливной керамике Крыма также не раз уделялось внимание [Залеская 1999; Мыц 2005; Гинькут, 2004; 2011; 2012;

Майко 2019]. Относительно толкования этих надписей на поливной керамике в литературе существуют различные мнения, объясняющие их как собственные имена императоров Палеологов, метки гончаров или гончарных мастерских (некоторые из них принадлежали династии Палеологов), как имена владельцев и заказчиков, в том числе, и из среды служителей религиозных культов (в том числе, и для паломников), поминальные дни, имена святых и т.д. [Talbot Rice 1930: 35, 74–75]. Выделение имен святых на целом ряде поздневизантийской поливной керамики не вызывает определенных споров. Появление этой группы монограмм, по мнению ряда исследователей, объясняется, в том числе, и «усилившимся интересом к мистическим идеям исихазма» [Мыц 2005: 296]. Сами сосуды могли использоваться для святой воды или мирра [Papanikola-Bakirtzi 1999: 22].

Наиболее распространенными среди упоминаемых имен, обладающих святостью, являются сосуды с монограммой «Михаил», как византийского, так и локального производства [Майко 2019: 289]. Мода на эти сосуды связана с почитанием Архангела Михаила, как небесного воина, защитника от нашествия «иноплеменных», как хозяина «священных мест» [Мыц 2005: 290–292; Афиногенова 2005: 23–25]. Чаши с монограммой «Михаил» (II группа по А. Кузеву) [Кузев 1974] известны среди византийской керамики XIV в. из Фасоса, Монкастро [François 1995: 106, 107; Кравченко 1986: 111, 112, рис. 43,2], болгарских и румынских центров [Кузев 1974: 158, 159; Сенгалевиц 2018: 163, 164; Сенгалевиц 2019: 112], Херсона [Романчук 2003: 52,53, табл. 30,104-105], Каффы и других крымских памятников [Кравченко 1991: 114; Мыц 2005: 290, 291], а также Азака [Масловский 2006: 398, рис. 35,2,7]. На крепости Чембало, в районе Приморской линии обороны, найден один фрагмент плоскодонного бокала-чашки византийского происхождения с монограммой «Михаил» (ИКАМ НЗХТ 37531/6) [Алексеевко и др. 2009: 26, рис. 69]. Но следует отметить, что почитание этого культа нашло свое отражение в керамике локальных мастерских Крыма [Майко 2019]. Некоторые экземпляры сосудов производства крымских центров с именем Михаил известны в пределах консульства Чембало [Яшаева 2005: 250; Гинкут, Яшаева 2014: 40–44]. Поэтому мы можем предположить популярность культа среди разных слоев населения Крымского полуострова XIV–XV вв., в качестве апотропея для его владельца.

Четыре фрагмента византийских сосудов имеют на дне, в центре, монограмму «ПА». Происходят они из раскопок Башен № 6 и 8 (ИКАМ НЗХТ 37589/1; 37408/2) [Алексеевко и др. 2012: 14, рис. 73,5; Алексеевко и др. 2005: 71, рис. 64], пространства между домом 2 и домом 3 у северо-

восточной линии обороны (ИКАМ НЗХТ НВФ 1097/74) [Адаксина и др. 2010: 27, 76], в слое каменного завала за северной стеной храма № 3 (ИКАМ НЗХТ НВФ 1170/22) [Адаксина и др. 2011: 20, 51]. Фрагменты относятся к разным типам сосудов: плоскодонный кубок-чашка (2 ед.), небольшая чашка на профилированном поддоне-ножке и сосуд открытого типа на скошенном кольцевом поддоне. Чаши с этими монограммами относятся к III группе по А. Кузеву. Сосуды с такой монограммой известны в Константинополе, Фессалониках, Варне, Несебре, Ени Сале, Калиакре, Фасосе, Монкастро [Кравченко 1986: 111, 112, рис. 43,3; Papanikola-Bakirtzi 1999: 82; Сенгалевич 2018: 158–160], Херсоне [Яacobсон 1950: 117, рис. 81], Каффе [Кравченко 1991: 114; Мыц 2005: 293]. Монограмма лигатуры Палеологов встречается на территории Крыма очень редко [Яacobсон 1950: 117; Мыц. 2005: 293; Залеская 1999: 371, 372, рис. 4]. Мастерские по производству керамики, в том числе и с указанной монограммой, были исследованы в Стамбуле, где материалы датируются XIV в. [Waksman et al. 2009: 457–467; Waksman 2012: 147–151]. Чаще всего монограмма окружена пышным растительным орнаментом в виде трилистников или пальмовых ветвей – христианскими символами Троицы и бессмертия, атрибутом святых [François 1995: 106; Кравченко 1986: 111–113]. Присутствие в орнаментальной композиции выше указанных элементов свидетельствует о ее религиозном характере. По мнению М.А. Поляковской, «обладая святостью», «василевс, являясь покровителем, защитником и пастырем подданных, во всех проявлениях своего статуса был подражанием высшему небесному патрону империи – Христу» [Поляковская 2007: 163–165]. Поэтому не случайно монограмма императорской фамилии встречается в ряду аналогичных византийских сосудов с именами святых, неся, в первую очередь, религиозную нагрузку. Все же нужно заметить, что присутствие монограмм на керамике, которая распространялась среди широких слоев населения, не лишено было пропагандистских целей, и наряду с изображениями императоров в церквях вместе со святыми демонстрировало взаимоотношения высшей светской власти с Богом, подтверждая ее законность [Бардашова 2015: 84, 85]. Однако, следует отметить, что на поливной посуде локального производства крепости Чембало имитаций данной монограммы не встречается. В количественном соотношении к византийским импортам XIV в. находки этой керамики единичны. Сосуды с лигатурой императорской династии, вероятнее всего, поступили на территорию консульства в качестве особых подарков или как евлогии или сувениры, привезенные из Константинополя или Салоник.

Еще одна группа византийских чаш с монограммой «Димитрос» или «Продромос» (I группа по А. Кузеву) встречается трижды: археологически целая чашка-пиала, фрагменты дна чаши на расходящемся кольцевом поддоне и чашки-пиалы на небольшом кольцевом поддоне, были обнаружены при исследовании Башен 8 и № 6 (ИКАМ НЗХТ 37426/14; 37437/1; 37555/10) [Алексеевко и др. 2006: 24, рис. 64; Алексеевко и др. 2010: 23, рис. 72]. Сосуды с этой монограммой известны в Константинополе, Салониках, Болгарии, на Фасосе [Кузев 1974: 157, 158; Iosifova 1981: 441, fig. 6b; François 1995: 108; Papanikola-Bakirtzis 1987: 204; Papanikola-Bakirtzi 1999: 82] и на крымских памятниках [Мыц 2005: 293; Залеская 2011: 218]. Производство сосудов с этой монограммой известно и в Константинополе, в выше упомянутых мастерских [Waksman et al. 2009: 457–467; Waksman 2012: 147–151]. Эти сосуды также датируются второй половиной XIV столетия [Iosifova 1981: 441, Papanikola-Bakirtzi 1999: 82; Sengalevich 2016: 439].

Данная монограмма вызвала неоднозначное обсуждение в исследовательских кругах по поводу интерпретации надписи [Talbot-Rice 1930; Demangel, Mamboury 1939; Кузев 1974: 157; François 1995: 14–106; Papanikola-Bakirtzi 1999: 82]. Находки чаш с этой монограммой в крипте базилики Св. Димитрия в Салониках укрепили мнение об интерпретации этой монограммы, как имя св. Димитрия Солунского. Этой точки зрения придерживался, в том числе, и автор классификационной работы, А. Кузев [Кузев 1974: 165]. Вместе с тем, существовало предположение, высказанное еще Д.Т. Райсом, об определении этой надписи, как «Продромос». Впоследствии оно не раз поддерживалось исследователями и наиболее подробно разобрано Г. Сенгалевичем, [Сенгалевич 2016: 438, 439]. Сравнительный анализ начертания монограммы на чаше с надписями, сопровождавшими изображения св. Димитрия или Иоанна Крестителя на византийских фресках и иконах палеологовского времени, приводит нас к выводу в пользу интерпретации монограммы как «Продромос», что, вероятно, означало полную каноническую формулу «Святой Иоанн Предтеча».

Образ Иоанна Крестителя (Предтеча), как пророка и провозвестника Мессии и события Крещения Господня, несомненно, для средневекового обывателя были более чем значимыми. С «Крещением Иоанновым» в средневековье ассоциируется также ритуальное использование воды. В средневековой западной традиции к Иоанну прилагалось исключительно прозвание Креститель, в восточной традиции Иоанн был как Крестителем, так и Предтечей. Исключительное Почитание Иоанна Крестителя

отмечается в странах восточно-христианского и западного мира, в особенности в XIII–XV вв.; в фольклорной культуре почитание Иоанна Крестителя оказалось связано, в том числе, и с народной магией [Ткаченко 2010; Устинова 2010; Иванова 2010].

Такая любовь к образу святого в конце XIII–XV вв. нашла отражение в ономастике Средиземорско-Причерноморского региона, что, несомненно, базировалось на почитании культа. Например, наиболее популярным именем во второй половине XIV в. в Каффе и среди латинского, и среди греческого населения были имена Георгий, Иоанн, Антоний и Лев. Согласно данным «Просопографического лексикона» времени Палеологов, имя Иоанн входило в десятку самых типичных греческих имен, среди которых являлось наиболее популярным [Пономарев 2000: 375, 376].

Култ Иоанна Крестителя (Предтечи) признавался и на государственном уровне – в самой Генуе и в ее колониях, в том числе Каффе и Чембало. В Генуе, где с 1098 г. в центральном кафедральном соборе во имя святого архидиакона Лаврентия хранятся частицы мощей Иоанна Крестителя, в 1327 г. святой Иоанн Креститель был провозглашен небесным покровителем города наряду со святым Георгием Победоносцем. Согласно преданию, наличие мощей святого Иоанна избавило город от чумы [Артюхова, Королев 2010]. В самой метрополии, в генуэзских колониях в честь Иоанна Крестителя в Рождество (24 июня) устраивается двухдневный праздник, сочетающий в себе два символических элемента – воду и огонь. Финансовые траты предусматривались и для празднования в Чембало. Уставом Генуэзских колоний определялось и выделение определённых денежных сумм на покупку свечей в престольные и великие праздники, в том числе, и для храма Иоанна Предтеча [Устав генуэзских колоний 1863: 708–710, 825; Карпов 2000: 210, 211].

Несомненно, что и такое почитание Святого не могло не отразиться в прикладном искусстве, которое, в большинстве своем, отражало не только официальные культы, но и народные почитания и традиции. Так, например, в болгарских городах, помимо сосудов византийского производства с монограммой «Продромос», была найдена керамика с именем этого святого, вероятно, также и местного производства [Кузев 1974: 157, 158]. На территории крепости Чембало сосуды местного производства с такой монограммой пока не встречены. Служили ли эти чаши евтогиями, оберегами, или несли в себе еще какую-либо духовную нагрузку, сейчас сказать затруднительно, найдены они были в разных районах и в комплексах с обычным набором керамических находок, характерных для крепости Чембало.

Находки византийской поливной керамики с монограммами, выгравированными в греческой манере и традициях, несомненно, подтверждают уже не раз высказываемый тезис, что базой сближения двух культур оставалось все же византийское искусство, несмотря на привнесенные западные традиции [Карпов 2000: 61]. На примере прикладного искусства мы наблюдаем эти процессы и в консульстве Чембало.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н.А., ГИНЬКУТ Н.В., ДЬЯЧКОВ С.В. Отчет о раскопках башни № 8 «Консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2004 г. – Харьков; Севастополь, 2005 // НА НЗХТ. Д. 3650.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А., ГИНЬКУТ Н.В., ДЬЯЧКОВ С.В. Отчет о раскопках в припортовом районе генуэзской крепости Чембало в 2008 году. Башня № 8 (участки Б и В). Припортовый район (участок А). – Харьков; Севастополь, 2009 // НА НЗХТ. Д. 3997.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А., ГИНЬКУТ Н.В., ДЬЯЧКОВ С.В., СТОЛЯРЕНКО Е.Н. Отчет о раскопках в припортовом районе генуэзской крепости Чембало в 2009 году. Башня № 6. – Харьков; Севастополь, 2010 // НА НЗХТ. Д. 4062
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А., ГИНЬКУТ Н.В., ДЬЯЧКОВ С.В., СТОЛЯРЕНКО Е.Н. Отчет о раскопках в припортовом районе генуэзской крепости Чембало в 2011 году. Башня № 6. – Харьков; Севастополь, 2012 // НА НЗХТ. Д. 4164
- АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л., УШАКОВ С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. – СПб.; Симферополь, 2010.
- АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л., УШАКОВ С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2010 г. – СПб.; Симферополь, 2011.
- АРТЮХОВА Т.А., КОРОЛЕВ А.А. Иоанн Предтеча // Православная энциклопедия. – М., 2010. Т. XXIV. С. 528–577.
- АФИНОГЕНОВА О.Н. Архангел Михаил – хозяин «священных мест» // Sacrum et Profanum. – Севастополь, 2005. Вып. I. Культ святых мест в древних и современных религиях. С. 23–26.
- БАРДАШОВА Т.Н. Аспект визуального в системе идеологической пропаганды династии Великих Комнинов в трапезундской империи (1204–1461) // Вестник ВолГУ. – Волгоград, 2015. Серия 4. История. Религиоведение. Международные отношения. № 3 (33). С. 79–91.
- ГИНЬКУТ Н.В. Византийские поливные чаши с монограммами из раскопок крепости Чембало. // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной научной конференции (Харьков, 4–6 ноября 2004 г.). – Харьков, 2004. С. 90–91.

- ГИНЬКУТ Н.В. Изображения и монограммы святых на керамике Херсона и Чембалю в поздневизантийский период // VI Международная конференция по церковной археологии «Херсонес – город святого Климента». Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2011. С. 13–14.
- ГИНЬКУТ Н.В. Монограммы на поливной посуде местного производства из раскопок крепости Чембалю и ближайшей округи // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» // Тезисы докладов и сообщений IV Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05. – 05.06.2012). – Севастополь 2012. С. 14–15.
- ГИНЬКУТ Н.В., ЯШАЕВА Т.Ю. Некоторые группы поздневизантийской поливной керамики из раскопок К.Э. Гриневича в балке Бермана // «Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации». Тезисы докладов международного научного семинара. – Севастополь, 2014. С. 40–44.
- ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. – София, 1999. Сб. 4. С. 374–375.
- ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. Каталог коллекции. – СПб., 2011.
- ИВАНОВА Ю.В. Иоанн Предтеча // Православная энциклопедия. – М., 2010. Т. XXIV. С. 528–577.
- КАРПОВ С.П. Латинская Романия. – СПб., 2000.
- КРАВЧЕНКО А.А. Средневековый Белгород-на-Днестре. – Киев, 1986.
- КРАВЧЕНКО А.А. Импортная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – Киев, 1991. С. 111–120.
- КУЗЕВ А. Средневековая сграфито керамика с монограммами от Варна // Известия на Народный музей Варна. – Варна, 1974. Кн. X. С. 158–169.
- МАЙКО В.В. Керамика с монограммами средневековой Солдайи. Типология, хронология и место производства // МАИЭТ. – Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 288–311.
- МАСЛОВСКИЙ А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. – Азов, 2006. Вып. 21. С. 309–473.
- МЫЦ В.Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV–XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. – Киев, 2005. С. 288–305.
- ПОЛЯКОВСКАЯ М.А. Василевс как подражание Христу (по материалам обрядника XIV в.) // Sacrum et Profanum. – Севастополь, 2007. Вып. III. Небесные патроны и земные служители культа. С. 163–166.
- ПОНОМАРЕВ А.Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века. – М.; СПб., 2000. Т. 4. С. 317–442.

- СЕНГАЛЕВИЧ Г. Византийска сграфито керамика с монограми на Палеозолите // Българско е-Списание за Археология. Supplementum 6. Филови четения проучване на културно-историческото наследство. Доклади от докторантска конференция 16-17 декември 2015 г., София. – София, 2018. С. 157–168.
- СЕНГАЛЕВИЧ Г. Глазирана паничка за керамопластична украса с монограм от Червен (опит за реконструкция и идентификация) // Приноси към Българската археология. – София, 2019. Т. IX. С. 111–130.
- ТКАЧЕНКО А.А. Иоанн Предтеча // Православная энциклопедия. – М., 2010. Т. XXIV. С. 528–577.
- РОМАНЧУК А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. – Екатеринбург, 2003.
- УСТИНОВА Ю.В. Иоанн Предтеча // Православная энциклопедия. – М., 2010. Т. XXIV. С. 528–577.
- УСТАВ для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / изд. В. Юргевич // ЗООИД. – Одесса, 1863 Т. V. С. 629–837.
- ЯКОБСОН А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. – М.; Л., 1950. № 17.
- ЯШАЕВА Т.Ю. Поливная керамика из раскопок пещерных монастырей Херсона // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыш. – Киев, 2005. С. 247–256.
- DARK K. Byzantine Pottery. – Tempus, 2001.
- DEMANGEL R., MAMBORY E. Le quartier des Manganes la première région de Constantinople. – Paris, 1939.
- FRANCOIS V. La ceramique Byzantine a Thasos. – Athenes; Paris, 1995.
- JOSIFOVA M. Céramique a decor «sgraffito» de Kaliakra (XIIIe la moitié du XVe s.) // Byzantinobulgarica. – Sofia, 1981. Т. VII. P. 437–444.
- Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. – Athens, 1999.
- PAPANIKOLA-BAKIRTZIS D. The Palaeologan Pottery of Thessaloniki // L'art de Thessalonique et des pays balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle, Recueil des rapports du IVe Colloque serbo-grec Belgrade, 1985. – Belgrade, 1987. P. 193–204.
- SENGALEVICH G. “Dimitrios” or “Prodromos”. The Case of a Popular Sgraffito Ceramics Monogram // Proceedings of the 23rd International Congress of the Byzantine Studies. Belgrade, 22-27 August 2016. Thematic Sessions of Free Communications. – Belgrad, 2016. P. 438–439.
- SENGALEVICH G. Medieval Sgraffito Ceramics with Underglazed Monograms and Other Inscriptions from Bulgaria // 12 Congress on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. – Athens, 2018.
- TALBOT RICE D. Byzantine Glazed Pottery. – Oxford, 1930.
- WAKSMAN S.Y., ERHAN N., ESKALEN S. Les ateliers de céramiques de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2008 // Anatolia Antiqua. – 2009. Vol. XVII. P. 457–467.
- WAKSMAN S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople / Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009, a cura di Sauro Gelichi. – Venezia, 2012. P. 147–151.

**ХII Международный
Византийский семинар**

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
ИМПЕРИЯ И ПОЛИС**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ответственный редактор Н.А. Алексеенко

Перевод на английский язык Н.И. Храпунов

Корректоры В.А. Нессель, К.С. Ушакова

Компьютерная верстка Н.А. Алексеенко

Подписано в печать 05.04.2020. Формат 60x84 1/16

Гарнитура Times. Учетно-издательских листов 18,02

Тираж 150 экз.

Заказ № 14

Оригинал-макет изготовлен ФГБУН
«Институт археологии Крыма РАН»
295007, Симферополь, пр. Вернадского, 2.

ОГРН 1159102130660 от 05.12.2015

Тел.: + 7 (3652) 549 116

E-mail: arc.crimea2@gmail.com

ООО «Колорит»
ОГРН 1169204061454 от 18.11.2016
299011, Севастополь, ул. Ленина, 28
Тел.: (8692) 54-31-46
E-mail: colorit.ooo2016@ yandex.ru